

1941 ГОД ГЛАЗАМИ НЕМЦЕВ

РОБЕРТ КЕРШОУ

БЕРЕЗОВЫЕ
КРЕСТЫ ВМЕСТО
ЖЕЛЕЗНЫХ

ОКОПНАЯ ПРАВДА ВЕРМАХТА

УДК 355/359
ББК 63.3(0)62
К 36

Оформление серии *С. Курбатова*

ROBERT J. KERSHAW
WAR WITHOUT GARLANDS: BARBAROSSA 1941/42

Кершоу Р.
К 36 1941 год глазами немцев : Березовые кресты вместо Железных / Роберт Кершоу ; [пер. с англ. А. Уткина]. — М. : Яуза, 2010. — 544 с. : ил. — (Окопная правда Вермахта).

ISBN 978-5-9955-0151-0

Уникальная книга британского историка, созданная на основе многочисленных интервью с уцелевшими ветеранами Вермахта, участниками вторжения в СССР. История блицкрига и его провала глазами простых немецких солдат и офицеров, которые на собственной шкуре испытали, что такое война с русским народом, и с ужасом наблюдали, как их поход за победными венками превратился в марш за березовыми крестами.

УДК 355/359
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-9955-0151-0

© Robert J. Kershaw, 2010
© Перевод. Русич, 2010
© ООО «Яуза-пресс», 2010

РОБЕРТ КЕРШОУ

1941 год ГЛАЗАМИ НЕМЦЕВ

**Березовые
кресты вместо
Железных**

МОСКВА
2010

Введение

До сих пор об операции «Барбаросса» никто так и не опубликовал воспоминаний, сделанных ее непосредственными участниками простыми солдатами. Историки и оставшиеся в живых участники русско-германской войны 1941_1945 гг., как правило, сосредотачивались на ходе военных операций и тут же сталкивались с крайне неудобными вопросами морально_этического характера, либо обращали внимание лишь на какой_то один аспект войны, начисто забывая о других. Я с интересом прочитал заметки Пауля Коля, который, решив повторить путь частей наступавшей группы армий «Центр», в 80_е годы совершил паломничество в Россию. Из 35 ветеранов, которых Коль решил привлечь к своей акции, лишь трое признались в том, что допускали превышение служебных полномочий в ходе боевых действий. Однако, с другой стороны, практически во всех городах сегодняшней Германии недавно прошла передвижная выставка под названием «Vernichtungskrieg» «война на уничтожение», целью которой было обнародовать и заклеить позором вермахт, возложив на него вину за эту войну. Не стоит забывать о том, что нынешний бундесвер (Вооруженные силы ФРГ) прямой наследник Вермахта. И те из немцев, кому почти не выпало столкнуться с военными преступлениями в период войны, не скупятся на героико-эпические легенды о том времени. В столь же некритичной риторике выдержаны и сказания о героической «Великой Отечественной войне», распространенные в России, где она рассматривается исключительно в идеологической перспективе. Скорее всего, наиболее честно о войне сказал один бывший солдат вермахта, заявивший во время телеинтервью следующее: «Если кто-то утверждает, что большинство немцев были невиновны, то я назвал бы их сообщниками тех, кто совершал преступления».

Война предполагает различные степени ответственности, и они подлежат всестороннему рассмотрению. Тема военных преступлений с болезненной дотошностью изучалась социал-демократически настроенными учеными, в свое время оценивавшими степень виновности американских солдат во Вьетнаме, французских за постколониальные конфликты в Алжире и британских за Фолклендские острова. Но проблемы военной морали нельзя рассматривать в черно-белом свете, как полагают упомянутые авторы. Даже солдаты миротворческих сил ООН и НАТО в последнее время имели возможность убедиться на Балканах, что моральная ответственность в период военного конфликта понятие растяжимое. Война Германии против Советского Союза была войной между двумя тоталитарными государствами, войной двух идеологий, и степень идеологического давления, оказывавшегося на ее участников, недооценивается современными, возвращенными на демократических ценностях, историками, поскольку последние просто не представляют себе жизни в тех условиях. Гельмут Шмидт, участник Второй мировой войны, а впоследствии федеральный канцлер Германии, в интервью одной из газет бросил камень в огород военных историков, заявив, что не следует воспринимать каждый документ, в котором говорится о военных преступлениях, как неоспоримое доказательство. Не всем немцам, побывавшим на фронте, пришлось столкнуться на войне с творимыми жестокостями, заявил он в подтверждение сказанному.

Документы очень важные источники. Но и пережитое тоже истина, поскольку побуждает нас к действию.

Именно поэтому предлагаемая книга есть попытка изучить, понять и объяснить с помощью солдатских писем с фронта и дневниковых записей, во что верили участники боев, какими мотивами они руководствовались.

Как же все_таки, с точки зрения христианских ценностей, объяснить или, более того, как совместить с этими ценностями систематические зверства, которые творили солдаты вермахта, на первый взгляд, люди вполне цивилизованные, в отношении советских военнопленных и гражданского населения? Война - жестокая вещь, и она не щадит никого из тех, кто в ней участвует, одного такого объяснения явно недостаточно. Есть,

видимо, какие-то неявные эмоции, последствия пережитого, превращающие героев в заурядных уголовников. И лишь познав эти «слепки» личного опыта, становится возможным верно и объективно оценить чувства, переживания и мотивы солдат, ведущих безжалостную войну на чужой территории. Название книги продиктовано выражением, бытовавшим среди немецких солдат -«Kein Blumenkrieg» -«война, где тебя не осыпают цветами». Вряд ли те, кто тогда воевал на Восточном фронте, тешили себя надеждами, что их забросают цветами на этой войне, как забрасывали на берлинских парадах после свершившегося на Западе блицкрига.

Книга признает, что война -это еще и глубоко личное. Воспоминания о ней - сотни и тысячи элементов мозаики, мгновений, запечатлевшихся в памяти подобно фотоснимкам, именно такова и авторская концепция книги. Пять чувств, свойственных человеку, и определили форму, в которой фиксировались изучаемые события. Остается добавить, что душевное состояние солдат надлежит оценивать, исходя из того, что им довелось испытать, и учитывая идеологическое воздействие, которое на них оказывалось, отсюда бесчисленные обращения автора к дневникам и письмам.

Важно не забывать о значимости описываемых событий, ибо из 20 миллионов солдат вермахта, участвовавших во Второй мировой войне, 17- 19 миллионов воевали в России.

Именно им выпало закладывать основу будущего государства, сегодняшней Германии, одной из самых просвещенных и демократичных стран мира. Предлагаемая вниманию читателя книга -это попытка исследования сурового испытания, выпавшего на долю этих людей, ставшего исходным пунктом их становления и определившего их дальнейшую жизнь.

Автор безгранично благодарен супруге Линн, взявшей на себя перепечатку рукописи и ее редакторскую правку. Если в книге и присутствуют ошибки, то они исключительно на совести самого автора, поскольку он отказался их исправлять!

Без Линн эта книга никогда не увидела бы свет.

Сослсбери, 2000 год

ГЛАВА 1

«МИР ЗАТАИТ ДЫХАНИЕ»

«Представляю, как вы все удивитесь и перепугаетесь.

Но бояться нечего, здесь все предусмотрено, никаких сбоев не будет».

Ефрейтор артиллерийского полка.

Суббота. 21 июня 1941 года

Молодой унтер-офицер оторвал взгляд от исписанного листка, ощутив на лице теплый ветерок, прилетевший с литовской равнины. День простоял душный и жаркий. Затем он продолжил писать прерванное письмо: «Уменя такое чувство, что завтра утром, быть может, не завтра, а послезавтра, произойдет нечто, что заставит мир призадуматься. Более того, я не сомневаюсь, что не останусь в стороне от этих событий. Хочется надеяться, что ближайшее будущее еще на шаг приблизит нашу окончательную победу».

Его часть, 6-я пехотная дивизия, была одной из 120 дивизий, сосредоточенных вдоль

демаркационной линии, протянувшейся от Финского залива и до Черного моря. Огромная масса людей, три миллиона солдат и офицеров, жила предчувствием чрезвычайных событий.

Лейтенант герман Витцман, 26-летний командир взвода, сидел вместе с подчиненными в палаточном лагере, замаскированном в лесу неподалеку от реки Буг и в непосредственной близости от советской крепости Брест-Литовск. Пожой июньский день клонился к закату.

Верхушки сосен едва заметно колыхались под свежим вечерним ветерком. Сквозь ветви проникали лучи заходящего солнца. «Небо над нами похоже на голубой шатер, - записал Витцман. Мы стоим на пороге великих событий, продолжал он исповедь на странице письма, в которых и мне лично отведена роль». Неизвестность тревожила. «Никому из нас не дано знать, уцелеет ли он в грядущих событиях». Война казалась неизбежной. Вот-вот предстояло начаться новой кампании, но никто не знал, где именно это произойдет. Неуверенностью перед битвой были охвачены все. «После долгих споров, бесед, вопросов и сомнений мы, наконец, успокоились и расслабились. Как всегда в таких случаях, последнее слово, которое могло разъяснить ситуацию, было сказано».

В этот же день севернее Бреста Итал Гельцер находился в «размалеванной разноцветной палатке, одной из многих в этом лагере, укрытом под высокими соснами». Он чувствовал себя счастливым. Придя в гости к командиру разведывательного взвода, он даже получил возможность встать во весь рост в этой палатке. «Очень удобно, когда одеваешься», - заметил он. Под потолком висит лампа, даже пол имеется, здесь хорошо спать, если только холод по ночам не донимает. Все дело в том, что он был допущен к картам. Они-то и объяснили суть момента. Осведомленность, информированность - дело престижное в кругу однополчан.

«Вся карта по краям была усеяна стрелками - направление на Львов», - так Гельцер и написал в своем письме. Больше, чем стрелки, вряд ли скажешь. По вечерам он усаживался под сосны и наигрывал на губной гармошке швейцарские народные мотивы. Перед битвой его, как и многих других, занимали мысли о близких и родных. «Думаю о вас, о тех, кто разбросан по миру, - писал он, - хочется верить, что кончится война и настанет день, когда все мы сможем зажить жизнью, какой не довелось пожить нашим родителям». Вынужденное безделье и томительное ожидание изматывало. «Разве мне приходилось раньше столько сидеть и ждать?» - вопрошал он в письме. Слухи - один краше другого. «Пришло известие о каком-то соглашении с Турцией; если это говорилось о России, я поверил бы в него по принципу «credo quia absurdum» (верую, потому что абсурдно)». Гельцер завершает свое эпистолярное произведение интригующе-цветистым выражением: «Когда вы будете читать эти строки, нам уже все будет известно. Как раз сейчас, в этот вечер, мы находимся на марше». Ему вообще-то знать об этом не полагалось, но стрелки на карте без обиняков указывали пункт назначения его части: местечко Борисычой, севернее Львова. Четыре дня спустя Гельцер погибнет в бою.

Лейтенант Витцман старался ожесточить себя накануне предстоящих сражений. Строки из его письма выдают в нем романтика, глубоко верующего человека: «Бог-Отец, даруй мне силу, веру и отвагу не склонить головы под свистящими пулями, под грохотом артиллерийских залпов и разрывами бомб, помоги мне не дрогнуть перед танками противника и ужасами газовых атак. Да воздастся Тебе доброта Твоя». Лейтенант Витцман не переживет и суток.

Перед началом операции предпринимались совершенно беспрецедентные меры секретности. Без этого было не обойтись. На 800-километровом участке польской территории у демаркационной линии были сосредоточены 7 полевых армий вермахта. Четыре танковых группы и три воздушных флота люфтваффе находились в полной боевой готовности: 600 000 автомобилей, 750 000 лошадей, 3580 танков и самоходных орудий, 7184

артиллерийских орудия и 1830 самолетов. Активность немцев в районе аэродрома Маринглен в Польше привлекла внимание двух польских рабочих, оба примерно догадывались, чем она вызвана. В 1940 году евреев и поляков согнали на принудительные работы по сооружению взлетных полос. Ян Шчепаник рассказывает: «Я выполнял все приказы. Если меня посылали в лес таскать оттуда дрова - я их таскал. Надо было доставить стройматериалы для возведения барачных, я занимался этим». И меры, принимаемые для маскировки объекта, не могли не броситься в глаза. «Когда немцы закончили взлетную полосу, они позволили ей зарастить травой, и даже пасли на ней скот. Она и на аэродром не походила, посмотришь - пастбище и пастбище. Тем более что вся была покрыта белым клевером. Стенами для ангаров служили стволы деревьев, сверху покрытые зеленой маскировочной сетью. Когда листва увяла, ее заменили на свежую» .

В одной только Восточной Польше было построено 100 основных аэродромов и 50 полевых. Шчепаник и его приятель Доминик Струг прекрасно догадывались, к чему вся эта подготовка. «Все кругом знали и понимали, в один голос заявили оба поляка, - что речь идет о войне с Россией».

К началу июня месяца артиллерийская батарея оберлейтенанта Зигфрида Кнаппе была переброшена в Восточную Пруссию. На учениях в районе Просткена, вблизи границы с СССР, Кнаппе вместе с другими командирами батарей был вызван на совещание, где обсуждались вопросы «выбора наиболее удобных артиллерийских позиций с учетом обстрела территории СССР». Командир дивизиона предупредил их об «особой осторожности» при проведении подготовки. В ответ на его слова офицеры сослались на советско-германский пакт о ненападении, но их поспешили заверить, что речь идет «Всего лишь об учениях». Позиции были выбраны идеально. После этого командирам батарей приказали выслать солдат, переодетых в гражданскую одежду, для погрузки и транспортировки на позиции снарядов.

«Так ваши люди будут выглядеть, как крестьяне, занятые рутинной работой, а боеприпасы необходимо по прибытии на место сразу же разгрузить и замаскировать», велел командир дивизиона. Смысл дошел до командиров батарей. Один из них поинтересовался: «На кого мы собрались нападать, герр майор?» Вопрос напрямик явно застал командира батальона врасплох. Смутившись, он попытался отделаться отговоркой: «Это чисто гипотетическая ситуация. Но нужно быть готовыми ко всему». В близлежащих крестьянских хозяйствах срочно реквизируют гражданскую одежду, и переодетые под крестьян солдаты, погрузив 300 снарядов на телеги, перевезли их на подготовленные позиции.

Под покровом темноты на исходные рубежи выдвигались и танки. Передовые части 1 - й танковой дивизии покинули места постоянной дислокации в Цинтене под Кёнигсбергом 17 июня. Командиры получили приказ передвигаться только в темное время суток. Переодетые в гражданскую одежду и высланные вперед офицеры разведывательных подразделений проводили рекогносцировку участков германско-советской границы на ее литовском участке. Как только дивизия в полном составе выдвинулась в 13 район сосредоточения, всякое передвижение бронетехники было воспрещено. Рядовой Альбрехт Линзен, подразделение которого размещалось в замаскированном палаточном лагере близ Владовой на высоком западном берегу Буга, вспоминал, что «любые передвижения и занятия вне стен барачных должны были осуществляться с соблюдением мер маскировки». Размеренно, но без особого энтузиазма выполнялись обязанности, «но напряжение с каждым днем росло». Все до единого чувствовали приближение грозных событий, но ни характера их, ни конкретного содержания предугадать никто не мог. Еще один пехотинец, Герхард Гёртц, рассуждал: «К 20 июня мы поняли, что война с Россией весьма вероятна. Это чувствовалось буквально во всем. Запрещалось раскладывать костры, разгуливать с фонарями и вообще шуметь.

Единственное, в чем не сомневался никто, в том, что нам вскоре предстояла очередная кампания!»

Нежные послания из дома - еще лучшее свидетельство непонимания происходящего. Вот письмо одной любящей супруги своему мужу по имени Хайнц:

«Ты что, на больших маневрах? Бедненький. Ладно, будем надеяться, все сложится так, что, наконец, настанет долгожданный мир, и мы с тобой будем мужем и женой, а еще лучше папочкой и мамочкой».

В полдень 21 июня ефрейтор Эрих Куби, связист, записывает в своем дневнике: «Я на дежурстве, ничего интересного». А в его недельной давности газете «Ди Франкфуртер цайтунг», тоже новостей негусто. Куби предполагал, что должно произойти, но не находил подтверждений своим догадкам. Любопытно лишь, что в тот же полдень капеллан стал отправлять службу.

«Позабудьте о чувстве товарищества»

На заседании Имперской кинопалаты. Штурмбаннфюрер СС Фриц Гипплер – постановщик пропагандистского фильма «Вечный Жид»

За одиннадцать месяцев до описываемых событий генерал Франц Гальдер, начальник генерального штаба Вооруженных сил Германии, бегло изложил содержание совещания высшего генералитета вермахта, прошедшего в ставке фюрера Бергхоф. Вторжение на Британские острова маловероятно. «Сама по себе война выиграна», писал Гальдер, и у Британии нет возможности каким-то образом изменить сложившуюся ситуацию. «Надежда Англии - Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка тоже отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии».

И в заключение Гальдер нацарапал на листке бумаги: «Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду, тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. Вывод: В соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок - весна 1941 года».

Решение Гитлера напасть на Россию диктовалось не только, и даже не столько, стремлением исключить из войны Британию, главенствующими в этом случае были идеологические соображения. Их будущий фюрер довольно путано и напыщенно изложил в «Майн кампф»

еще в 1925 году. За митинговой терминологией, по части которой Гитлер не имел себе равных, скрывалась незамысловатая правда, суть которой сводилась к необходимости войны с Советским Союзом. Раса - вот что, по мнению фюрера, было решающим фактором развития человеческой цивилизации. Германская нация являет собой олицетворение и несокрушимый бастион арийской расы на одном полюсе, а на другом находятся иудеи, евреи, чье «паразитическое и дегенеративное» влияние грозит похоронить цивилизацию. Германского превосходства можно было достичь сначала устранением внутренних политических противников и затем в решающей битве сокрушить державы-победительницы в Первой мировой войне. Для того чтобы в полной мере развернуть потенциал, германским арийцам необходимо расширить границы рейха на восток, обрести «Lebensraum» (жизненное пространство). Дальнейшей целью является создание германской империи с границами от Урала до Гибралтара, свободной от евреев, славян и прочих «Untermenschen» («недочеловеков»).

Имперский министр народного просвещения и пропаганды, рейхсляйтер, гауляйтер Берлина, доктор философии Пауль Йозеф Геббельс поздравляет с днем рождения рейхсмаршала, главнокомандующего люфтваффе, имперского уполномоченного по выполнению 4-хлетнего плана, постоянного заместителя фюрера в совете обороны рейха, главного имперского лесничего Германа Вильгельма Геринга

К 1941 году подавляющее большинство населения Германии, в особенности офицерство, безоговорочно принимало эту теорию. Сохранились заметки Гальдера о более чем двухчасовом совещании высших офицеров и генералов у Гитлера, где обсуждались вопросы «колониальной политики», связанные со скорым захватом восточных территорий. России грозила участь оказаться расчлененной: север отходил Финляндии, республики Прибалтики планировалось превратить в протектораты, та же перспектива предусматривалась для Украины и Белоруссии. Гальдер писал: «Столкновение двух идеологий. Мы должны позабыть о духе товарищества и солдатской солидарности. Коммунист никогда не был и никогда не станет нашим товарищем. Речь идет о войне на уничтожение. Если мы не будем так смотреть, то, хотя мы и разобьем врага, через тридцать лет снова возникнет коммунистическая опасность. Мы ведем войну не для того, чтобы законсервировать своего противника».

Далее мы читаем написанные рукой Гальдера директивы, воплощение жестокости. «Эта

война будет резко отличаться от войны на Западе». Война с Россией будет включать в себя «устранение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции».

Принципы, которыми предстояло руководствоваться штабным офицерам, вскоре нашли отражение в директивах Верховного командования. «Командиры, - писал Гальдер, - должны пожертвовать многим, чтобы преодолеть свои колебания». Впредь именно так многие и поступали.

Два месяца спустя генерал-фельдмаршал фон Браухич, в то время Верховный главнокомандующий силами Вермахта, издал серию директив, определявших свободу действий командиров в будущей войне. Приказ «Обращение с гражданским населением на оперативных участках в ходе осуществления плана «Барбаросса», подписанный фон Браухичем в мае месяце 1941 года, был снабжен грифом секретности, доступ к документу имел лишь офицерский состав. В основном в этой директиве речь шла об акциях «умиротворения» на занятых территориях, дабы воспрепятствовать всякого рода сопротивлению против представителей оккупационного режима. «Всякое сопротивление, - предписывал фон Браухич, - должно пресекаться решительно, жестко, всеми имеющимися средствами». Войскам «предоставлялось право и вменялось в обязанность ликвидировать саботажников», как «в бою, так и при их отступлении». В случаях проявления акций саботажа предписывалось принимать меры коллективного воздействия по отношению к жителям населенного пункта, в котором такие акции имели место. Позорный «приказ о комиссарах» от 6 июня 1941 г. был снабжен введением, где говорилось о том, что «в войне против большевизма принципы Женевской конвенции неприменимы». Таким образом, коммунисты, по мнению немецкого командования, не являлись военнопленными в общепринятом смысле, «следовательно, их надлежит расстреливать на месте». Определять комиссаров следовало по нарукавной нашивке красного цвета «С красной звездой и с серпом и молотом».

Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) и Верховное главнокомандование сухопутных войск (ОКХ) издавали директивы, освобождавшие офицеров и солдат Вермахта от ответственности за несоблюдение международных норм. И эти распоряжения, следует отметить, исходили от армейских штабов, а не эсэсовских функционеров. Представители высшего генералитета - Эрих фон Манштейн, Вальтер фон Рейхенау и Эрих немным Гёпнер издавали свои, параллельные директивы. Гёпнер напоминал своим подчиненным из 4-й танковой группы о том, что «это извечная битва германских народов со славянскими, имеющая целью защиту европейской культуры от нашествия москвитов и азиатов и еврейского большевизма». И в предстоящей великой битве не должно быть никакого сострадания: «Целью этой битвы должно стать уничтожение нынешней России, и в связи с этим она должна осуществляться с невиданной до сих пор жестокостью. При планировании и осуществлении любой военной акции следует руководствоваться железной решимостью, беспощадно и окончательно уничтожать врага. В особенности следует подчеркнуть, что при устранении существующей в России большевистской системы не следует избегать никаких мер».

И носителями этой концепции мирового порядка были солдаты, в первую очередь те, кого взрастил гитлеризм и нацистское мировоззрение. Для них подписание с непримиримым идеологическим противником пакта о ненападении в августе 1939 года являлось фактом положительным, несмотря на имевшиеся оговорки. Фюрер проявил себя искушенным и лукавым политиком, не желавшим для Германии войны на два фронта и повторения катастрофы 1914-1918 гг.

И кадры «Дойче вохеншау» (еженедельного документального кинообозрения), где изображался Риббентроп и его историческая миссия в Москву, зрители встречали с таким

же восторгом, с каким год назад англичане встречали Чемберлена, размахивавшего листом бумаги по возвращении из Мюнхена. Казалось, Адольф Гитлер обрел способность управлять событиями в мире по своему усмотрению. «Фюрер все держит в руках», _ такова была простая и утешительная истина для малообразованных и политически наивных солдат, когда это касалось внешнеполитической сферы. И, если судить здраво, никакой особой нужды нападать на Советский Союз не было. Германо-российские отношения с 1918 года в большой степени определялись совпадением национальных интересов обеих стран, временами даже сводившим на нет идеологические разногласия. Обе страны пострадали в Первой мировой войне, потерпев в ней поражение. Обе страны с крайним раздражением воспринимали рождение нового независимого польского государства. Секретный обмен на военном уровне, начавшийся даже до заключения Рапалльского договора в 1922 году, позволил германским фирмам под вывеской берлинских фиктивных компаний производить на территории СССР аэропланы, подводные лодки и оружие всех видов, включая танки и ядовитые газы. Однако германским коммунистам приходилось у себя дома не сладко - в Веймарской республике с ними особенно не церемонились. Возникновение нацистской партии углубило идеологическую пропасть, и налаженные связи оборвались. Интересы России и Германии определили новую тенденцию к компромиссу, которого желали и Гитлер, и Сталин. Если даже оставить за скобками дипломатический и военный аспекты, в рамках существовавшего соглашения Советский Союз экспортировал значительное количество сырья и сельскохозяйственной продукции в Германию зерно, нефтепродукты, фосфаты, хлопок, лес, марганец, платина вот далеко не полный перечень продуктов, регулярно отправлявшихся в рейх. Крайне важна была для Германии и возможность транзитных перевозок из Индии каучука и сои. К 22 июня 1941 года в Германию было доставлено около миллиона тонн минеральных масел. Зондерфюрер Тео Шарф из 97-й пехотной дивизии, входившей в состав группы армий «Юг», отметил: «Вдоль согласованной в 1939 соду демаркационной линии наблюдалась невиданная концентрация войск. На эту тему циркулировала масса слухов. С одной стороны, всем было ясно, что против Советов что-то затевается. С другой стороны, в Германию из СССР исправно следовали нефтеносные составы с бакинской нефтью».

В этой связи всякие мотивы нападения Германии на СССР, несмотря на явные признаки возможности такого развития событий, представлялись абсурдными. Шарф горестно признает: «Я, значит, проспорю тогда одному безвестному советскому лейтенанту бутылку шампанского. Я еще доказывал ему, что мы никогда не нападём на СССР».

Министр иностранных дел СССР Молотов в середине ноября 1940 года нанёс официальный визит в Берлин. Это событие с большой помпой освещалось в германских средствах массовой информации и, в частности, заняло солидное место в выпусках еженедельной хроники «Дойче вохеншау».

Простые немцы, зная они, как обстоят дела в действительности, наверняка призадумались бы. За месяц до визита Молотова в Германию планирование предстоящей операции «Отто» (лишь позже ей было присвоено другое кодовое название «Барбаросса») осуществлялось полным ходом. Гальдер патетически заметил, что, дескать, расчеты России на войну Германии с Англией «явно не оправдаются».

«Мы уже на русской границе -40 дивизий. Позже будем иметь там 100 дивизий. Россия наткнется на гранитную стену. Однако невероятно, чтобы Россия сама начала с нами конфликт».

«В России управляют разумные люди», - начертал Гальдер комментарий по поводу прогнозов Гитлера о возможном сопротивлении русских в ходе войны. Молотов был не знающим жалости, прожженным дипломатом масштаба Бисмарка. Поэтому когда Румыния и Венгрия присоединились к странам «оси», это заставило Молотова поверить в то, что Германия

нарушает дух договора августа 1939 года. Заверения в том, что трехстороннее соглашение (Германия-Италия-Япония) направлено против США и Англии и ничуть не затрагивает интересов России, не убедили советское руководство. Поэтому, в полном противоречии с тем, что говорилось в средствах массовой информации, но вовсе не удивительно для тех, кто наблюдал переговорный процесс вблизи, визит Молотова едва не похоронил германо-советские отношения. Пауль Шмидт, личный переводчик Гитлера, так описывает этот пронизанный едким сарказмом диалог Молотова с гитлером, который, естественно, не был обнародован. Молотов, по словам Шмидта... «... не церемонился в выражениях и вообще не щадил самолюбие Гитлера. Без тени улыбки на лице, бескомпромиссный, злобно посверкивающий очками, он страшно напомнил мне учителя математики, когда, смерив Гитлера презрительным взглядом, точно тот был его учеником, заявил: «Так как же, наше прошлогоднее соглашение еще в силе?»

Гитлер, кому вдруг показалось, что перевод неадекватен, ответил: «Разумеется, а почему оно должно утратить силу?»

На что Молотов ответил: «Да потому что я задал этот вопрос в связи с финнами. Вы ведь очень дружите с финнами. Приглашаете их к себе в Германию, свои миссии к ним высылаете, а финны, между тем, люди очень опасные. Они подрывают нашу безопасность, и нам предстоит что-то решать по этому поводу».

На что Гитлер, разъярившись, ответил: «Я вас прекрасно понимаю. Вам нужна война с финнами, а вот об этом и речи быть не может. Послушайте, вы меня понимаете? Так вот - это невозможно! В таком случае я окажусь отрезанным от никеля, железа и другого необходимого сырья».

Шмидт делает заключение: «Это был очень нелегкий диалог, поединок двух тяжеловесов». Как бы это ни воспринималось, это мало напоминало идеологическое противостояние, речь шла исключительно об узконациональных интересах. Обе страны не доверяли друг другу. Гитлер и приглашенные им на обед муссировали вздорные слухи, распространяемые личным врачом гитлера доктором Карлом Брандтом о том, что якобы Молотов велел прокипятить посуду, с которой предстояло есть, дабы уберечься от германских бактерий. Тем не менее, как будут восприняты итоги переговоров, очень заботило Гитлера, пусть ради этого ему пришлось пойти даже на фальсификацию их итогов. После встречи Гальдер сделал следующую запись: «Результаты: Конструктивный тон. Россия не хочет разрывать отношений с нами. Это должно повлиять на остальной мир». Еженедельная хроника «Дойче вохеншау» информировала аудиторию так: «Состоявшиеся в Берлине переговоры прошли в атмосфере взаимного доверия и обнаружили полное взаимопонимание по всем вопросам, представляющим взаимный интерес».

«У фюрера всё под контролем»

Солдаты сосредоточенных на востоке дивизий не могли не почувствовать перемену во взаимоотношениях обеих стран. Один лейтенант писал домой в начале марта: «Знаете, что я отметил? Что сейчас впервые с тех пор, как у нас улучшились отношения с Россией, русские не принимали участия в Лейпцигской ярмарке. Прошлой осенью и летом они были широко представлены и в Лейпциге и в Кёнигсберге на Балтийской ярмарке. И если проследить то, что пишется в нашей прессе по поводу нашего вторжения в Болзарию, можно заметить, что на сей раз Москва не упоминается. Сейчас мы ведем переговоры с Турцией о том, чтобы войти в Сирию, где «томми» сосредоточили свои самые сильные армии. И вы думаете, русские будут сидеть сложа руки? Как бы не так!» Несмотря на все эти «любопытные признаки», младший офицер пришел к заключению, что «нет смысла ломать надо всем этим голову, главного все равно не избежать. Окончательная победа будет за нами». Другой солдат сделал в том же месяце в своем письме такое признание:

«Один русский генерал в нетрезвом состоянии хвалился, если, мол, с Польшей за 18 дней разделались, то с нами, то есть с Германией и восьми за глаза хватит. Вот такое приходится сегодня слышать! Все это, конечно, очень интересно, но мы не так уж много и знаем о России (что касается территории, армии, казарм, аэродромов и так далее), о Польше, Голландии, Бельгии, Франции, а теперь и об Англии мы знали куда больше. Но как бы то ни было, унывать не стоит, у фюрера все под контролем». Естественно, подобные высказывания результат размышлений рядового состава. Вся сеть коммуникаций все сильнее растягивалась в восточном направлении. «Барбаросса», такое кодовое название имел план вторжения в Россию, разрабатывался с воистину тевтонской обстоятельностью. К 14 марта на восток уже были отправлены 2500 грузовых поездов первого эшелона войск. Развертывание войск продолжалось: в период с 8 апреля по 20 мая 1941 года из Германии и Западной Европы на восток было переброшено в общей сложности 17 дивизий, включая их штабы. В течение следующей декады прибыли еще девять дивизий. С 3 по 23 июня из южной и юго-западной Германии прибыли еще 12 танковых и 12 мотопехотных дивизий. Таким образом, общее число сосредоточенных у границ с СССР дивизий достигло 120. «Впечатляет бесконечность пространства, где будут наступать наши войска», писал Гальдер 9 июня 1941 года. Офицер танковых войск гауптман Александр Штальберг вспоминает:

«В июне поступил приказ, ясно дававший понять, чего нам следует ожидать... Каждый солдат, от простого рядового до командира соединения, должен был освоить русский алфавит. Каждый обязан был уметь читать надписи на картах и дорожных указателях на русском языке. Это, разумеется, говорило само за себя, но разве не подписывали Гитлер со Сталиным пакт о ненападении два года тому назад? Разве не Гитлер лично принимал Молотова в ноябре месяце прошлого года в Берлине, чтобы обсудить с ним как стало известно впоследствии вопрос о расчленении Британской империи?»

Лейтенант Ф. В. Кристианс был твердо убежден, что предстоящая миссия связана с намерением Германии защитить нефтеносные районы Баку от вероятного вторжения англичан. Поскольку между двумя странами существовал пакт о ненападении, то лейтенант не сомневался, что они беспрепятственно проследуют по территории «дружественной страны», и старательно уложил в чемодан свою летнюю форму и кавалерийскую саблю.

«Ходили слухи о том, что нам, дескать, предстоит через территорию России передислоцироваться в Пакистан», так считал Эдуард Янке, стрелок-мотоциклист из 2-й дивизии СС «Дас рейх». Впрочем, никто ничего не мог сказать с определенностью.

«Вроде бы Россия попросила у Германии помощи, но все это были лишь слухи, никто толком в это не верил. Мы поинтересовались у нашего командира взвода: «Так все же, куда теперь?» _ «Понятия не имею», _ ответил тот».

«Куда мы собрались? _ поинтересовался Гётц из танкового разведвзвода. Уж, не в Турцию ли? Или в Африку?»

Ответов на эти вопросы не последовало. Колонны грузовиков тянулись на восток. «Нам ничего не было известно о том, когда выступать», - объяснял он. Вот позади уже остался Берлин, а их гнали дальше. Более менее, что-то начало проясняться только в Восточной Пруссии. 12-я танковая дивизия начала сосредоточение в лесном массиве близ Сувалок. «Чем ближе к русской границе, тем выше была плотность войск. Никогда прежде мне не доводилось видеть столько техники», _ вспоминает бывший солдат этой дивизии Штальберг. Все понемногу стали понимать, в чем дело.

Полк Гернера Хельзмана «располагался в 70-80 км западнее Варшавы. Там мы простояли около месяца, и все это время проводились интенсивные учения», - добавил он.

«До этого нам раздали карманного формата словари -хоть немного подучиться русскому. Но я так его толком и не освоил, - признался Хельзман, -разве что «Руки вверх!»

В сосредоточенных вдоль всей советско-германской границы войсках росла уверенность в

скором начале новой кампании. «Здесь столько войск, - писал домой один ефрейтор еще в апреле месяце, - которых пригнали сюда, как и нас, и число их с каждым днем растет». Другой солдат утверждает: «Здесь не соскучишься - все дороги забиты военными транспортом. Что же все-таки ждет нас в ближайшие дни?» Судя по всему, солдат явно не в восторге от предстоящего, это явствует из тона его послания: «Неужели еще одна война, вторая по счету за этот год? Я уже сыт ею по горло и предпочел бы заняться чем-нибудь поинтереснее, чем еще год таскать эту форму».

Планирование операции «Барбаросса» происходило выборочно, со строгим соблюдением принципа необходимого знания (*Принцип необходимого знания - стратегия защиты информации, соответственно которой пользователь получает доступ только к данным, безусловно необходимым ему для выполнения конкретной функции*).

Гитлер объявил о своем намерении напасть на Советский Союз 31 июля 1940 года, тогда и началась подготовка плана вторжения. Майор Карл Вильгельм Тило, молодой офицер-штабист, сотрудник оперативного отдела штаба ОКХ, записал в своем дневнике 21 сентября 1940 года в Фонтенбло, где тогда размещался штаб: «Согласно распоряжению фюрера над территорией России надлежит провести аэрофотосъемку на глубину до 300 км в рамках подготовки вторжения. Мне в составе миссии военного атташе в Москве предстоит проработать задачи воздушной разведки и маршруты полетов разведывательных самолетов на трех направлениях наступления».

Через 11 дней Тило записал, что, по утверждениям военного атташе Германии, посетившего осенние маневры Красной Армии, «там все ждут начала советско-германской войны в 1941 году и считают, что после того, как будет сокрушена Англия, настанет черед России». Согласно утверждению генерала Блюментрига, начальника штаба 4-й армии, ни командующий армией - генерал-фельдмаршал фон Клюге, ни его штаб до самого января месяца 1941 года не располагали информацией, указывавшей на скорое начало войны с Советским Союзом. Тем временем планирование продолжалось лихорадочными темпами до самого начала войны

22 июня 1941 года. Гальдер в январе того же 1941 года в двух словах сформулировал задачу предстоящей кампании:

«А. Использовать все имеющиеся соединения (тогда, 29 января, он считал необходимым иметь 144 дивизии).

Б. Разгромить Россию в ходе быстротечной военной кампании». (*Совещание, на котором Гальдер сформулировал эти задачи, состоялось 28 января 1941 года, о чем имеется соответствующая запись в дневнике начальника германского генерального штаба. См. Гальдер Ф. Военный дневник. Т.2. М.: Воениздат, 1969.*) Он изложил главные отличительные черты и основные требования к этой кампании. Расстояние до Днепра, который намечался в качестве рубежа, на который требовалось выйти в первую очередь, - примерно равно расстоянию от Люксембурга до устья Луары. «Быстрота. Никаких задержек!» - отметил Гальдер. Важная роль отводилась транспорту и его организации, причем автотранспорту, а не железнодорожному. По оценкам немецкого военачальника, на тот период была достигнута «высокая степень моторизации» (по сравнению с 1940 годом); кроме того, Гальдер предусматривал создание еще 33 моторизованных соединений (*автор ошибается. Вот-что записано в дневнике у Гальдера: «У нас 33 подвижных соединения; моторизованные артиллерия, инженерные войска, войска связи и т. п. (Прим. ред.)*

В течение весны 1941 года на восток перебрасывались все новые и новые дивизии, подготовка стала еще более напряженной по мере того, как в районы стратегического развертывания войск поэтапно стали направляться и штабы соединений, хоть пока и не в полном составе. «Эти месяцы отличались беспокойной атмосферой», - комментировал

генерал Блюментритт. Многим из офицеров высшего командования выпало участвовать в боевых действиях на территории России в период Первой мировой войны тогда еще на младших командных должностях. «Так что мы в общих чертах представляли себе, что нас ожидает», - добавил он.

«И среди офицеров штаба, и среди командного состава дивизий росло чувство неуверенности. С другой стороны, долг требовал от них вдумчивой и упорядоченной работы. С прилавков магазинов вскоре исчезли все книги, так или иначе связанные с Россией».

Сохранились наглядные свидетельства тщательной и кропотливой работы по подготовке плана «Барбаросса». Это оперативная документация и многочисленные карты. Выпускались и доработанные карты-справочники, где указывалось расстояние до Москвы, где были нанесены места дислокации частей Красной Армии, важные промышленные объекты, железнодорожные магистрали, энергообъекты, военные госпитали и местоположение органов административного управления. Информация тактического характера, касающаяся рельефа местности, изотерм января и июля и иных метеорологических данных, была представлена как в форме таблиц, так и карт. Подготовка плана включала и данные фотометрической-разведки, фотокарты, в частности, Москвы, с отмеченными на них зданиями, которые надлежало уничтожить в первую очередь. Блюментритт продолжает: «На самом деле, приходилось изучать и изучать все материалы, связанные с русской кампанией Наполеона в 1812 году.

Клюгее внимательнейшим образом штудировал описания упомянутой кампании, сделанные генералом де Коленкурром, - в них описывалась специфика боевых действий и особенности жизни в России... мы понимали, что скоро и нам предстоит повторить путь Наполеона».

В истории имеется два впечатляющих примера вторжений в Россию: короля Швеции Карла XII, разбитого в 1709 году под Полтавой, и Наполеона в 1812 году. Последний пример был наиболее ценным, поскольку Бонапарт наступал на Москву тем же путем, каким собирался двигаться и Гитлер, - через Смоленск. Отчеты и воспоминания об этой кампании читались запоем. «Письменный стол Клюге в его ставке в Варшаве был буквально завален публикациями на эту тематику», - вспоминает начальник штаба 4-й армии. Предыдущие вторжения потерпели неудачу вследствие огромного растяжения коммуникаций, недостатка провианта и боеприпасов, вызванного перебоями в войсковом снабжении. К фатальному результату для армий Наполеона и Карла привело также отчаянное сопротивление местного населения и ужасающе холодная русская зима. Все это давало пищу для размышлений, не всегда оптимистичных. Швед Нисбет Байн описал в 1895 году зимние холода 1708 года, сыгравшие роковую роль для армии Карла XII, когда «на бескрайних степных просторах Украины... птицы падали замертво с ветвей деревьев, сраженные морозом, когда замерзло даже вино, да и напитки покрепче обращались в ледяной ком». Беллок описывает погодные условия во время кампании Наполеона 1812 года глазами тех, кому приходилось стоять на посту в мороз: «Стоя на посту глубокой ночью, эти люди испытывали то, что не шло ни в какое сравнение с выпадавшим на их долю прежде... Европейец просто не представляет себе подобных холдов, надвигающихся с продуваемых ледяными ветрами азиатских степей... Дыхание замерзло в этом шелестящем от мороза воздухе, дышать можно было лишь сквозь закрывавшую рот повязку из теплой ткани».

Многие из офицеров, сражавшихся в России в период Первой мировой войны, а теперь командовавшие крупными соединениями, имели все основания подивиться стойкости и выносливости русского солдата. Но те, на кого возлагалось планирование данной операции, были твердо убеждены, что все эти сложности вполне преодолимы техническими и идеологическими средствами.

Положенные в основу плана «Барбаросса» расистские концепции нацистов в конечном итоге вели к просчетам в подготовке. И степень потенциального сопротивления населения России,

и ее экономический потенциал, и боеспособность Красной Армии - все рассматривалось сквозь призму гитлеровской догмы о «расовой неполноценности славян». Все втискивалось в прокрустово ложе утверждения Гитлера, что, мол, стоит лишь «поддаться, как следует, и режим разлетится, словно карточный домик». «Русский человек – неполноценен, - писал Гальдер на совещан...и у Гитлера 5 декабря 1940 года. - Армия не имеет настоящих командиров».

И непродолжительная кампания, «блицкриг», наверняка станет успешной. «Если по такой армии нанести мощный удар, ее разгром неминуем», - предвещал он.

Первоначально Гитлер принимал Красную Армию всерьез, однако после ужасных потерь в советско-финской войне в 1939 год его отношение к ней круто изменилось. Советские потери объяснялись, прежде всего, внутренними причинами и, в первую очередь, сталинскими чистками предыдущих лет, которые нанесли невосполнимый урон офицерскому корпусу. Разведка указывала на отсутствие в Красной Армии опытных командных кадров. Германский военный атташе оценивал советский генералитет как «никуда не годный» и отмечал, что, «если сравнивать его с 1933 годом, России потребуется самое малое 20 лет, чтобы выйти на прежний уровень». Более того, так называемый «освободительный поход» Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину во время польской кампании вермахта еще больше уронил авторитет советской военной машины. Молодой унтер-офицер, артиллерист, принимавший участие в «прощальном параде» в Бресте 22 сентября 1939 года, прокомментировал проход советских моторизованных частей перед Гудерианом и русским генералом такой репликой: «Советы выследали убого. И автомобили, и танки допотопные, должен признаться, все это не больше, чем отживший свой век хлам».

Таким образом, планирование операции «Барбаросса» свелось к чисто оперативному аспекту, а вопрос о том, как организовать снабжение войск, наступающих по трем расходящимся направлениям, остался за скобками. Генерал-лейтенант Паулюс, начиная с сентября 1940 года, также участвовал в разработке плана. Предполагалось, что Советы попытаются удержаться вдоль линии Днепр - Березина - Полоцк и в прибалтийских республиках - севернее Риги.

Немецкое командование сформировало три группы армий: одну на юге и две севернее Припятских болот. Однако желание немецких генштабистов окружить и уничтожить Красную Армию в западной части России, не дав ей отступить, вступило в противоречие со стремлением Гитлера обеспечить «жизненное пространство» для арийской расы. В полном соответствии со своими теориями фюрер потребовал первым делом овладеть Украиной с ее богатыми сельскохозяйственными ресурсами, а также промышленным районом Донбасса, а далее обеспечить доступ к нефтяным месторождениям Кавказа. Главнокомандующий силами вермахта фон Браухич и начальник генерального штаба Гальдер, в отличие от него, руководствовались чисто оперативными соображениями - разгромить Красную Армию, а уж потом извлекать экономическую выгоду.

Группе армий «Центр» в составе примерно 51 дивизии под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока отводилась главная роль. Будучи самой мощной из двух армейских группировок, сосредоточенных севернее Припятских болот, она должна была окружить неприятеля в верховьях Днепра и Двины в районе Минска, лишив его возможности отхода в восточном направлении. Кроме крупных сил пехоты, группа армий «Центр» располагала и мощным кулаком мобильных частей: девять танковых, шесть моторизованных дивизий, одна кавалерийская, входивших в состав 3-й и 2-й танковых групп под командованием генералов Гота и Гудериана соответственно.

Группе армий «Север», куда менее многочисленной (26 дивизий), под командованием генерал-фельдмаршала фон Лееба ставилась задача нанести удар в направлении Ленинграда

и, соединившись с финскими частями, разгромить силы русских в районе Балтийского моря. Танковые удары осуществлялись тремя танковыми и двумя моторизованными дивизиями, входившими в состав 4-й танковой группы под командованием генерала Гёпнера.

Группа армий «Юг» насчитывала 40 дивизий, и командовал ею генерал-фельдмаршал фон Рундштедт. При поддержке 14 румынских дивизий и венгерского корпуса этой группе предстояло наносить удар из Польши во взаимодействии с пятью танковыми и двумя моторизованными дивизиями 1-танковой группы под командованием генерала фон Клейста. Ее целью было окружить неприятельские силы восточнее Киева. Примерно 22 дивизии, включая две танковых, находились в резерве. Кулак из трех групп армий, несмотря на добавленные к ним мобильные танковые группировки, состоял, главным образом, из пехотных соединений. Именно бронированному кулаку предстояло задавать темп наступления, в противном случае войска передвигались бы по территории России со скоростью армии Наполеона 130 лет назад.

Из плана видно, что в нем не уделялось должного внимания материально-техническому снабжению войск. Возобладала точка зрения Гитлера об упадке «еврейско-большевистской» системы, что, в свою очередь, привело к абсолютно неверным обобщениям относительно уязвимости и слабости СССР. К ноябрю 1940 года специалисты по войсковому снабжению исходили из возможности бесперебойного войскового подвоза в 600 км от исходных рубежей. Специалисты же по вопросам оперативного планирования ставили задачи достичь целей, расположенных в 1750 км от исходных рубежей, причем на всю кампанию отводилось от 6 до 17 недель. И те, кто планировал операцию, и Гитлер исходили из показателей, достигнутых в ходе кампаний в Польше, Нидерландах и Франции. Немецкий солдат представлялся им способным на все, и в принципе это было не так уж и далеко от истины.

Ошибкой было отсутствие обобщенного практического опыта ведения боевых действий такого масштаба. Тем не менее в зком круту Гитлер уверенно заявил: «Когда план «Барбаросса» будет введен в действие, мир затаит дыхание».

- «Завтра нам предстоит вступить в битву с мировым большевизмом»

- «Вся подготовка свидетельствовала о скором нападении на Советский Союз,- заявил рядовой пехоты Вальтер Штолль.- Мы с трудом верили в это, но факты говорили сами за себя». И перспектива была не из радужных. «Мы продолжали надеяться, что все это не всерьез», _ продолжал он. Ранним утром 21 июня офицеров вызвали на совещание. Обычно это предвещало что-то серьезное. Именно так случилось и на этот раз.

«В 14 часов рота выстроилась. Лейтенант Хельмштедт, командир роты, с мрачным видом появился перед нами. Он зачитал приказ фюрера вермахту, теперь нам стала понятна цель нашего пребывания здесь и всей тайной подготовки последних недель».

Унтер-офицер Гельмут Колаковски, еще один пехотинец, узнал обо всем примерно таким же образом. «Поздним вечером наш взвод собрали в сараях и объявили: «Завтра нам предстоит вступить в битву с мировым большевизмом». Лично я был просто поражен, это было как снег на голову, а как же пакт о ненападении между Германией и Россией? Я все время вспоминал тот выпуск «Дойче вохеншау», который видел дома и в котором сообщалось о заключенном договоре. Я не мог и представить, как это мы пойдем войной на Советский Союз».

Как и предполагалось, приказ фюрера вызвал удивление и недоумение рядового состава. «Можно сказать, мы были огорошены услышанным, признавался Лотар Фромм, офицер-корректировщик. - Мы все, я подчеркиваю это, были изумлены и никак не готовы к подобному». Зигфрид Лауэрвассер, прикомандированный к люфтваффе и следовавший к месту назначения поездом, тот вообще ни о чем не подозревал. «Нам никто не сообщил, куда и зачем мы едем, - заявил он и рассказал, как пытался сориентироваться по местности, глядя из окна вагона. _ Подъехали к какой-то станции, название было написано по-польски». В ту

же ночь они прибьши на место, где их разместили в только что сооруженных бараках на 100 человек. Один из офицеров показал им, где разместиться. Как только Лауэрвассер вместе со своими товарищами собрались, офицер, по-видимому, уже не в состоянии молчать, признался им: «Мне не положено об этом говорить, ребята, но в 4 часа утра все и начнется!» Мы были в шоке. Что должно начаться?

Потом, уже к вечеру, мы понемногу стали понимать, кого нам предстоит атаковать. Мы столько тогда передумали!»

«Об операции «Барбаросса» и о том, что нам предстоит выступить, мы узнали всего за несколько часов до ее начала», _ так вспоминал тот день Эдуард Янке из 2-й дивизии СС «Дас рейх».

Узнав о том, что все-таки их ожидает, все почувствовали облегчение. На смену неизвестности пришло волнение. «Это томительное ожидание измотало всех», _ сокрушался один ефрейтор. «Теперь уж поскорее бы», - думали все. В конце концов, чем раньше эта война начнется, тем раньше закончится. Нервозность пронизывает строчки писем домой. «Мы все здесь просто измучились от ожидания», - писал один солдат. «Обо всем напишу потом. Трудно, очень трудно все это осознать. Сейчас, конечно, нервы на пределе, но зато потом нас ждет победоносное завершение!»

Многие, вероятно, даже большинство смотрели на все хладнокровно. В конце концов, они ведь солдаты. Для офицеров и унтер-офицеров война была уже не в новинку, Кое-каким опытом они располагали. Те и восприняли новость гораздо спокойнее. Предыдущие кампании оказались недолгими и победоносными. «Мы были непоколебимо уверены, что и эта тоже не затянется», - заявил ефрейтор Эрих Шютковски из горнопехотного полка.

«Лично я, бросив взгляд на карту, на все эти просторы, задумался, мне вспомнилась участь Наполеона, постигшая его в России. Но я вскоре об этом позабыл. Позади было столько побед, что никто из нас всерьез не задумывался о поражении».

«Почему вам всем кажется, что это затянется надолго? - допытывался один ефрейтор в своем ответном письме домой. - С Россией дело в шляпе, как говорится, я теперь не сомневаюсь, что наша победа не за горами». Для гауптштурмфюрера Клинтера, командира роты из 3-й дивизии СС «Мертвая голова», новость о предстоящей войне с Россией вряд ли была сюрпризом - типичная реакция выдавшего вида солдата. «Утром начинается война с Россией. В 4.00», - будничным голосом объявил он подчиненным. Ничего не попишешь - приказ есть приказ, и мы обязаны ему подчиниться. Ведь было столько примеров, когда фюрер, опираясь на присущий ему дар предвидения, оказывался прав.

И фаталистическое восприятие вполне отвечало духу офицера сс: «никаких сомнений и размышлений быть не должно». Чаще Всего на смену изумлению приходили холодная решимость и вера в победу. Бенно Цайзер, проходивший в тот период обучение на военного водителя в одном из учебных подразделений вермахта, демонстрировал типичный для тыловика восторг. «Все это кончится через каких-нибудь три недели, нам было сказано, другие были осторожнее в прогнозах - они считали, что через 2-3 месяца. Нашелся один, кто считал, что это продлится целый год, но мы его на смех подняли: «А сколько потребовалось, чтобы разделаться с поляками? А с Францией? Ты что, забыл?»

Впоследствии все очень часто вспоминали тот последний мирный вечер у демаркационной линии в Польше. Оберлей-тенант Зигфрид Кнаппе, артиллерист, видел «безмятежно спящую и освещаемую луной деревню в нескольких километрах, которой суждено было стать нашей первой целью». Кнаппе еще подумал, какой прекрасный ночной пейзаж для картины. «Вдыхая пряный аромат хвои, я обошел свое подразделение, еще раз проверив, все ли в порядке». Ожидание боя обостряет чувства, подобно сильнодействующему лекарству, все виделось как-то обостренно, четче обычного. «Теперь я уже задумывался о каждом из них в

отдельности, чего раньше я за собой не замечал. Одни робкие, застенчивые, другие дерзкие; одни угрюмые, другие смешливые; одни честолюбивы, другие безмятежны; одни расточительны, другие скопидомы. Самые разные мысли роились в этих головах

под стальными касками... Один солдат что-то бурчал про себя, будто в полудреме. На лицах читалось предчувствие неизвестного, другие вспоминали дом и своих любимых». Кнаппе в своих людях не сомневался. «Они сильные, умелые и уверенные в себе». Конечно, ветеранов тоже одолевали сомнения, но они держали эмоции на замке. Гауптман Ганс фон Лук, прошедший кампанию во Франции, следовал нехитрому правилу солдата - «думай о хорошем, не позволяй себе думать о плохом». В конце концов, разве кампания во Франции не была образцовой? А ведь тоже боялись. «Но теперь эйфорию минувших месяцев сменяли более трезвые размышления». Кнаппе сознавал, что «даже молодые, возвращенные на национал-социализме солдаты не считали, что Россию можно одолеть одним только идеализмом». И на следующее утро эти солдаты, по примеру своих предшественников незапамятных времен, «сосредоточатся на настоящем, на выполнении своего «долга».

Именно о выполнении долга сейчас и следовало подумать.

88-мм зенитное орудие Генриха Айкмайера было размещено у самого берега Буга, по центру батареи. «В последний мирный вечер к нашему орудью проложили множество новых телефонных линий; а утром появилась целая толпа офицеров, большинство незнакомых и даже несколько генералов. Нам было сказано, что наше орудие первым выстрелом подаст сигнал к открытию огня. Все осуществлялось под контролем секундомера, первый выстрел должен быть произведен в строго определенное время. Мы первыми открываем огонь, затем орудия справа и слева от нас, вот так и начнется война». Много позже Айкмайер признался: «но действительно ли наш выстрел стал первым, я имею в виду всю группу армий «Центр» — этого я утверждать не могу!»

Лейтенант Ганс Йохен Шмидт вместе с подчиненным ему подразделением должен был выйти к месту сбора в низине на рассвете. «Каждый боец получил по 60 боевых патронов, - сообщил он, - и приказ зарядить оружие. Напряжение достигло пика, нечего и думать было о сне». Шмидт с невыразимой отчетливостью вспоминал о доме. По радио передавали веселую музыку. «В рейхе никто не подозревал о том, что затевается, по радио звучали бодрые танцевальные ритмы, музыка проникала в самую душу». Реальность происходящего заставила вновь переключить внимание. «Колонна пришла в движение, автомобили потянулись друг за другом».

В Германии погода была знойной. Берлин мирно спал, хотя во всех войсковых штабах царил суматоха, гражданское население не знало и не ведало о происходящем. «В добавление к уже циркулирующим слухам поползли новые, постепенно обраставшие все новыми и новыми деталями», - такие строки содержались в секретном отчете СС о

политической ситуации в рейхе. В отчете, среди прочего, упоминалась даже предполагаемая дата вторжения в Советский Союз - 20 мая, а также о якобы готовящемся визите Гитлера в Данциг для второй встречи с Молотовым «на высшем уровне, с целью урегулировать разногласия между Германией и Россией дипломатическим путем, как это было в 1939 году». Поговаривали и о том, что в Берлине якобы формировались добровольческие отряды из латышей, эстонцев и литовцев. Слухи, как утверждалось в отчете, «в основном основывались на письмах солдат, дислоцированных у границ с СССР». 17 июня одна супруга отправила своему мужу полное безудержного оптимизма послание: «Дорогой, надеюсь, ты получил мое письмо. Судя по твоему тону, письма к тебе не доходят. Ненаглядный мой, я не могу понять, почему. Как только я вернулась в Рейх, так села написать тебе письмо. Это было 8 июня. Надеюсь, что оно все же дойдет до тебя. Но, Йозеф, тебе нечего печалиться, наше время еще придет. Я буду терпеливо ждать тебя».

Другая жена трагично восприняла отправку мужа на Восток и теперь сокрушается, что не

сможет его увидеть в желанные выходные. Она жалостливо извиняется перед ним за свое неправильное, как она полагает, поведение, она просто опустошена: «Когда я попыталась дозвониться до тебя, женский голос сказал мне, что ты утром в половине девятого уехал. И тут у меня внутри все словно оборвалось, все это куда хуже, чем я могла себе представить. Скажи мне, с тобой тоже так, и извини за кляксы - это мои слезы!»

В письмах превалировали бытовые темы: воздушные налеты «томми», одежда, продуктовые карточки. В большинстве писем присутствовали вполне объяснимые опасения: «Любимый мой, я все время держу пальцы крестом, чтобы ты вернулся к своей дорогой женошке и деткам. Дорогой мой, надеюсь, ты здоров, как там твои ноги? Дорогой, я днями и ночами думаю о тебе, потому что знаю, каково тебе приходится, если ты на марше... Ты сражаешься и должен сражаться, чтобы защитить свою женошку и деток; если бомбы летят мимо, это значит, мы тебя должны за это благодарить... Никогда тебя не забуду и всегда буду тебе верна...»

Норберт Шультце, берлинский композитор, вернулся домой после утомительной гастрольной поездки в полдень 21 июня. И тут его неожиданно вызвали на радио к директору. Он и еще один музыкант, Гермс Ниль, получили приказ участвовать в конкурсе «по сочинению музыкальной заставки к сводкам германского радио о ходе восточной кампании». Им дали два часа, после этого министр пропаганды Геббельс, который правил какой-то текст, должен был выбрать мелодию. Обоих композиторов провели в комнату, где стоял рояль. В конце концов, конкурс выиграл Шультце; Геббельс остановил выбор именно на его мелодии, сказав: «А теперь мне хотелось бы, чтобы вы сочинили и завершающую мелодию для русских фанфар». _ «Не понимаю?» _ пробормотал Шультце. «Разве вы не знаете?» - в свою очередь удивился Геббельс. Шультце на самом деле ничего не знал: «Нет, Я за последние несколько дней ничего не слышал. У меня не было ни минуты свободной из-за гастролей». Министр пропаганды поставил пластинку «Прелюдий» Листа. Ее, оказывается, уже раза три передавали по радио, но Шультце не слышал. «Сочините концовку, - распорядился Геббельс, - ею будут открываться все сообщения по радио». Это была мелодия, которой начинались выпуски кинохроники «Дойче вохеншау», и она же превратилась в мелодию, предваряющую выпуски сообщений ОКВ. Ей суждено было стать увертюрой к сообщениям о ходе военной кампании против Советского Союза.

Один унтер-офицер, артиллерист писал домой: «А теперь о том, как тут дела. Через три часа мы передадим по радио приказ об открытии огня по позициям русских, и огонь этот сметет все живое. Вы будете спокойно спать, а мы с первой волной вторгнемся на территорию противника. Но уже утром вы узнаете, что пробил час, вспомните обо мне, пусть даже это письмо не успеет дойти до вас. Представляю, как вы все удивитесь и перепугаетесь. Но бояться нечего, здесь все предусмотрено, никаких сбоев не будет...»

Вдоль всей границы с Советским Союзом германские войска выдвигались на исходные рубежи. «Я находился в составе частей первой волны», - заявил Гельмут Пабст, унтер-офицер артиллерии, действовавшей в составе группы армий «Центр». В его дневнике с фотографической отчетливостью запечатлен последний этап подготовки. «Части стали бесшумно выдвигаться на исходные рубежи, все разговоры велись шепотом. Скрипели колеса, передвигались штурмовые орудия». Все эти образы навечно остались в памяти тех, кто смог уцелеть. Пехота начала развертывание. «Они шли в темноте призрачными колоннами по полям, на которых росла капуста и рожь». Достигнув исходных рубежей, они перестроились для атаки. Солдаты лежали, вжавшись в землю, слушая, как шевелятся в траве жуки и прочая живность, как квакают в Буге лягушки, и пытаюсь разобрать доносившиеся с противоположного берега реки звуки. Все, затаив дыхание, ждали первого оружейного залпа.

А в тылу, на взлетной полосе полевого аэродрома Маринглен, сооруженного на территории оккупированной Польши, по воспоминаниям польского рабочего Доминика Струга, «в

два часа ночи запустили двигатели. Аэродром ожил, в воздухе резко запахло авиационным бензином, все вокруг заволочило дымом от выхлопов двигателей». Рабочий продолжает: «Мы сразу же сообразили, что происходит. Потом мы узнали, что немцы начали войну с русскими». Самолеты, разбежавшись по полосе, поднимались в воздух и брали курс на восток. «Все до единой машины направлялись на восток, на Брест...»

ГЛАВА 2

«ПРОСТЫЕ СЛУЖАКИ» - ГЕРМАНСКИЙ СОЛДАТ НАКАНУНЕ НАЧАЛА «БАРБАРОССЫ»

«Эта муштра - да, временами бесчеловечная - была необходима, чтобы сломить нашу гордость, уничтожить чувство собственного достоинства и превратить молодых солдат в податливую массу, которая, не задумываясь, выполнит любой приказ».

Германский солдат

«Бесконечное давление на личность»

Каждая армия, комплектуемая на основе всеобщей воинской повинности, есть отражение общества, ее создавшего. Однако вермахт образца 1941 года не являлся точной копией нацистского государства: в конце концов, он образовался из рейхсвера времен Веймарской республики. Но Вооруженные силы Германии переживали стадию перемен. Процесс этот, начавшийся в 1933 году, осуществлялся по мере экономического подъема Третьего рейха и военных успехов. Блицкриг в Польше, Нидерландах и Франции ознаменовал собой невиданный триумф армии. В кадрах еженедельного кинообозрения «Дойче вохеншау» все могли видеть Гитлера и его триумфальное возвращение из Франции. Он на пике могущества и славы. Отбрасывая тени, поезд мчится в Берлин. Крестьяне вытягивают руки в нацистском приветствии, истерически рукоплещущие толпы, прибытие в столицу рейха, обставленное с воистину вагнеровской торжественностью. Дети в форме гитлерюгенда забираются на фонарные столбы - радость на лицах. Кордоны эсэсовцев едва сдерживают толпы обезумевших от восторга фрау. Геринг, вышедший к Гитлеру на балкон рейхсканцелярии, судя по выражению лица, поражен зрелищем несметной толпы, восторженные вопли которой не утихают на протяжении всего выпуска хроники. Боевой дух вермахта в ту пору переживал кульминационный взлет. Кадры «Дойче вохеншау» с торжественным парадом победы в Берлине, показанные крупным планом, озаренные радостью женские лица, даже одинокая женская туфля на высоком каблуке на усыпанной цветами мостовой, запечатленная оператором после того, как схлынула толпа, полны патетики. Победителей Берлин встречал с подобающими им почестями. Организации и частные лица спешили выразить

«благодарность нашим беспримерным солдатам», захлебывались в восторге средства массовой информации. Раненых осыпали подарками и пригласительными билетами на торжества. Это было лучшее время. В мае 1941 года рядовой Бенно Цайзер вспоминает о том, как его забирали в армию: «Это были славные дни фанфар, парадов и «специальных сообщений» о «наших славных победах», они следовали одно за другим, именно это и обусловило приток добровольцев. Все казалось бесконечным праздником. Мы все ужасно гордились собой».

Успехи на фронте породили невиданный всплеск идеализма, подпитывавший нацистское мировоззрение, которое в нашем основанном на демократических ценностях, куда более трезвом и даже циничном обществе выглядело бы странно и нелепо. Лейтенант Герман Витцман, в прошлом студент теологического факультета, маршировавший на восток с пехотными частями от Атлантического побережья Франции, сделал в своем дневнике

высокопарную запись:

«Мы выступили утром! Маршировали по знакомым дорогам, останавливались на постой в знакомых деревнях. Снова на дорогах Франции пехотинцы, в дождь и слякоть, пехотинцы минуют кривые улочки французских городов, непрестанно думая о доме. Пехотинцы рейха! Германские пехотинцы! Я во славе первого взвода! Именем Господа нашего!»

Послевоенное поколение приложило немало усилий в попытках примирить столь разные понятия, как солдаты, искренне верующие в Бога и вполне добропорядочные члены общества, и расистскую философию, позволявшую им идти на вопиющие нарушения международных законов ведения войны. После войны один немецкий солдат, уже будучи вне влияния факторов, воспитавших его, дал гневную и отчасти гротескную характеристику типичного «вояки» той поры: «Что касается меня, стать солдатом было чем-то само

собой разумеющимся. Пойти добровольно - только добровольно, но никак не по принуждению! И я пошел в тридцать девятом, но не из патриотизма, нет, и не из-за криков «ура!» - тогда вопили все, кому не лень. Не поэтому. Военщина у нас в крови. Отец был строгим, но справедливым».

Расизм являлся неотъемлемой частью общества, зародившегося еще в имперский период, в какой-то степени сохранявшегося в Веймарской республике и своего пика достигшего после 1933 года. Он продолжает: «Я был убежден, что большевизм необходимо искоренить. Пусть для этого и потребовалось две мировых войны! Только в мирное время большевики уничтожили восемь миллионов человек. А вы говорите! И меня возмущает (тут он повысил голос), что немецких солдат записали в людоедов!»

Чтобы осмыслить подобное утверждение, необходимо проникнуть вглубь, попытаться понять для себя ту атмосферу, которая была характерна для нацистской «фабрики манекенов». Внешне это проявлялось в стремлении воздействовать на характер будущего солдата, сформировать из него нерассуждающую машину. На него оказывалось давление, заставляя его подчиниться, усвоить образ мышления, поступки и предрассудки его товарищей, более того, закрепить их. В письме, отправленном за месяц до нападения на Россию, солдат признается родителям: «За обедом опять всплыла тема евреев. К моему удивлению, все непоколебимо уверены, что евреям делать на этой планете нечего» .

Те, кто с подобной точкой зрения не соглашался, обрекались на то, чтобы стать изгоями, оказаться отринутыми стадом, осмеянными и униженными. Испокон веку кодексом любой армии являлось подчинение большинству. Подобное беспрекословное подчинение возводилось в норму И нацистским государством, которому этот солдат служил. Таким образом, речь идет о личном выборе морали в окружении, предписывающем мораль корпоративную. И человеку приходилось молчаливо покоряться перевернутым с ног на голову ценностям. Актриса Маргот Хильшер вспоминает: «Я жила на Фридрихштрассе, неподалеку от Курфюрстендамм, в этом районе проживало много евреев, и мне не раз приходилось своими глазами видеть, как наши сограждане - владельцы магазинов и покупатели обходились с ними. Стыд и позор! И еще больший позор, что мы-то боялись. Трусливо отворачивались, будто нас это не касается. Мол, ничего не вижу, ничего не слышу».

Национал-социализм поставил себе на службу все средства, чтобы упрочить свои социальные институты и перемены. В первую очередь радио и кино. И то, и другое было общедоступным. Нацисты организовали массовое производство дешевых радиоприемников с фиксированной настройкой на станции, кино также пользовалось всеобщей популярностью вследствие опять-таки дешевизны и общедоступности. После 1933 года перемены пошли семимильными шагами. Новая идеология внедрялась повсеместно. В особенности в молодежной среде, откуда и предстояло рекрутировать пушечное мясо будущих войн за «жизненное пространство». «Не успеешь и оглянуться, не говоря уже о том, чтобы все, как следует, обдумать, как за тебя уже все решено» .

И вот 22 июня 1941 года почти три миллиона немцев и их союзников ждали сигнала к нападению на Советский Союз. Понимали ли они, что предстоит подвергнуть испытанию выбранные ими, хоть и не добровольно, ценности? Все эти 17 -19 миллионов немцев, которым предстояло пройти ужасы Восточного фронта? И хотя они успели постичь науку убивать на поле брани, в политическом отношении представляли собой людей крайне наивных. Многие и повзрослели_то на войне, но что за опыт политической борьбы может быть у граждан тоталитарного государства? Впоследствии они не раз становились объектом осуждения ученых-историков, выпестованных на конституционных принципах и ценностях демократического общества. Макс Кунерт, кавалерист, вспоминает о травмирующем переходе от гражданской жизни к военной. Даже будучи закален полугодовым опытом отбывания «трудовой повинности», где преобладала атмосфера «товарищества, взаимопомощи и дисциплины», он испытал шок, столкнувшись с армейским

бытом: «Первые шесть месяцев все казалось физически Невыносимым, мы все чувствовали, что утрачиваем свое Я, медленно, но неуклонно превращаясь в безликую солдатскую массу. Политике там места не было, разве кому-нибудь в армии позволялось голосовать?»

Политический выбор в тоталитарном государстве - вещь абсурдная, ибо подавляющее большинство населения понятия не имеет, что такое выбор. История доказывает, что кровавые диктатуры порождают в людях определенные поведенческие стереотипы, которые в нормальном обществе воспринимаются как неадекватные и даже отталкивающие. Зигфрид Кнаппе, в 1938 году молодой офицер, вспоминает о резонансе, вызванном «хрустальной ночью» (общегерманским еврейским погромом) среди его личного окружения. «Мы в казармах об этом не рассуждали, - говорит он, - потому что нам было стыдно за наше правительство, за то, что оно позволило подобные вещи». Кнаппе признает: «антисемитизм всегда достаточно отчетливо проявлялся среди населения Германии, но никто не считал, что он должен принимать такие формы». Столь откровенное заявление показательное для большинства немцев, а также немецких солдат и офицеров той поры. Вообще, антисемитизм в его крайних формах не был характерен для большинства военных. Гельмут Шмидт, молодой офицер ПВО, побывавший в составе 1-й танковой дивизии в России, решил эту проблему очень быстро. Его поколение, как он высказался уже после войны, не обладало никакими стандартами для самооценки: «Ни мое поколение, ни следующее (призывники) и понятия не имело о какой-то там шкале самооценок. Вот поэтому нас и отдали на съедение [Гитлеру]». Личные моральные установки и предпочтения оказывались в противоречии с общепринятыми. Нацистские стандарты при всей их распространенности охватывали не все население Германии; имелось много и таких немцев, кто просто предпочел пойти по пути наименьшего сопротивления. И часто подобная позиция не вызывала угрызений совести. Все, что от них требовалось, это «принять участие», «приобщиться к большинству», к чему и призывало нацистское учение, его идеология. По мысли Кнаппе, «мы не разделяли ненависти Гитлера к евреям и просто старались дистанцироваться от малосимпатичных его черт». Куда ведь легче, да и куда безопаснее было просто плыть по течению. Это вполне вписывалось в универсальную, общемировую солдатскую философию, главный постулат которой - «не высовывайся». Инге Айхер-Шолль на себе почувствовала, что значит «Идти не в Ногу» со всеми. Ее брат и сестра были казнены за участие в группе антигитлеровского Сопротивления «Белая роза». И, подвергнувшись аресту гестапо и допросу, Инге поняла, куда может завести такая позиция: «Мне было Всего 19 лет, все это так подействовало на меня, что я больше не смогла избавиться от страха вновь оказаться в тюремной камере, а именно это они и сделали бы со мной». Ее вынудили подписать бумагу о том, что она никогда и ни при каких обстоятельствах не станет обсуждать детали ее допроса, в противном случае это может стать причиной ее повторного ареста. Это обстоятельство породило перманентный страх. «С того дня, - вспоминала она, - я страшилась тюрьмы, и этот ужас окончательно добил меня,

превратив в совершенно пассивное существо».

Гауптман Клаус фон Бисмарк, адъютант командира батальона 4-го пехотного полка, вспоминает, какой шок вызвал у него пресловутый «приказ О комиссарах».

«Все мое существо воспротивилось этому, и я сказал: «Нет, Я этот приказ выполнять не буду». Многие из моих друзей разделяли мое мнение, о чем я и доложил своему непосредственному начальнику. Он лишь угрюмо взглянул на меня. Мы считали его порядочным человеком до мозга костей».

4-й пехотный полк, как и другие подразделения, ожидавший сигнала к выступлению дивизии, по словам Бисмарка, представлял собой «хоть и довольно консервативный

полк, но все же традиции рейхсвера периода Веймарской республики не окончательно умерли в нем». Гауптман Александр Штальберг из 12-й танковой дивизии услышал о

«приказе О комиссарах» от своего двоюродного брата, Хеннинга фон Трескова, офицера генерального штаба группы армий «Центр». «Это же убийство!» _ так оценил он его. Его

двоюродный брат придерживался того же мнения: «Вот таков этот приказ, именно поэтому нам не позволено доводить его до личного состава в письменном виде, но зато предписано устно передавать его по команде в ротам перед каждым боем». Потрясенный Штальберг спросил, от кого исходит упомянутый приказ. «От того, кому все мы приносили присягу

(от Адольфа Гитлера) в том числе и я», - ответил фон Тресков, многозначительно посмотрев на своего брата. Подполковник Генрих Бекер, его начальник, как и подобало, зачитал этот приказ своим подчиненным, услышав в ответ лишь «ледяное молчание». Перед тем, как разрешить офицерам уйти, Бекер предостерег: «Считаю необходимым напомнить вам о Женевской Конвенции о ведении боевых действий. Я имею в виду обращение с военнопленными и ранеными. Все те, кто будет замечен в дурном обращении с военнопленными и ранеными, будет отдан под суд. Вы понимаете меня, господа?» «Господа» были не из непонятливых. Фон Бисмарк из 4-го пехотного принял решение не расстреливать комиссаров, поскольку и как солдат, и как христианин не мог осознать, почему вермахт должен физически устранять тех, кто исповедовал иное мировоззрение. Все они были офицерами и посему куда внимательнее прислушивались к голосу собственной совести, нежели ко всякого рода коллективным решениям, определяя для себя способ действий в грядущей кампании.

Но имелись и те, кто столь же решительно проповедовал и другую точку зрения. Унтер-офицер Вильгельм Прюллер из группы армий «Юг» занес в дневник следующую мысль:

«Близится битва национал-социализма с коммунизмом, повинным в гибели стольких людей. И нам всеми средствами нужно стремиться к тому, чтобы как можно скорее выиграть ее».

Антисемитизм, конечно, успел укорениться среди большинства военных. Прюллер пишет о том, что видел, как в Ченстохове и других городах «евреев сгоняли в стада, как скот», что все они были обязаны носить белую повязку с синей звездой Давида. «И так должно быть во всем мире!» - признавал он. Но в высказываниях служащих вермахта проскальзывает подобие сочувствия к полякам, оказавшимся в зоне немецкой оккупации. «Люди в основном подавлены. Ходят, опустив голову. Везде за продуктами огромные очереди. Полякам здорово достается!» _ к такому выводу приходит унтер-офицер Вильгельм Прюллер. А русским придется и того хуже.

«Долг и порядок». И фюрер.

Почитание долга и неукоснительное выполнение приказов считались жизненно необходимыми качествами для каждого германского солдата. С понятиями «долг и порядок» он знакомился с детства, ибо они являлись неотъемлемой частью германского духа. И нацистское государство до самого своего конца использовало эти исконные прусские

добродетели. И речь в данном случае идет не просто о бездумном и безусловном подчинении. Эти понятия означали железную самодисциплину и самовоспитание: готовность ответить перед Богом и начальством за свои деяния, какими бы последствиями это ни грозило. Такую философию ничего не стоит обратить во вред, и ее цинично эксплуатировали. Все начиналось с юных лет. Генри Метельман, который проходил призывную подготовку в момент начала кампании в России, размышляет: «И хотя все, что было связано с нацистами, вызывало у моего отца отвращение, мне в гитлерюгенде нравилось. Форма казалась мне просто великолепной, этот темно-коричневый цвет, да и черный, свастика, и эта блестящая черная кожа. Красота!» Роланд Кимиг, которому тогда исполнилось 14 лет, вспоминает: «все кругом было регламентировано и втиснуто в рамки. Тебе не позволялось просто болтаться без дела, ты маршировал». Все делалось с определенной целью. Метельман считал, что в гитлерюгенде «нас готовили к армии» и что в армии «нас всему научат куда быстрее». Впоследствии,

«когда нас пустили на танки - мы уже знали, что делать». В ходе начальной допризывной подготовки Кимиг подчинился этому суровому и беспощадному режиму, который сместил все его ценности. Им на смену пришли другие, желательные и полезные для армии. «Нас заставляли бегать, гоняли, как лошадей, заставляли ползать по земле, мучили нас всеми способами. И мы тогда не понимали, что все это для тогда, чтобы сломить нас, подавить волю, чтобы мы потом слепо следовали приказам, не утруждая себя вопросами типа «А для чего это? А зачем то?»»

Акты сопротивления подобному обращению были редкостью. Гётц Регер, танкист, считал его «обычной армейской боевой подготовкой». Естественно, что у любого штатского подобные, зачастую бесчеловечные методы вызовут шок. «Конечно, - заметил Регер, - если кто-нибудь, скажем, вел себя неподобающе, то приходилось считаться и с последствиями подобного поведения». Немецкие солдаты-новобранцы бегали, прыгали на корточках, прыгали на месте, совершали марш-броски с полной выкладкой - их заставляли падать на землю, снова вскакивать и так по много раз. «Теперь, если я вижу кого-нибудь в военной форме, - признается танкист Ганс Бекер, - я тут же представляю его лежащим мордой в грязи, ожидающим, пока командир милостиво позволит ему подняться». Целью такого обращения было довести новобранца до такого состояния, когда он уже чисто механически исполняет то, что ему в этот момент велят. И срабатывало. Вот что рассказывает Кимиг:

«Эта муштра - да, временами бесчеловечная - была необходима для того, чтобы сломить нашу гордость, уничтожить чувство собственного достоинства и превратить молодых солдат в податливую массу, которая, не задумываясь, выполнит любой приказ».

Вследствие этого известие о вторжении в Россию, похоже, не вызвало у солдат никаких эмоций; кроме поверхностных разговоров, и не заставило их задуматься о целях предстоящей кампании. Лейтенант Хуберт Бекер поясняет: «Мы не понимали задач этой кампании в России, изначально не понимали. Но это был приказ, а приказы надлежит исполнять не за страх, а за совесть - вот девиз солдата. Я -орудие в руках государства и обязан исполнять свой долг».

Дисциплина вошла в плоть и кровь солдат вермахта. Сдвиг ценностей в результате безоговорочного принятия «приказа о комиссарах» не был темой открытых обсуждений. Многие солдаты согласились бы с мнением Хуберта Бекера, высказанным им уже в послевоенные годы. Понятие альтернативы было им неведомо. «Мы никогда не считали, что солдатом злоупотребляют. Мы ощущали себя германскими солдатами, которые служат своей стране, защищают ее, неважно где. Никто не хотел ни боев, ни этой кампании, потому что наши родители много рассказывали нам о Первой мировой войне и об ее последствиях. Они нам говорили так: «Если случится еще одна война, это будет конец». А потом в один прекрасный день нам приказывают выступить. И кто-нибудь возразил? Да никто!»

Вера в фюрера заставляла солдат быть готовыми к вторжению в Россию. Военная присяга, «ich schwore...» предписывала поклясться в верности сначала Адольфу Гитлеру, затем Богу и фатерланду. Генри Метельман вспоминает, что, произнеся слова этой присяги, «мы стали настоящими солдатами, солдатами в полном смысле этого слова». Мнение и опыт Метельмана были типичны для всех тех миллионов немецких солдат, которые ожидали сигнала к началу действий согласно плану «Барбаросса». «В нас воспитали любовь к фюреру, он стал для меня вторым богом, и когда нас убеждали в его великой любви к нам, к германской нации, мне иногда хотелось расплакаться», _ писал он. Крах иллюзий еще последует, но в 1941 году Гитлер находился на пике славы и могущества. Бернард Шмитт, уроженец Эльзаса, выразил мнение всех немцев, проголосовавших за НСДАП: «В 1933-1934 году Гитлер пришел к власти как избавитель. Мы не могли желать лучшего правителя для Германии -мы видели, как он разделался с безработицей, коррупцией и подобными негативными явлениями».

Даже Инге Айхер- Шолль, у которой нацизм отнял брата и сестру, утверждает:

«Гитлер, как все в один голос утверждали, стремился к величию нашего отечества, его процветанию и благу для него. Он мечтал, чтобы у каждого была работа и свой кусок хлеба, чтобы каждому немцу жилось свободно. Мы считали, что это прекрасно, и также стремились внести свой посильный вклад». Даже когда все пошло наперекосяк, немецкие солдаты продолжали верить Гитлеру. Отто Кумм, служивший в войсках СС, признавался: «Естественно, все мы недоумевали в конце кампании 1940 года, когда было решено не выступать против англичан, но все это длилось недолго». Никто не задавал вопросов высшему руководству, напротив, солдаты ему доверяли. Колебания Кумма «носили поверхностный характер и не подвергали сомнению гений вождя».

Накануне начала операции «Барбаросса» немецкий солдат верил в себя и своего фюрера. Пехотинец Георг Бухвальд считает: «Мы хорошо проявили себя во Франции», такого же мнения придерживался и гауптман Клаус фон Бисмарк: «Мы гордились собой - своей жизнестойкостью, выдержкой и дисциплиной». Победа над Францией изменила умонастроения и в тылу. Хериберт Миттельштадт, которому в ту пору минуло 14 лет, поразился, когда услышал из уст матери слова «наш чудесный Фюрер». Это случилось после победы над Францией. Миттельштадт считает, что «вопреки ее религиозным верованиям, какое-то время она была свято убеждена, что все обернется к лучшему и войну мы выиграем». Его отец три года провел в окопах Первой мировой войны и, как казалось Миттельштадту, «так и не сумел до конца смириться с горечью поражения».

Штефан Томас, врач и социал_демократ, как-то разговорился с одним пожилым ветераном политических кампаний, и тот признался, что начинает порой сомневаться, «а в той ли партии мы состоим». Томас тоже имел все основания задуматься: «Мой отец три долгих года просидел в грязи под Верденом в Первую мировую, а теперь в 1940 году на его глазах Франция перестала существовать за три недели. Блицкриг».

Доверие к высшему руководству имело своим следствием укрепление духа товарищества и даже отражалось на поведении солдат. Как и во всех армиях мира, в вермахте темой номер один были женщины. Победоносные итоги западной кампании в этом смысле явноприносили бойцам выгоду. Унтер-офицер танковых войск Ганс Бекер вспоминает о том, какой воистину магический эффект оказывали наградные планки и медали на представительниц слабого пола.

«Они были не прочь показаться под ручку с увешанным наградами военным, пусть даже раз в неделю сходить с ним на танцы или в кино». Военный люд охотно применял терминологию боевых действий к амурным делам. «Подходы к позициям», «решительное наступление», «круговая оборона», «вынужденная посадка» - все это была новая стилистика, рожденная на

свет милитаризованным обществом. Никогда вермахт еще не пользовался такой популярностью. Один унтер-офицер танковых войск в черной форме, как-то потеряв в кино кольцо своей возлюбленной, без труда добился выплаты ему соответствующей суммы от дирекции кинотеатра. Юрген Э., познакомившийся с одной симпатичной девушкой во время увольнения, удостоился приглашения на квартиру уже в первый вечер. Молодой человек

не мог поверить свалившемуся на него счастью. Оказавшись у нее в гостях, он сообразил, что его просто _напросто «взяли в плен», выражаясь военным языком. Счастье длилось целых три недели, а потом девушка стала его женой. Два связиста, Карл Хайнц Краузе и Ганс Карл Кубяк, части которых дислоцировались в Восточной Пруссии, были направлены в Берлин для приобретения дефицитных радиодеталей, - командование решило запастись ими впрок

на период русской кампании. В столице Краузе познакомился с поварихой по имени Берта. Кубяку было поручено писать душещипательные любовные послания малограмотный Краузе сам ни за что не осилил бы их, а в награду автору писем полагалась доля продуктовой посылки, которую регулярно направляла повариха своему возлюбленному. Даже после ранения в России Краузе поддерживал связь со своей воздыхательницей ради солидной прибавки к солдатскому пайку, ссылаясь на раны обеих рук. Берта выражала сочувствие. Солдаты, как мы видим, своего не упускали, витая между жизнью и смертью.

«ГОТОВЫ!... к тому, что должно случиться!» Германская армия. Июнь 1941 года

Победа над Францией, достигнутая всего за полтора месяца, несомненно, принадлежала к числу военных достижений, но в некоторых аспектах она оказалась и вовсе уникальной. Многие дивизии стран _союзников получили боевое крещение, сталкиваясь с мобильными частями вермахта. К такого рода сражениям они оказались совершенно не готовы. Командующий 4_й армией генерал фон Клюге оценивает кампанию во Франции хладнокровно, аналитически, признавая, что победе в немалой степени способствовал ряд специфических факторов. Низкий боевой дух французской армии, полное превосходство в воздухе сил люфтваффе, исключительно благоприятные погодные условия и комбинированное применение авиации и танковых частей - все это и привело к столь ошеломляющему успеху.

Тактические принципы германской армии особенно славились среди военных и очень хорошо себя зарекомендовали. Их суть состояла в предоставлении командирам

максимальной свободы при выполнении четко поставленных задач, развитии инициативы у штабных работников всех уровней. генерал Эрих фон Манштейн, командующий корпусом, также считал, что победа во Франции целиком и полностью зависела от неспособности неприятеля противостоять немецким танковым силам. Уроком этой кампании стало то, что и в армиях других стран начали переходить к нанесению массированных ударов танковыми клиньями, активно использовать авиацию для поддержки наземных сил. И времена легких побед канули в Лету. После серьезных поражений начального этапа кампании французские дивизии героически сражались под Дюнкерком, оказываясь даже в безвыходных ситуациях. Ко времени окончания боев на Западе германские войска потеряли четверть своих танковых сил - 683 танка, а также убитыми - 26 455 человек, ранеными - 111 640 и пропавшими без вести - 16 659. Так что не такой уж веселой и безоблачной оказалась эта «прогулка» по Франции.

Офицерский корпус германской армии, следует отметить, вполне всерьез и с уважением воспринимал Красную Армию. Если подходить к будущей кампании с мерками Первой мировой войны, то, судя по всему, она будет куда серьезнее предыдущих. Русские солдаты всегда отличались выносливостью, способностью выполнять поставленную задачу даже в нечеловеческих условиях. Тактическая доктрина русских мало отличалась от германской и также имела ярко выраженный наступательный характер. Фон Клюге считал, что, несмотря

на несомненный успех моторизованных частей его 4-й армии во Франции, она все же недостаточно сильна для боев на просторах России. Там немецким войскам надо будет действовать еще более решительно и энергично.

20 марта 1941 года фон Клюге распорядился уделять на учениях больше внимания развитию у солдат выносливости, - в России нечего рассчитывать даже на минимальный комфорт. И людям, и гужевому транспорту предстоит совершать продолжительные марши, не исключается возможность применения противником химического и биологического оружия. Войскам наверняка придется отражать контратаки больших сил пехоты, которую будут поддерживать артиллерия и танки, германский солдат должен быть готов к рукопашным схваткам, ему необходимо освоить тактику ночного боя. Русские, эти «дети природы», такой тактикой владеют отменно. Несмотря на острую нехватку всего необходимого, Красная Армия экипирована куда лучше, чем прежние противники вермахта. германскому солдату следует взять на вооружение опыт финнов и испанцев - в частности, это касается борьбы с танками. Сражения будущей войны будут разворачиваться не на хороших дорогах Западной Европы, а на бескрайних степных просторах, в огромных лесных массивах со всеми вытекающими отсюда проблемами. В ходе предстоящей кампании штабы частей окажутся крайне уязвимы. Обычных мер безопасности в России явно будет недостаточно. Поэтому штабным офицерам необходимо прекрасно владеть личным оружием и быть готовыми применять его, если потребуется. Подобные перспективы для многих казались устрашающими.

Как ни странно, но поразительные успехи германской армии особенно рельефно выявили целый ряд организационных проблем и просчетов в боевой подготовке личного состава. Это выразилось прежде всего в снижении меткости стрельбы, отсутствии навыков ведения рукопашного боя, в неумении вести боевые действия ночью и в лесистой местности. Немецкие пехотинцы стали крайне неохотно относиться к учениям, они не уделяли достаточного внимания фортификационным работам, гитлеровская политика выделять огромные суммы на строительство казарм привела к тому, что немецкий солдат стал более изнеженным в сравнении с 1914 годом.

А между тем именно пехотные части, так не поспевшие за требованиями, предъявляемыми грядущей кампанией, и составляли основную массу германской армии. Именно им предстояло заниматься уничтожением окруженных частей противника, которые, как предполагалось, окажутся в «котлах» в результате действий подвижных моторизованных соединений вермахта. Германским пехотным частям требовалось время на переформирование и доукомплектование после серии проведенных демобилизаций. Уроки кампании во Франции были ясны. Вермахту как воздух нужны были моторизованные части и разведывательные подразделения. Скорость проведения операций во многом зависела от того, с какой скоростью передвигалась пехота. Поэтому во Франции наступающим пехотным частям пришлось спешно создавать моторизованные батальоны, усаживая личный состав на трофейный транспорт, включая и гражданские автомобили. Войскам требовалось и куда более эффективное противотанковое орудие, чем «колотушка» - такого названия удостоилась 38-мм противотанковая пушка, которая не могла пробить броню даже устаревших танков. Появилась острая необходимость усовершенствования методов боевого применения артиллерии и формирования подразделений корректировщиков артиллерийского огня. Теперь, после захвата во Франции большого количества трофейной техники, появилась возможность заняться реорганизацией пехотных частей. Поэтому еще в разгар французской кампании Гитлер официально приказал сократить армию до 120 дивизий, но в то же время количество мобильных частей увеличивалось до 20 танковых и 10 моторизованных дивизий.

Однако два с половиной месяца спустя Гитлер принимает прямо противоположное решение и отдает приказ довести количество дивизий до 180, мотивируя это подготовкой к началу

русской кампании. Всего за 11 месяцев до вторжения в Советский Союз началась лихорадочная работа по формированию новых частей и разработке планов предстоящих операций. В итоге все надежды на скорую модернизацию, оснащение пехоты и артиллерии мобильными средствами и новыми видами оружия пошли прахом. Для оккупации Европы и обороны захваченных территорий от предполагаемого вторжения англичан, по мнению генерального штаба, требовалось иметь в составе вермахта к июню 1941 года 209 дивизий. Однако имелись и другие ведомства, куда уходили и без того скудные ресурсы живой силы и техники. Так, например, люфтваффе Геринга существенно увеличило численность наземных служб после падения Франции. А 3 декабря 1940 года Гитлер очередной своей директивой распорядился сформировать воздушно-десантный корпус на базе 22-й пехотной дивизии. Между тем за два месяца до этого в парашютно-десантные части из армии уже передали 4500

солдат, для вооружения которых потребовалось 20 000 винтовок и пистолетов. Британские бомбардировки рейха вынудили Гитлера передать летом 1940 года в распоряжение люфтваффе 15000 зенитных орудий и 1225 офицеров для организации сил ПВО. 8 ноября 1940 года Гитлер объявил о своем решении иметь в составе вермахта 4 дивизии войск СС, а полк СС «Адольф Гитлер» был усилен до бригады. Впрочем, их боеготовность армейские офицеры оценивали как крайне низкую. В конце августа 1940 года Гитлер решил демобилизовать из армейских рядов 300 000 рабочих металлообрабатывающей промышленности в целях усиления военного производства. Для формирования новых дивизий призывался контингент 1919, 1920 и 1921 годов рождения. Начальную подготовку они начали проходить в августе 1940 года, завершение ее планировалось на 28 сентября 1940. Гитлер издал приказ о предоставлении «производственных отпусков» военнослужащим вермахта. Планировалось временно направить в военную промышленность не менее 300 тысяч квалифицированных рабочих для увеличения производства вооружения и боевой техники. Однако в апреле 1941 г. они были возвращены в вермахт. (См. Thomas «Geschichte der deutschen Wehr_ und Rüstungswirtschaft (1918-1943/45). S. 271 _ 273. (Прим.ред.)

Выполнить указание Гитлера об удвоении числа моторизованных дивизий было невозможно в принципе. В мае 1940 года армия рейха располагала 10 танковыми дивизиями, их число к июню 1941 года достигло 19. Но для этого пришлось вдвое уменьшить количество танков в дивизии. Отжившие свой век танки Т_1 и Т_11 снова оказались в строю, поскольку танковая промышленность Германии была неповоротливой, производство танков составляло всего 200 машин в месяц. Вместо 324 танков на дивизию, как это имело место в 1939 году, в июне 1941 года, перед кампанией в России, в танковых дивизиях вермахта насчитывалось от 150 до 200 танков. Создание 10 новых танковых дивизий вынуждало армию отбирать грузовики у пехотинцев, но даже в этом случае одна танковая дивизия оказалась укомплектованной исключительно трофейным автотранспортом, захваченным у французов. И германская пехота оказалась в еще более невыгодном положении. Имелись дивизии, полностью укомплектованные артиллерийскими и противотанковыми орудиями чешского и французского производства. Отсутствовала единая организационная структура быстро сформировавшихся новых моторизованных дивизий. Это были в основном полки двухбатальонного состава, кроме того, в них входил один батальон мотоциклистов, а иногда еще и механизированный батальон, личный состав которого передвигался на бронетранспортерах (говоря об относительной слабости германских механизированных войск, автор несколько сгущает краски. Так, слабые танки Т_1 и Т_11 к началу вторжения в СССР составляли не больше трети от общего количества танков вермахта и использовались в основном только в разведке и для связи. (См. г. Гудериан «(Воспоминания солдата». : Смоленск: Русич, 1999. С 193.) Среднемесячный выпуск танков и штурмовых орудий в Германии

увеличился со 180 в 1940 г. до 270 в первом полугодии 1941 г. (Прим. ре д.)

Проводимое лихорадочными темпами формирование новых частей и соединений чрезвычайно негативно отражалось на качественной их составляющей. Германская пехота 1941 года мало чем отличалась от таковой периода начала кампании во Франции в 1939 году. Практически ни одна из реформ, намечаемых по завершении упомянутой завершена. Танковых дивизий стало числом больше, они располагали и большим количеством средних танков Т - 111 и Т - IV, но они были слабее дивизий образца 1939 года. Поставки новой техники в рамках переформирования продолжались буквально до самого начала операции «Барбаросса», вплоть до момента стратегического развертывания войск. Лейтенант КохЭрбах, командир роты в 4-й танковой дивизии, получил смонтированные на полугусеничных машинах 37-мм противотанковые орудия «буквально за пару дней до 22 июня 1941 года».

Моторизованная бригада СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» начинала кампанию, имея 2325 грузовиков, 240 из которых были трофейными. Довольно скоро по причине отсутствия запчастей вышло из строя свыше 1200 машин. В мае 1941 года 20_я танковая дивизия была переброшена к месту сбора в Восточной Пруссии со значительным недокомплектом транспортных средств. Согласно оперативным сводкам полков и дивизий запасные части поступали «нерегулярно, в недостаточном количестве, как правило, всего за несколько дней до решающих сражений». Система материально-технического снабжения работала в страшном напряжении, а между тем до начала кампании оставались считанные дни (*26 апреля 1941 г. в своем дневнике начальник генерального штаба сухопутных войск германии Ф. Гальдер сделал такую запись, посвященную вопросу материально-технического снабжения войск: «После формирования [автотранспортных] полков за счет выделения машин из гражданского сектора и из национал-социалистского автомобильного корпуса потребность в автотранспортных средствах, кажется, полностью покрыта».* (См. Ф. Гальдер. «Военный дневник». Т.2., М: Воениздат, 1969). (Прим. ред.)

98-я пехотная дивизия, по завершении кампании во Франции демобилизованная, была вновь сформирована в феврале месяце 1941 года. И хотя в соединении началась и полным ходом осуществлялась боевая подготовка, «вопрос «что же стало с 98_й дивизией?» занимал многих». Более того, казалось, все эти «отпускники из промышленности» те, кого на время демобилизовали «за время отсутствия напрочь позабыли даже то, что знали». Это еще одно доказательство тому, что германские солдаты отнюдь не были сверхчеловеками. Как и в других армиях мира, солдаты Вермахта были субъектами оказываемого на них давления (которому они иногда могли и воспротивиться). Солдата-новобранца тут же отучали от всякого подобия проявлений независимости. Система работала лишь в том случае, если все превратится в податливую массу. Вот что составляло основу всей подготовки. Солдаты же «высовываться» не желали. Поэтому никто и не обсуждал «приказ о комиссарах».

Германский солдат верил в своих умных офицеров и фюрера, продемонстрировавшего успехи и в экономической, и в дипломатической, и, как это выяснилось недавно, в военной области. Если от них требовали воевать с Советским Союзом, что же, фюрер прекрасно знает, что делает, посему нечего и рассуждать. Солдат вполне устраивал принцип «долг и приказ» и служить «по-солдатски». И офицеры не сомневались, что, несмотря на все огрехи, каждый в отдельности немецкий солдат превосходит своего русского противника.

120 германских дивизий, сосредоточенных у границ с Советским Союзом к 22 июня 1941 года, представляли собой невиданную в мировой истории военную мощь (*в первом стратегическом эшелоне сил вторжения находилось 129 немецких дивизий и 37 дивизий стран_сателлитов. Еще 24 дивизии находились в резерве ОКХ*).

В том, что касалось технического оснащения и боевого опыта, Вермахт намного превосходил

Красную Армию. К тому же немецкие войска были заранее отобилизованы, выдвинулись на рубежи атаки и имели преимущество внезапности. Боевой дух вермахта находился на небывалой высоте, а идеологическая обработка солдат отличалась беспрецедентной эффективностью. Молодежь составляла 75% общей численности вермахта и 66% численности сил люфтваффе.

Обер-лейтенант д-р Маулль, адъютант командира батальона 289-го пехотного полка, получил Железный крест накануне отправки в Россию. Вот что он пишет своей жене: «Своим примером я приблизился к идеалу. Подобные стандарты нужнее всего армии именно сейчас. Я готов ко всему, что бы меня сейчас ни ожидало!» А то, что ожидало этого обер-лейтенанта, до неузнаваемости перекроило карты Европы на многие последующие десятилетия.

ГЛАВА 3

НА СОВЕТСКОЙ ГРАНИЦЕ

«Природа дышала удивительным покоем и умиротворением».

Советский офицер.

«Не было никакой информации...»

В глубине страны части Красной Армии пришли в движение. Бесконечные составы, груженые танками, замерли в ожидании прибытия в приграничную зону. Около 4216 вагонов с боеприпасами по лабиринту железных дорог направлялись к границе. Спешили в пункты назначения 1320 составов с грузовиками и их срочно перебрасывали к границе. В середине июня 1941 года 63-й стрелковый корпус, 200-я и 48-я стрелковые дивизии находились в пути, как и многие другие соединения Красной Армии. Гигантский груз в виде военных карт - 200 товарных вагонов - дождался своей очереди на дорогах Прибалтийского особого, Киевского особого и Западного особого военных округов. Советским железным дорогам ранее не доводилось сталкиваться со столь объемными по масштабам грузоперевозками, причем так и оставшимися практически не замеченными для глаз германской разведки.

Все составы следовали в западном направлении... Около 170 из общего числа 230-240 советских дивизий были сосредоточены в западной части Советского Союза, но многие из них не были укомплектованы согласно штатам военного времени. Все они входили в состав первого эшелона армий прикрытия - 56 располагались непосредственно у границы и 114 дислоцировались на некотором от нее удалении.

Десять советских армий распределялись по четырем приграничным военным округам с севера на юг. Прибалтийский особый военный округ насчитывал 26 дивизий 8_й и II_й армий, включавших 6 танковых дивизий. Южнее размещались 3_я, 10_я и 4_я армии, относившиеся уже к Западному особому военному округу, располагавшему 36 дивизиями, из них 10 танковыми. Киевский особый военный округ (5_я, 6_я, 26_я и 12_я армии) имел в своем составе 56 дивизий, из них 26 танковых. На юге СССР Одесский особый военный округ насчитывал 14 дивизий, включая 2 танковых. За перечисленными округами на севере находился Ленинградский военный округ - 14_я, 7_я и 23_я армии. Таковы были силы, противостоявшие запланированному германскому вторжению на фронте длиной 1800 километров от Балтийского до Черного моря (в составе Прибалтийского АВА имелось 19 стрелковых, 2 механизированных, 4 танковых дивизий и 1 стрелковая бригада, объединенных в 6 стрелковых и 2 механизированных корпуса. При этом входившая в состав Приб АВА 27_я армия еще только формировалась западнее Пскова. Западный АВА насчитывал 8 стрелковых, 6 механизированных корпусов и 1 кавалерийский корпус (24 стрелковые, 12 танковых, 6 моторизованных и 2 кавалерийские дивизии). Киевский АВА состоял из 11 стрелковых корпусов, 8 мехкорпусов и 1 кавалерийского корпуса (26 стрелковых, 6

горнострелковых, 16 танковых, 8 моторизованных и 2 кавалерийские дивизии).

В состав Одесского АВА входили 4 стрелковых, 2 механизированных и 1 кавалерийский корпус (13 стрелковых, 4 танковых, 2 моторизованные и 3 кавалерийские дивизии).

Ленинградский военный округ имел в своем составе 15 стрелковых, 4 танковых, 2 моторизованные дивизии и 1 стрелковую бригаду (5 стрелковых и 2 механизированных корпуса). (Прим. ред.).

В пятницу 13 июня 1941 года московское радио передало не совсем обычное и лишнее логики сообщение ТАСС, появившееся на страницах газеты «Правда», центрального органа ВКБ (б) уже на следующий день. В нем среди прочего говорилось: «В советских кругах считают, что слухи о намерении Германии... предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы». Недавнее передвижение немецких войск с Балкан к советской границе объявлялось в заявлении «не имеющим касательства к советско-германским отношениям». Что же касается слухов о том, будто Советский Союз собирается напасть на Германию, то они расценивались как «лживые и провокационные».

В день, когда процитированное заявление появилось в печати, 183 советские дивизии спешили в пункты назначения. Между 12 и 15 июня командование приграничных военных округов получило приказ выдвинуть дивизии первого эшелона ближе к государственной границе. Готовились к передислокации соединения второго эшелона. Генерал-майор

Н.И.Бирюков, командир 18-й стрелковой дивизии, входившей в состав Уральского военного округа, вспоминает: «13 июня 1941 года из штаба округа мы получили директиву особой важности, в соответствии с которой нашей дивизии предстояло сменить «место дислокации». Что это за место дислокации, об этом не сообщалось даже мне, командующему дивизией. Лишь уже в Москве я узнал, что нашей дивизии приказано сосредоточиться в лесах западнее Идрицы».

Подобные директивы были разосланы во все штабы дивизий Уральского военного округа. Отдельные части 112-й стрелковой дивизии приступили к погрузке в железнодорожные составы, затем настала очередь 98-й, 153-й и 186-й. Все передвижения войск держались в строгом секрете. Подобные перемещения одновременно происходили по всем округам Советского Союза, в Харькове, на Северном Кавказе, в Орле, на Волге, в Сибирском и Архангельском военных округах. Таким образом, было сформировано 8 армий в полном составе. Пять из них немедленно и в условиях секретности были переброшены на Украину и в Белоруссию. В результате этой операции были задействованы все ресурсы железнодорожного транспорта страны, но даже их оказалось недостаточно для одновременной передислокации войск. В теплушках находилось около 860 000 резервистов. Полковник И. Х. Баграмян, начальник оперативного отдела штаба Киевского военного округа, вспоминает о лихорадочной активности, связанной с переподчинением 21-го стрелкового корпуса. Его горнопехотная и 4 стрелковых дивизии насчитывали 48 000 человек. Корпус выдержал многотысячекилометровую переброску железнодорожным транспортом из районов Дальнего Востока. «Нам предстояло обеспечить условия для проживания практически целой армии, причем в самые сжатые сроки, _ писал И. Х. Баграмян. - В конце мая стали прибывать один за другим эшелоны». Были задействованы буквально все имевшиеся ресурсы..

С соблюдением соответствующих мер секретности было произведено усиление войск первого эшелона армий прикрытия. И заботы, связанные с прибытием огромной массы войск,

не ограничивались лишь размещением вновь прибывших частей и подразделений, проводилось также развертывание сил вдоль приграничных районов. Под прикрытием отправок в лагеря на летние сборы части продвигались все ближе и ближе к границе. 78_я

стрелковая дивизия Киевского особого военного округа «под предлогом выезда на учения» была «выдвинута в приграничные районы». Полковник Баграмян вспоминает о полученных инструкциях касательно переброски всех пяти подчиненных ему корпусов к границе 15 июня 1941 года, подтверждая, что «они имели все необходимое снаряжение и вооружение для ведения боевых действий». В Одесском военном округе генерал-майор М.В. Захаров, начальник штаба 9-й армии, в тот же день следил за ходом переброски 30-й и 74-й стрелковых дивизий. Они «сосредоточились в лесах восточнее Бельцы якобы для проведения учений».

В Кругах историков ведется дискуссия о том, собирались ли Советы вести наступательные операции летом 1941 года.

С одной стороны, если исходить из массивной переброски войск железнодорожным транспортом, приведшей к полной загрузке железных дорог и создавшей немалые трудности для сбора и транспортировки урожая зерновых, вполне можно предположить, что Сталин намеревался к 10 июля завершить переброску войск в приграничные районы.

Дивизии и корпуса Красной Армии находились в приграничных районах и до заключения советско-германского пакта. Но в период с августа 1939 года, когда был подписан упомянутый пакт, и до весны 1941 года число армий в западных приграничных районах возросло до 11. В течение мая месяца прибыло еще три армии, а также 5 воздушно-десантных корпусов.

Нет никаких сомнений, что развертывание советских войск в районах, непосредственно примыкавших к западным границам СССР в июне 1941 года, осуществлялось в строгом соответствии с имеющимся планом. 3-я советская армия в районе Гродно после усиления своего 21-го стрелкового корпуса прикрывала участок длиной всего в 80 км. 7 стрелковых дивизий занимали полосы обороны всего 6,6 километра на каждую, в то время как нормой считались 10 километров. Упомянутое соединение существенно превосходило по мощи все армии, сосредоточенные вдоль границы, а кроме собственных механизированных корпусов, ей была еще придана и отдельная танковая бригада (Автор ошибается. В состав 3-й армии, штаб которой находился в Гродно, входил только один 11-й мехкорпус (204 МД, 29 тд, 33 тд). Он насчитывал 237 танков (из них 22 танка Т-34). При этом практически все танки находились на вооружении 29-й тд (командир - полк. Н.П. Студнев). В двух других дивизиях корпуса насчитывалось по 30-40 танков Т-26. Автомобилями корпус был укомплектован на 15%. Стрелковые дивизии имели некомплект даже по штатам мирного времени до 2-3 тысяч человек. Вообще, из шести мехкорпусов, входивших в состав Зап АВа, полностью боеготовым мог считаться только 6-й, в котором был 1021 танк, из них 352 Т-34 и КВ. 7-й и 20-й мехкорпуса находились на стадии формирования. (См. Басюк I.A.

«Наваррудскі «кацёл». - гродна: грДУ, 1998. С. 23-31.) - Прим. ред..

3-я армия имела отчетливо выраженную наступательную конфигурацию. По сути, 3-я, 10-я и 4-я армии Советов, насчитывавшие 36 дивизий, 10 из которых были танковыми, вполне могли расцениваться как угроза Восточной Пруссии. Части ВВС в составе 10-й армии были дислоцированы в непосредственной близости от границ, и все базы войскового снабжения и лагеря Всего Западного Особого Военного округа были также выдвинуты достаточно далеко вперед. В одном только Брест-Литовске, то есть непосредственно на советско-германской границе, было сосредоточено 10 млн литров горючего (Автор приводит данные цифры, ссылаясь на материалы допросов советских военнопленных, опубликованные в западной печати. Никакими другими источниками они не подтверждаются. Командующий Зап ОВО генерал Д.Павлов на допросе сообщал, что резерв горючего для танков Всего фронта составлял Всего 300 тонн, а остальное горючее Западного особого

Военного округа по плану генерального штаба находилось на складах в Майкопе. (См. Протокол допроса арестованного Павлова Д. Прим. ред.).

Частично наступательную конфигурацию советских сил можно объяснить сложностями чисто практического порядка, проистекавшими из развертывания войск, прибывавших из внутренних регионов СССР. В этом смысле немцам приходилось легче: в их распоряжении имелась куда более разветвленная сеть железных и автомобильных дорог на территории бывшей Польши. Советская военная доктрина 30-х годов предусматривала боевое применение многомиллионных армий. Для наступления вовсе не требовалось дожидаться завершения мобилизации. Поэтому на границе предполагалось сосредоточить силы, способные вторгнуться на территорию неприятеля уже в первый день войны. Такое стремительное вторжение должно было воспрепятствовать завершению неприятелем всеобщей мобилизации. Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский, автор и инициатор упомянутой доктрины, погибший в годы сталинских чисток, выступал за создание «армий вторжения», сосредоточенных в непосредственной близости от государственных границ. Задача этих сил - пересечь госграницу сразу же по объявлении мобилизации. И механизированные части должны быть развернуты вдоль границы на участке шириной 50-60 км. Именно перечисленные факторы и стали определяющими при формировании и развертывании войск Первого стратегического эшелона, осуществлявшихся вблизи границ в июне 1941 года. Сталин, обладавший опытом ведения боевых действий, исходя из наступления германских войск на юге России и на Украине в 1918 году, полагал, что будущий удар немцев можно ожидать на том же стратегическом направлении. Ряд признаков указывал именно на такой сценарий, что, собственно, и объясняет массовую переброску сил из внутренних регионов России в приграничные весной и в начале лета 1941 года. Русские не верили, что германские войска располагали на тот момент необходимой мощностью для нанесения массированного удара на всем протяжении германо-советской границы. Считалось, что в первую очередь немцы устремятся на юг России, к богатым минеральными ресурсами и развитым в аграрном отношении районам, что потребует от них проведения ширококомандных операций весьма крупными силами. Красной Армии потребуются блокировать этот удар, контратакував врага по всему фронту. В этом отношении самым удобным местом становились Белостокский выступ на территории Западного особого военного округа в Белоруссии и, вероятно, Литва. И размещение значительных сил в указанных регионах послужило бы русским средством оказания давления на Германию при проведении так называемой «реалистичной политики».

Стратегическое развертывание войск в приграничных районах весной 1941 года не сопровождалось усиленными работами по возведению оборонительных сооружений, рытьем траншей и противотанковых рвов. Угрозы для себя русские здесь не видели. Дивизии хоронились по лесам, примыкавшим к границе. Точно так же вели себя и немцы по ту сторону границы. С той лишь разницей, что германские войска, дислоцированные в Польше, полностью изготавились к наступлению, а советские - нет.

Даже в эти последние дни и часы германские войска неустанно собирали всю имеющуюся информацию, стремясь выудить как можно больше сведений о своем противнике.

Вдоль всей границы с СССР были размещены посты наблюдения. Гауптман Ганс Георг Лемм, командир роты 12-й пехотной дивизии, действовавшей в составе группы армий «Север», изучал через стереотрубу позиции Советов в районе Гумбиннена в Восточной Пруссии. Вот что он рассказал: «Наши сведения о противнике, как и о районе предстоящих боевых действий, были скудными... мы видели на той стороне высокие деревянные смотровые вышки, с которых русские следили за всем происходящим на нашей стороне. Кроме того, мы

могли наблюдать за тем, как осуществляется войсковой подвоз и даже смена часовых».

Были различимы и траншеи, отрытые примерно в 800-1000 м от границы. Что и говорить, скудная информация. Согласно данным аэрофотосъемки удалось установить наличие позиций полевой артиллерии русских. Согласно оценкам немцев им предстояло иметь дело с двумя полками русских, расположенными на заранее подготовленных позициях. «Полученные нами карты, - досадовал Лемм, - отличались низким полиграфическим качеством и мало что объясняли. По ним, например, никак нельзя было определить ни состояния дорог, ни плотности лесных массивов». И его коллега, гауптман фон Хофгартен, занимавшийся боевой подготовкой в Восточной Польше в составе роты мотоциклистов 11-й танковой дивизии, вспоминает, что даже к завершению обучения 19 июня они «не располагали никакой информацией об армии русских, как и о предстоящей кампании».

Несмотря на явное отсутствие необходимых сведений у немецких войск, в целом немцы представляли себе, с кем придется иметь дело в ближайшие дни. Отдел «Иностранные армии «Восток» генерального штаба сухопутных войск оценивал численность советских войск в европейской части России в 154 стрелковых дивизии, 25,5 кавалерийских, 10 танковых и 37 моторизованных. Кроме того, имелись еще 7 - 8 воздушно- десантных бригад. В Азии оставались еще 25 стрелковых дивизий, 8 кавалерийских и 5 танковых или моторизованных бригад. Местонахождение важнейших штабов и места дислокации большей части механизированных частей и соединений были немцам известны. Однако немецким оценкам явно недоставало глубины, они грешили приблизительностью. Что касалось голых цифр, они, вероятно, соответствовали действительности, но осознать, обработать их надлежащим образом немцы так и не смогли.

Мотоциклетные части германской мотопехоты придавали ударам вермахта особую стремительность

Численность вермахта составляла 3,6 млн солдат и офицеров, из них 3 млн приходилось на долю немцев, остальные - на долю финнов, румын и венгров. Вооружение составляли 3648 танков и самоходных орудий, 7146 артиллерийских орудий, 2510 самолетов. Им противостояли на территории Западного особого военного округа 2,9 млн солдат и офицеров Красной Армии и 14000- 15 000 танков, как минимум 34 695 артиллерийских орудий и 8000-9000 боевых самолетов (Автор ошибается. Приведенные им цифры представляют собой суммарное количество сил по пяти приграничным округам: ЛенВО, Приб ВО, ЗапВО, КОВО, Од ВО. В Западном особом военном округе насчитывалось 671 900 солдат и офицеров, ок.

3000 танков, 13 938 орудий и минометов и 1789 самолетов. Прим. Ред).

Из всех имевшихся у немцев в наличии танков 1700 безнадежно уступали русским машинам в техническом отношении. Лишь 1880 немецких танков, распределенных по трем группам армий, противостояли огромной массе в 14 000-15 000 советских танков, пусть даже частично устаревших (*автор преувеличивает. Немецкие танки по своим тактико_техническим характеристикам уступали лишь новейшим советским танкам Т-34 и КВ*). К тому же вермахт совершенно не учитывал возможностей советской военной промышленности. Над экспертами из германского генштаба довлели чисто идеологические концепции, суть которых состояла в изначальном и полном качественном, военном и расовом превосходстве

германского вермахта, что позволяло, нанеся внезапный и решительный удар, в кратчайшие сроки победоносно завершить восточную кампанию. И вермахт, свято уверовавший в свое превосходство, уже к сентябрю был вынужден столкнуться с проблемой, откуда взять необходимые для ведения боевых действий ресурсы. Что же касалось возможных отступлений или же необходимости продолжения войны в зимний период, ни о чем подобном даже не задумывались. Более того, предыдущие кампании на Западе воспринимались вермахтом куда серьезнее, чем русская, хотя с Россией и связывались определенные опасения.

Как следствие, недостаток знаний о неприятеле пытались компенсировать ни на чем не основанной бравадой. Военнослужащие 20_й танковой дивизии, например, вспоминали, что перед западной кампанией они имели практически полную информацию о противнике, но в июне 1941 года «нам ни словом не обмолвились о силе нашего будущего противника, не говоря уже о его военной организации и вооруженности». Все ограничивались лишь «грубыми прикидками». Отчеты немецких постов рекогносцировки изобиловали сообщениями о часовых, раздетых по пояс и загоравших, отложив в сторону винтовки и стянув сапоги. «Подобные факты всячески раздувались, нам непрерывно твердили о полном отсутствии воинской дисциплины в Красной Армии».

Танковая группа генерала Гейнца Гудериана дожидалась приказа выступить, расположившись на берегах Буга по обе стороны крепости Брест-Литовск. Об итогах визита в передовые части 20-21 июня Гудериан писал: «Детальное изучение действий русских убедило меня в том, что они понятия не имели о наших намерениях. Мы имели возможность вести наблюдение за территорией Брест-Литовской цитадели и видели, как личный состав повзводно занимался строевой подготовкой под музыку военного оркестра. Все опорные пункты оборонительной системы пустовали. И в последние недели не наблюдалось никаких признаков повышения их оборонной мощи. Таким образом, открывались самые лучшие перспективы для нашего внезапного нападения, и в связи с этим даже возник вопрос о целесообразности проведения часовой артподготовки». И все же генерал решил не отказываться от нее.

Артиллерийское подразделение Генриха Айкмайера, дислоцированное сразу же за Бугом, продолжало вести непрерывное наблюдение за противоположным берегом реки. Им была видна железнодорожная магистраль, ведущая через пограничную реку. Именно через нее и осуществлялись грузоперевозки, предусмотренные протоколами советско-германского пакта о ненападении. «21 июня, - как вспоминает Айкмайер, - нам сообщили, что завтра начнется война с Советским Союзом». И, к своему удивлению, он видит: «Но, несмотря на это, в 6 вечера по мосту через Буг в Россию проследовал товарный состав, груженный не то зерном, не то углем. Мы восприняли машиниста и кочегара как жертв, сознательно отдаваемых будущему врагу. Даже толком не могли сообразить, зачем это было сделано. И задался вопросом: а может, все изменилось и никакой войны не будет?»

Нет, не изменилось ровным счетом ничего. Несколько часов спустя война началась.

ГЛАВА 4

ЧАС «Ч». 3 ЧАСА 15 МИНУТ

«Восток был объят пламенем».

Военврач из пехотных частей, 22 июня 1941 года

Река Буг... город Брест

Герд Хабеданк, военный корреспондент, продвигался вместе с частями 45_й пехотной дивизии. Цель - крепость города Бреста. «Под палящим солнцем по пропыленным и забитым транспортом и войсками дорогам Восточной Польши мы двигались к Бугу, минуя по пути лесные просеки, цепляясь кузовом за ветки деревьев, мимо артиллерийских батарей и передвижных командных пунктов, затаившихся под кронами сосен. Бесшумно, не издав ни шороха, мы подползли к самому берегу Буга. Все подъездные дороги к реке были посыпаны толстым слоем песка - на нем глохли шаги наших кованых сапожищ. Штурмовые сруппы уже сосредотачивались вдоль обочин дорог. На фоне окрашенного утренней зарей неба вырисовывались очертания надувных резиновых лодок». Добравшись до блиндажа, в котором размещался штаб батальона, Хабеданк бросил взгляд на противоположный берег Буга и на русских, находившихся в какой-то сотне метров в похожем укрытии. Интересно, о чем они сейчас думают. «Были отчетливо слышны доносившиеся с другого берега голоса, - вспоминал он, - а где-то в самой крепости звучал громкоговоритель».

Рудольф Гшёпф, капеллан дивизии, отслужил мессу в 20 часов. После этого встретился с офицером медицинской службы, а медики рангом ниже тем временем занимались рытьем ходов сообщений между перевязочным пунктом 3--го батальона 135-го полка. Вскоре все собрались в небольшом строении и перебросились парой слов - напряжение становилось невыносимым. В 2 часа ночи они с удивлением наблюдали, как через мост проследовал грузовой состав. «Наверняка с грузами, предусмотренными экономической частью германо-советского договора 1939 года». Окутанный клубами пара паровоз тащил вагоны в Германию. Эта вполне мирная картина никак не вязалась с царившей вокруг подготовкой к предстоящему штурму цитадели на другом берегу .

«На противоположной стороне внутри цитадели, казалось, все мирно спали. В двух шагах внизу мирно плескались волны Буга, ночная тьма окутала строения, которым вот-вот суждено было обратиться в руины».

2-й танковой группе генерала Гудериана была поставлена задача форсировать Буг по обе стороны от Брестской крепости. Поскольку демаркационная линия между Советским Союзом и оккупированной вермахтом частью Польши проходила через реку, западные форты крепости занимали немцы, а восточные - Красная Армия.

Еще до вторжения в Россию Гудериан знал, что «у Верховного командования, несмотря на опыт западной кампании, не было единого взгляда на использование танковых соединений». Генералы, не имевшие отношения к танковым войскам, придерживались мнения, что первый удар следует нанести пехотными дивизиями, проведя предварительно сильную артиллерийскую подготовку, а танки ввести в бой лишь после того, как вклинение достигнет известной глубины и наметится возможность прорыва. Напротив, генералы-танкисты придавали большое значение использованию танков с самого начала в первом эшелоне, потому что именно в этом роде войск они видели ударную силу наступления. Они считали, что танки могут быстро осуществить глубокое вклинение, а затем немедленно развить первоначальный успех, используя свою скорость. Генералы сами видели результаты использования танков во втором эшелоне во Франции. В момент успеха дороги оказывались запружены бесконечными, медленно двигающимися гужевыми колоннами пехотных дивизий,

которые препятствовали движению танков. Генералы-танкисты разрешали вопрос следующим образом: на участках прорыва использовать танки в первом эшелоне, впереди пехоты, а там, где решались другие задачи, например, взятие крепости [Брестской], использовать пехотные дивизии. Фортификационные сооружения Брестской крепости, вероятно, могли считаться устаревшими, однако «крепостью Брест-Литовск (ныне г. Брест, Беларусь) с ее старыми укреплениями, отделенной от нас реками Западный Буг и Мухавец, а также многочисленными наполненными водой рвами могла овладеть только пехота». Поэтому под командование Гудериана был передан 12-й пехотный корпус, одной из дивизий которого, 45-й, предстояло штурмовать Брест. Гудериан пришел к выводу, что: «Танки смогли бы взять ее только внезапным ударом, что мы и попробовали сделать в 1939. Но в 1941 г. условий для этого уже не было».

Брестская крепость была построена в 1842 году. Она располагалась на четырех островах частично естественно, частично искусственного происхождения, находившихся у слияния Буга и Мухавца. Вокруг Центрального острова находились три других: Западный (Пограничный), Южный (госпитальный) и Северный (Кобринский). Центральная, наиболее укрепленная, часть цитадели была окружена двухэтажным кирпичным строением, 500 казематов и подземных бункеров служили хранилищами запасов и убежищами для личного состава, а также обеспечивали мощную оборону. Подземные бункеры соединялись подземными ходами сообщения. За наружными стенами располагались многочисленные здания и постройки, в том числе дом офицеров, а также церковь. Толстые наружные стены были непробиваемы для артиллерийских снарядов любого калибра. Западный, Северный и Южный острова образовывали пояс внешней обороны с валами высотой 10 метров. Валы и бастионы трех предместных укреплений - фортов - прикрывали цитадель, не позволяя противнику вести стрельбу прямой наводкой. Каждый такой форт представлял собой самостоятельную крепость в миниатюре.

Однако это сверхмощное фортификационное сооружение имело одно уязвимое место. Оно возводилось для обеспечения круговой обороны. Но после окончания польской кампании крепость оказалась разделена демаркационной линией. Наиболее важный узел обороны, западный, отошел к немцам. Кроме того, лишь трое ворот обеспечивали доступ к шестикилометровому кольцу оборонительных сооружений, позволявшему использовать цитадель согласно ее первоначальной оборонительной концепции. Это увеличивало сроки приведения в боевую готовность личного состава и занятие им позиций для обороны. Генерал-майор Сандалов, начальник штаба 4-й армии, оценивал это время в 3 часа, - именно в это время защитники крепости понесут значительные потери в случае внезапной атаки ее. Лишь 2 км оборонительных стен выходили на запад, то есть на главное направление, откуда могла возникнуть угроза. И на них можно было разместить лишь один пехотный батальон и половину батальона пограничников. Судя по некоторым данным, в ночь с 21 на 22 июня 1941 года в Бресте находились 7 батальонов 6-й и 42-й стрелковых дивизий Красной Армии, а также несколько учебных подразделений и несколько артиллерийских полков.

На противоположном берегу Буга к нападению изготовились 9 пехотных батальонов вермахта и еще 18 сосредоточились на флангах. 12-й армейский корпус 4-й армии получил задачу окружить крепость и обеспечить проход передовым соединениям 2-й танковой группы - 24-му и 47-му танковым корпусам. Непосредственно на город наступать предстояло 45-й пехотной дивизии. 31-я и 34-я дивизии должны были обойти город и обеспечить внутренние фланги наступающих танковых корпусов.

В состав 45-й пехотной дивизии входили 3 полка (130-й, 133-й и 135-й) по 3 батальона в каждом. Им ставилась задача захватить Брестскую крепость, четырехпутный

железнодорожный мост через Буг, пять других мостов через Мухавец к югу от города. Это открывало возможность создания «коридора» для танков 2-й танковой группы, направлявшейся далее на Кобрин. План наступления дивизии предусматривал нанесение удара по двум направлениям - севернее цитадели и южнее. На левом фланге немцы предполагали, высадившись на Западном острове, нанести удар по цитадели, пользуясь фактором внезапности, захватить ее и выйти на восточную окраину Бреста. Для выполнения данной задачи были выделены два батальона 135-го пехотного полка при поддержке двух учебных танковых взводов. На правом фланге 130-й пехотный полк должен был переправиться через Мухавец и занять Южный остров. Задача захватить мосты через Мухавец возлагалась на девять специально подготовленных групп саперов. Один батальон оставался в резерве командира дивизии, а 3 батальона 133-го пехотного полка составляли резерв корпуса. Девять легких и три тяжелых батареи дивизионной артиллерии при поддержке дальнобойных орудий большого калибра и трех дивизионов мортир должны были провести пятиминутную артподготовку, а затем вести огонь по заранее намеченным целям. Предполагалось, что и другие две дивизии 12-го корпуса, 34-я и 31-я, также примут участие в штурме города. Особое подразделение, 4-й полк химической защиты, - до 22 июня 1941 года засекреченная часть - осуществляло поддержку операции атакой новым видом оружия - многоствольными реактивными минометами. «Там места живого не останется», - заверяли артиллеристы личный состав ударных групп.

Солдаты вермахта непоколебимо верили в победу. Лейтенант Михаэль Вехтлер из резервного полка не сомневался, что операция будет «легкой», несмотря на то, что в первый день полку предстояло выйти на рубеж в 5 км восточнее Бреста. Если смотреть на цитадель издали, она «больше напоминала обычные казармы, но никак не крепость». Этот оптимизм нашел выражение в том, что для первого удара выделялись лишь 2 из 9 батальонов. Три батальона находились во втором эшелоне, а еще 4 оставались в резерве. 45-я пехотная дивизия имела опыт участия во французской кампании, где потери убитыми составили 462 солдата и офицера. Как и в большинстве пехотных дивизий, сосредоточенных у границы с СССР, личный состав дивизии был полон сил и настроен по-боевому. Находясь в местах расквартирования в Варшаве перед началом русской кампании, солдаты получили возможность осмотреть поверженную польскую столицу. Многие, объезжая городской центр в пролетках, фотографировались на память. Боевая подготовка прошла успешно. В основном отрабатывались навыки форсирования водных преград с высокими, обрывистыми берегами и приемы атаки фортификационных сооружений. В общем, идиллия, да и только. В свободные от службы жаркие часы солдаты разгуливали в трусах. Те, кому предстояло форсировать Буг на лодках, часто устраивали «морские битвы» и шугливые регаты. А о том, для чего именно их тренируют, они предпочитали не думать.

Отправка в 180-километровый марш из Варшавы происходила под музыку военного оркестра 133-го полка. Внезапно хлынул ливень, и все промокли до нитки, но выглянувшее тут же из-за туч жаркое летнее солнце подняло упавшее было настроение. Марш оказался не из простых, но его предусмотрительно поделили на 40-километровые этапы, места для привалов выбирались вблизи водоемов, так чтобы можно было смыть с себя пыль дорог Восточной Польши. Марш завершился в 27 километрах от границы с Россией. На постой остановились в польском селе, в уютных и чистых домах. Там и допили последние бутылки трофейного французского шампанского и, наконец, отписали домой. Прожекторные подразделения поделили на взводы из тех, кто пожелал перед кампанией обрить головы наголо. Прожекторные расчеты в последний раз сфотографировались на тщательно замаскированном привале. Все прекрасно понимали, что вряд ли представится возможность собраться вновь в том же составе. А с рассветом 22 июня части дивизии начали выдвигаться на исходные рубежи.

Незадолго до 3 часов утра капеллан Рудольф Гшёпф покинул небольшое строение, где дожидался начала атаки. «По мере приближения часа «Ч», - вспоминал он, - минуты тянулись невыносимо, казалось, миновали часы». Занимался рассвет. Было тихо, если не считать обычных ночных звуков. Бросив взгляд на ленту реки вниз, он заметил: «У Буга не было заметно ни единого признака присутствия штурмовых групп. Замаскировались, как положено. Нетрудно представить себе нервное напряжение, в котором пребывали те, кому предстояло несколько минут спустя столкнуться с неведомым неприятелем!»

Часовой Лейбштандарта СС «Адольф Гитлер» у казармы

Находившегося в машине Герда Хабеданка вывел из раздумий металлический перезвон будильника. «Грядет великий день», - записал он в своем дневнике. Серебристый свет

Германские пехотинцы тренируются преодолевать водную преграду

трепетал на востоке, когда он направлялся в блиндаж на берегу Буга, где разместился командный пункт батальона. Там было полно народу: «Сутолока, все в касках, с оружием,

этот постоянный трезвон полевых телефонов. Но тут прозвучал спокойный голос гауптмана, и все вмиг угомонились. «Господаа, уже 3 часа 14 минут, остается ровно минута». Хабеданк вновь посмотрел через смотровую щель бункера. Все было по-прежнему. В ушах Герда опять прозвучала фраза командира батальона, которую тот сказал вчера: «Это будет ни на что не похоже».

Пулемет MG-34 обеспечил пехотным подразделениям вермахта огромную огневую мощь

«Воздушная атака... с первыми лучами солнца»

Пилот набиравшего высоту бомбардировщика Хе-111 еще сильнее потянул штурвал на себя. Он взглянул на высотомер - трепетавшая стрелка, замерев на мгновение, вновь двинулась по часовой стрелке. 4500 метров... 5000 метров... Экипажу было приказано надеть кислородные маски. Ровно в 3 часа утра самолет, натужно гудя, на максимальной высоте миновал советскую границу. Внизу раскинулась безлюдная местность - сплошь леса да заболоченные низины. 53-я бомбардировочная эскадра поднялась в воздух еще затемно с одного из аэродромов вблизи от Варшавы. Достигнув почти потолка высоты, самолеты взяли курс на аэродромы противника, сосредоточенные на территории Белоруссии, между Белостоком и Минском. До-217Z из 2-й бомбардировочной эскадры вторглись в воздушное пространство СССР севернее, между Гродно и Вильнюсом. 3-я бомбардировочная эскадра, взлетев из-под Демблина, продолжала набор высоты между Брестом и Кобрином. Пилоты внимательно изучали землю под крылом в поисках ориентиров. Экипажи машин комплектовались опытными летчиками, налетавшими не один десяток часов. Эти 20-30 машин и образовали передовую группу сил, участвовавших в первом авиаударе. Перед экипажами стояла задача скрытно миновать советскую границу и атаковать базы советских ВВС на центральном участке будущего фронта. Для атаки каждого советского аэродрома было выделено по три бомбардировщика. И вот они, гудя моторами, направились к намеченным целям. Внизу в пелене утреннего тумана лежала территория противника. Редкие огоньки указывали, что она все же обитаема. Впереди у восточной кромки горизонта обозначилась едва заметная светлая полоса. Облачность практически отсутствовала. До часа «Ч» оставалось не более 15 минут.

Тыловые аэродромы, расположенные на территории оккупированной вермахтом Польши, уподобились растревоженным ульям. Полным ходом шла загрузка бомб, продолжался

предполетный инструктаж. Чихая, запускались двигатели, перепуганные птицы взмывали с ветвей деревьев, окружавших тщательно замаскированные взлетные полосы и временные ангары.

Лейтенант Хайнц Кноке, пилот истребителя Me-109, из эскадрильи, дислоцированной на аэродроме Сувалки вблизи русской границы, наблюдал, как в предрассветных сумерках начинают проступать силуэты пикирующих бомбардировщиков Ю-87 и «мессершмитов» из его подразделения. Слухи о предстоящем нападении на Россию ходили уже давно. «Я целиком за, - писал он в своем дневнике, - большевизм - враг №1 для европейской культуры и западной цивилизации». Предыдущим вечером поступил приказ сбить пассажирский самолет, совершавший регулярные рейсы на линии Берлин-Москва. Это вызвало переполох.

Непосредственный начальник Хайнца Кноке в составе штабной эскадрильи попытался выполнить этот приказ, но обнаружить «дуглас» не смог. Кноке в последний вечер, сидя в компании сослуживцев, обсуждал с ними предполагаемое развитие событий.

«Приказ сбить пассажирский «дуглас» русских, - писал он, - убедил меня в том, что война с большевизмом намечается серьезная». Все с нетерпением ждали сигнала тревоги.

«Никто и не думал спать, - вспоминал Арнольд Дёринг, штурман 53-й бомбардировочной эскадры «Легион «Кондор», - разве заснешь перед первой атакой». Экипажи подняли в половине второго ночи, чтобы провести инструктаж и поставить боевую задачу. Атаковать предстояло аэродром Бельск-Пиличи. По имеющимся данным, на этом аэродроме размещались значительные силы русской авиации. Бегом, «словно безумные», направляясь к самолетам, летчики «видели занимавшуюся на востоке зарю - признак наступавшего дня».

И хотя подразделение Дёринга не участвовало в нанесении первого удара, поднявшись в воздух, летчики не без труда выстроились в боевой порядок - сказывалось отсутствие опыта ночных полетов. «У меня в голове царил такой сумбур, - вспоминал Дёринг, - как взлетать в темноте, да еще на загруженной по самую завязку бомбами машине? Мы и аэродрома этого толком изучить не успели за прошедшие несколько дней!» Пилотам люфтваффе подобные операции были не впервой, однако, как всегда перед атакой, многие нервничали. Ганс Фовинкель, 35-летний пилот бомбардировщика, писал своей жене: «Я еще не все описал, что почувствовал тогда, но хотелось бы. Просто нет времени расписывать все. И ты очень скоро поймешь почему. Так что многое так и останется недосказанным. Но я не сомневаюсь, что ты все верно поймешь!»

Предполагалось, что в результате этого массированного авианалета на советские аэродромы люфтваффе завоюет господство в воздухе, что позволит ему оказывать эффективную поддержку наземным войскам. Сама операция разрабатывалась в Гатове, под Берлином в Академии люфтваффе, начиная с 20 февраля 1941 года. Командование всеми силами люфтваффе, участвовавшими в осуществлении плана «Барбаросса», было поручено генерал-фельдмаршалу Альберту Кессельрингу, командующему 2-м воздушным флотом. Гитлер, убежденный в «неполноценности» русских, как выяснилось вскоре, был «поражен» сведениями о мощи красных ВВС, содержащимися в первых боевых донесениях. Разведка люфтваффе сообщала о 10500 боевых самолетах, 7500 из которых были дислоцированы в европейской части СССР, а 3000 - в азиатской его части. Из них лишь 50% считались современными. В это число не входили самолеты транспортной авиации, численность которых согласно разным источникам составляла 5700 единиц.

Предполагалось, что в боевых действиях могут принять участие около 1360 бомбардировщиков и 1490 истребителей. В течение второй половины 1941 года на вооружение ВВС РККА должны были поступить 700 новых машин. По планам советского военного руководства предполагалось заменить 50% авиапарка бомбардировщиков, однако общего роста численности не предусматривалось. Советские ВВС располагали 15000

обученных пилотов, 150 000 человек наземного обслуживания и имели 10 000 единиц учебной авиатехники.

Что же касается люфтваффе, то оно на 21 июня 1941 года имело 757 боеготовых бомбардировщиков из общего числа в 952 машины, 362 из 564 пикирующих бомбардировщиков, 64 истребителя типа Me-110 (двухмоторные) и 735 из 965

обычных истребителей, кроме этого, оно располагало некоторым количеством разведывательных, транспортных и гидросамолетов (*Цифры занижены. Согласно данным Военного архива ФРГ в г. Фрейбурге для участия в операции «Барбаросса» люфтваффе сосредоточило 953 бомбардировщика, 1025 одномоторных истребителей, 93 двухмоторных истребителя, 306 пикирующих бомбардировщиков и около 1000 транспортных и разведывательных самолетов. Кроме того, к операции привлекались почти 1000 самолетов союзников германии. Таким образом, силы Германии и ее союзников насчитывали почти 4700 самолетов, включая примерно 1600 истребителей. Прим. Ред).*

Несмотря на советское численное превосходство трех или даже четырехкратное, люфтваффе отличал высокий уровень боевой подготовки и опыт боевых действий. Вследствие протяженности оперативных участков и скептицизма в отношении уровня боевой, технической и оперативной подготовки русских считалось, что советские ВВС не смогут оказывать эффективную поддержку своим наземным силам. Генерал люфтваффе Конрад предоставил Гальдеру, начальнику штаба ОКВ, выборочный отчет о возможностях советских ВВС. Согласно этому документу советские истребители явно уступали немецким. Невысокой оценки Конрада удостоились и советские бомбардировщики. Уровень боевой выучки, командование и тактическая подготовка персонала также оценивались крайне низко.

Именно эта, явно субъективная точка зрения и возобладала при планировании и оценке сил Советов, как вероятного противника. На 22 июня 1941 года, согласно данным люфтваффе, советские ВВС насчитывали лишь 1300 боеготовых бомбардировщиков и 1500 истребителей на территории европейской части СССР (из общего числа в 5800 машин). Более того, согласно данным радиоперехвата число самолетов, сосредоточенных в западной части России, выросло до 13 000-15 000 единиц. Генерал Ешонек, начальник штаба люфтваффе, ранее докладывал Гальдеру о том, что «люфтваффе ожидает массированных авианалетов на наши передовые части, однако считает, что их удастся отразить благодаря нашему превосходству в технике и боевом опыте». Все основывалось на непоколебимой вере в эффективность внезапного удара, к которому советские ВВС были явно неготовы и, как следствие, крайне уязвимы, и посему обречены быть уничтоженными на земле. «Наземные структуры русских... неповоротливы и трудновосстановимы», - убеждал Ешонек.

Миссия Кессельринга была предельно ясна: «Приказы, которые я получал от главнокомандующего люфтваффе, в основном сводились к тому, чтобы добиться превосходства, а по возможности и сосподства в воздухе и оказать поддержку сухопутным войскам, в особенности танковым группам, в их боевых действиях против русских. Постановка каких-либо других задач в дополнение к упомянутым привела бы к весьма непродуктивному распылению сил, так что их следовало отложить на потом».

Вопреки первоначальному плану, детали которого были согласованы с командованием люфтваффе, время «Ч», то есть время начала операции, было смещено на 3 часа 15 минут 22 июня. Решение это далось нелегко и вызвало ожесточенные споры представителей генеральных штабов как наземных сил, так и люфтваффе.

«Начало операции было назначено на предрассветное время. Это было сделано, несмотря на возражения люфтваффе, основывавшиеся на вполне конкретном тактическом соображении, которое состояло в том, что в указанное время одномоторные истребители и пикирующие бомбардировщики не смогут удерживать четкий строй. Этот момент представлял для нас

серьезную трудность, однако мы сумели ее преодолеть».

Наземным войскам для достижения максимальной внезапности требовалось как раз темное время суток, но уже с первыми лучами солнца им как воздух могла понадобиться поддержка с воздуха. Генерал_фельдмаршал фон Бок, командующий группой армий «Центр», заявил: «Враг тут же спохватится, услышав рев моторов пересекающих границу самолетов. И фактор внезапности будет утерян». В конце концов, командование приняло компромиссное решение

нанести первый удар специально подготовленными экипажами. Этого, как считалось, будет вполне достаточно, пока в воздух не поднимутся основные силы авиации. В ночь на 22 июня вдоль границ с СССР было сосредоточено 60% боевой мощи люфтваффе: 1400 из 1945 единиц оперативной авиации, 1280 из которых считались боеготовыми. Упомянутые силы распределялись по четырем воздушным флотам. 1-й воздушный флот осуществлял поддержку группы армий «Север», половина 2_го воздушного флота наносила удар совместно с группой армий «Центр» (*автор ошибается. группу армий «Центр» поддерживала вся авиация 2-го воздушного флота, которым командовал фельдмаршал А.Кессельринг .Прим. ред.*), 4-й действовал на оперативном участке группы армий «Юг»,

а 5-й воздушный флот должен был действовать на севере с норвежских аэродромов. Считается, что люфтваффе сосредоточило для участия в операции «Барбаросса» 650 истребителей, 831 бомбардировщик, 324 пикирующих бомбардировщика, 140 разведывательных и 200 транспортных самолетов. На южном стратегическом направлении действовали ВВС Румынии (230 самолетов), Венгрии, Словакии, 299 финских самолетов должны были принять участие в боевых действиях несколько позже (*по мнению немецкого историка О.Гроелера, для нападения на СССР немцы сосредоточили 70% своей авиации. Союзники выставили следующие силы: Румыния - 423 самолета, включая 170 истребителей; Финляндия - 307 самолетов (230 истребителей); Венгрия и Италия _ приблизительно по 100 самолетов; Хорватия _ 60 машин; Словакия _ 50. Прим. Ред.*). Однако эти силы не шли ни в какое сравнение с силами русских. Немцы недооценивали численность советских ВВС как минимум наполовину. И вообще, на европейской части дислоцировались лишь 30% всех самолетов, имевшихся в распоряжении русских (*в западных округах было сосредоточено 7133 самолета всех типов, в остальных - 6155 машин. Прим. Ред.*).

Пилоты жадно вглядывались в небо. «Слегка отклонившись от курса, мы направились к целям», - вспоминает Дёринг.

21 июня в Берлине стояла удушающая жара. Йозеф Геббельс, имперский министр пропаганды, переполненный предчувствиями великого дня, не мог сосредоточиться на повседневной рутине. И все же не проговорился. «Обстановка в России все драматичнее с каждым часом, - записал он в свой дневник. - Протесты русских по поводу нарушений воздушного пространства СССР просто игнорируем». Молотов добивался разрешения выехать в Берлин, но его засыпали ложными обещаниями. «Наивно полагать иное, _ утверждает Геббельс. - Ему надо было думать об этом полгода назад. В рядах наших противников единства нет».

В полдень министр пропаганды принял делегацию Италии. Встреча происходила у него в доме в Шваненвердере. Вниманию гостей был предложен недавно вышедший на экраны американский фильм -«Унесенные ветром». Он произвел на присутствующих впечатление. Однако, несмотря на перегруженность, по его собственному признанию, Геббельс никак не мог отделаться от донимавшего его волнения. Его ближайшие подчиненные в Министерстве пропаганды тоже знали о предстоящей операции, и он решил пригласить их к себе, чтобы «в случае чего, они были под рукой».

Поздно вечером раздался телефонный звонок из имперской канцелярии. Фюрер срочно пожелал встретиться со своим главным пропагандистом. Судя по ярко освещенным

окнам армейских штабов, там шли лихорадочные приготовления к вторжению в Россию. Кодовое слово «Дортмунд», доведенное до сведения ответственных лиц, означало, что время «Ч» наступит в 3 часа 30 минут. На случай непредвиденных задержек предусматривалось другое кодовое слово - «Альтона». Но никто всерьез не верил, что придется его использовать. Гитлер проинформировал Геббельса о завершении последних приготовлений. Советский посол в Берлине заявил очередной протест по поводу нарушений воздушного пространства СССР германскими самолетами для проведения аэрофотосъемки советской территории, но в очередной раз ему был дан уклончивый ответ. Посовещавшись, решили назначить время трансляции по радио официального сообщения о начале войны с СССР - 5 часов 30 минут утра 22 июня 1941 года. Иностранцев корреспондентов пригласили на 4 часа утра. «К тому времени, - продолжает запись Геббельс, - противник уже сообразит, что к чему, да и нация будет готова узнать правду». А пока и берлинцы, и москвичи мирно спали у себя дома в блаженном неведении о грядущих катастрофических событиях.

Геббельс выехал от Гитлера в половине третьего ночи. «Фюрер торжественно серьезен и спокоен. Он пожелал прилечь на пару часов. Наверняка это самое лучшее для него сейчас». Геббельс направился к зданию своего министерства, заметив, что «вокруг на Вильгельмплатц ни души, и Берлин, и рейх крепко спят». Когда он начинал утреннее совещание с коллегами, едва занималась заря. «Всеобщее изумление на лицах, но наверняка многие догадывались, что к чему, хотя и не все». Сотрудники тут же уселись за подготовку утренних сообщений, призвав на помощь операторов кинохроники, корреспондентов газет и репортеров радио. Геббельс ежеминутно поглядывал на часы. «Половина четвертого. Вот ударили орудия. Да хранит Бог нашу боевую мощь!»

Звенья бомбардировщиков 2-й, 3-й и 53-й бомбардировочных эскадр вышли к советским аэродромам незамеченными. Было еще темно, лишь на востоке загоралась заря наступавшего дня. Действующие отдельно авиаподразделения приступили к снижению и выходу на цель. К 3 часам 15 минутам они уже шли на малых высотах. Сотни двухкилограммовых осколочных бомб SD2, незаметных на фоне ночного неба, посыпались из раскрытых бомбовых люков. Они обрушились на ряды советских самолетов, выстроившихся крыло к крылу у взлетных полос аэродромов, и на палатки личного состава, находившиеся поблизости. Внизу царил безмятежность. Советские самолеты не были даже

замаскированы. Поданный уже после атаки сигнал тревоги ничего не мог изменить. А через несколько секунд разрывы маломощных бомб превратили самолеты в пылающие факелы. Радиус поражения каждой такой бомбы составлял 12 метров. Взрываясь, она поражала все вокруг 50-250 крошечными осколками. Прямое попадание ее было эквивалентно зенитному снаряду средней мощности. От хлынувшего из пробитых емкостей бензина, который тут же воспламенялся, в небо взметнулись огромные клубы густого черного дыма. На земле воцарился кромешный ад, хаос. Не было никакой возможности локализовать и потушить множившиеся очаги пожаров. Управление войсками оказалось полностью утеряно вследствие нарушения связи с вышестоящими штабами. Предпринимались отчаянные попытки

выйти в эфир с небольшими переносными радиостанций. Только через четыре часа поступили первые доклады с информацией об обстановке. Из расположенного в Гродно, северо-восточнее Белостока, штаба 3-й советской армии в штаб Западного особого военного округа полетело сообщение:

«Начиная с 4 часов утра немцами были совершены авианалеты силами от 3 до 5 самолетов. Атаки с воздуха совершались каждые 20-30 минут. Бомбардировке подверглись объекты в Гродно, Кропоткине и в особенности штабы армий. В 7 часов 15 минут утра 16 самолетов противника совершили налет на Гродно, атаковав город с высоты в 1000 метров. Домброво и Новы Дрогун объята пожарами. С 4 и до 7 часов утра всего совершено четыре авианалета на аэродром Новы Двор группами по 13-15 самолетов противника. Наши потери: 2 самолета

сожжены, 6 выведено из строя. 2 человека личного состава ранены тяжело и 6 легко. В 6 часов утра бомбардировке и обстрелу с воздуха подвергся аэродром в Сокулке. Двое убитых и 8 человек раненых».

Тем временем взлетевшие в предрассветных сумерках с главного аэродрома в Сувалках пикирующие бомбардировщики Ю-87 и превращенные в истребители бомбардировщики Me-109, не жалея сил, выполняли боевую задачу. Лейтенант Ганс Кноке вспоминает, что сигнал общей тревоги для всех авиаэскадр прозвучал в 4 часа утра. «Аэродром ожил, были задействованы все подразделения», - свидетельствует Кноке. Постепенно до всех стали доходить масштабы начавшейся операции. «Всю ночь, - рассказывает Кноке, - я слышал в отдалении гул танковых двигателей. Мы находились Всего в нескольких километрах от границы». В течение часа авиаэскадра в полном составе поднялась в воздух. Четыре бомбардировщика эскадрильи Кноке, включая и его 'машину, были оснащены автоматическими бомбосбрасывателями. Позади остались многие часы тренировок. «И теперь под брюхом у моего дорогого «Эмиля» висели на подвеске мелкие осколочные бомбы, - вспоминает он. - И я с великим удовольствием обрушивал их на глупые головы «иванов».

Одной из целей бомбардировок были штаб и командный пункт русских в лесах западнее Друскининкая. Их предстояло атаковать с высоты бреющего полета. Перед выходом на цель «мы заметили длиннющие колонны наших войск, тянувшиеся к востоку. Тут же почти крыло в крыло мы заметили летевшие в нашем направлении пикирующие бомбардировщики». Им предстояло нанести теперь основной удар. Воздушные флоты Кессельринга поднялись в воздух в полном составе и выстроились в боевые порядки с первыми лучами солнца. После того, как состоялись первые авианалеты небольших групп бомбардировщиков, им теперь предстояло нанести основной удар. Для этого командование люфтваффе выделило 637 бомбардировщиков и 231 истребитель. Их цели - 31 аэродром советских ВВС.

Самолет штурмана Арнольда Дёринга (53-я бомбардировочная эскадра люфтваффе) пересек границу в 4 часа 15 минут. Члены экипажа действовали в точном соответствии с полученными инструкциями. «Я, как обычно, провел корректировку курса. Затем, выглянув в окошко, заметил, что землю окутал туман, но цели были все же различимы. Больше всего меня поражало бездействие средств ПВО противника».

Подразделение приступило к бомбометанию. Повсюду вдоль Восточного фронта от Нордкапа до Черного моря на границы СССР волнами накатывались самолеты четырех воздушных армий Кессельринга, чтобы обрушить на ничего не подозревавшего неприятеля сотни тонн бомб. Пикирующие бомбардировщики со страшным воем атаковали легко различимые цели, а средние бомбардировщики продолжали идти курсом на заранее намеченные объекты. Истребители-бомбардировщики обстреливали и бомбили советские аэродромы. «Мы просто глазам своим не верили, - говорил Ганс фон Хан, командир 1-й эскадрильи 3-й истребительной эскадры, действовавшей на участке южнее Львова. - Волна за волной проносились самолеты-разведчики, бомбардировщики и истребители - совсем как на авиационном параде» .

Завершив бомбометание, Хе-111 Дёринга вновь набрал высоту. Штурман вспоминает:

«Клубы дыма, осонь, вздымающаяся вверх пыль. Наши бомбардировщики оставили без внимания подземные склады боеприпасов, располагавшиеся справа от полосы. Зато несколько машин прошли над взлетной полосой и, сбросив бомбы, вывели

ее из строя. Мы заметили две огромных воронки. Ни одной вражеской машине больше не подняться в воздух!»

Вскоре над аэродромом появилась еще одна группа самолетов. Дёринг, обернувшись, когда машины набирали высоту, заметил: «Примерно полтора десятка истребителей, стоявших у

взлетной полосы, были объаты пламенем. Пылали и казармы личного состава». Выполнив первое боевое задание, Хе-111 направлялись назад, на базу. «Вылет был настолько успешным, что даже отпала необходимость в повторной запланированной атаке этого аэродрома».

Но и эти, казалось, легкие победы первых часов войны не обошлись без потерь. Зигфрид Лауэрвассер, оператор военной кинохроники, снимал возвращавшиеся на свой аэродром в Польше бомбардировщики. «Вот так все и начиналось», - комментировал он отрывки из документального фильма, снятого для телевидения уже после войны. Тут же стало ясно, что не все возвратились с задания. Это оказалось «большой неожиданностью, - продолжает Лауэрвассер, - когда нам сообщили, что, мол, такая_то машина не вернулась. Мы продолжали ждать». Но экипаж так и не появился. «Это стало для нас потрясением. Как же так? Как так могло получиться? Мы же знали их, дружили, это были наши товарищи все эти долгие месяцы».

Самый мощный в короткой истории авиации первый удар дал, таким образом, толчок к дальнейшему развитию событий.

«Самая короткая ночь в году... Время «Ч»

Лейтенант Генрих Хаапе, военврач 3-го батальона 18-го пехотного полка, стоял вместе с командиром батальона майором Нойхофом и адъютантом командира батальона

Хиллемансом на вершине пригорка на юго_восточном участке границы в Восточной Пруссии. Офицеры всматривались во тьму, тщетно пытаясь разглядеть раскинувшуюся вдали литовскую равнину. До времени «Ч» оставалось еще 5 минут.

«Я бросил взгляд на светящийся циферблат часов. Было ровно 3 часа. Я сознавал, что, может быть, в эту минуту миллионы немецких солдат тоже смотрят на стрелки. Все часы в вермахте в эту ночь были сверены».

Хаапе даже вспотел от охватившего его волнения. В последние минуты казалось, что «невозможно выдержать это страшное напряжение последних судьбоносных минут».

Он пишет: «Кто-то закуривает. Тут же раздается отрывистая команда, и красный осонек затоптан. Все молчат, изредка доносится топот копыт и едва слышное храпение - лошади тоже беспокойны. Тут в восточной части неба над горизонтом появляется едва различимая светлая полоска. Наступает рассвет. Сереет. Боже, ну, неужели эти секунды никогда не кончатся! Я снова смотрю на часы. Еще две минуты». Самая короткая ночь в году заканчивалась. И хотя вокруг еще царила ночная тьма, небо заметно посветлело, стало голубоватым.

Эрих Менде, обер-лейтенант из 8-й силезской пехотной дивизии, вспоминает разговор со своим начальником, состоявшийся в эти последние мирные минуты. «Мой командир был в два раза старше меня, - рассказывает он, - и ему уже приходилось сражаться с русскими под Нарвой в 1917 году, когда он был в звании лейтенанта».

«Здесь, на этих бескрайних просторах, мы найдем свою смерть, как Наполеон», - не скрывал он пессимизма. К 23 часам 21 июня нам доложили, что время «Ч» остается неизменным, таким образом, операция начнется в 3 часа 15 минут.

«Менде,- обратился он ко мне, - запомните этот час, он знаменует конец прежней Германии. Finis Germania!»

Но Менде не тронули пророческие откровения командира. Он объяснял свое состояние

безудержным оптимизмом, столь характерным для молодых солдат и офицеров, и уверенностью, что война, по сути, завершена, и завершена победоносно для Германии. «Так что мы не очень-то прислушивались к ворчанью этих стариканов, каковым считали и нашего командира».

Масштабность предстоящей кампании, ее широчайший фронт определили и разное время «Ч» на разных участках. На участке группы армий «Север» рассвет наступал в 3 часа 5 минут. На участке группы армий «Центр» - в 3 часа 15 минут, а на участке группы армий «Юг» - в 3 часа 25 минут. И глаза всех солдат вдоль гигантской линии фронта напряженно следили за бегом минутных стрелок на часах. Последние, решающие мгновения навеки запечатлелись в памяти тех, кому суждено было погибнуть или остаться искалеченным в грядущей мясорубке. Гауптман Александр Штальберг из 12-й танковой дивизии вспоминает:

«Мы сидели в крошечной тьме в танках, многие просто улеглись на лесную землю. Спать никто не мог. Около 3 часов утра унтер-офицер, обойдя всех по очереди, разбудил нас. Водители запустили двигатели, и колонна стала медленно выползать из леса. В поле наша вновь сформированная 12-я танковая дивизия производила внушительное впечатление - шутка ли сказать, 14 тысяч человек личного состава плюс техника».

Вальтер Штоль, радист из пехотного подразделения, находившийся в непосредственной близости от Буга, вспоминает лихорадочную подготовку последних минут. «И вот нам приказали продвигаться вперед. Личный состав со штурмовыми лодками и другими плавсредствами получил сухой паек и боеприпасы. Нам тогда даже выдали шоколад, коньяк и пиво. Все угощали друг друга».

По мере продвижения к границе на дорогах появлялось все больше и больше войск, в особенности артиллерийских частей, выдвигавшихся на позиции. «Конца не было этим мортирам». Они двигались по мягкой бархатной пыли проселков, по песчаным лесным тропинкам на исходные рубежи. В одной деревеньке, где шагу ступить нельзя было от самоходных артиллерийских установок, мы оставили все, что не имело отношения к предстоящей атаке, прихватив лишь самое необходимое. Транспортные средства остались в тылу. Пехотинцы стали формироваться в штурмовые группы. Ефрейтор Эрих Куби, сидя в одном из «хорьхов» на опушке леса, наблюдал: «Занималось погожее утро, прохладное, ясное, в низинах стоял туман». После суматохи последних дней «все воспринималось, как затишье перед бурей». Транспортные средства замерли в ожидании приказа. А приказ поступил, уже когда почти совсем рассвело. Куби вспоминает: «Небо посветлело, на нем темными силуэтами вырисовывались деревья и выстроившиеся в длинную колонну танки». Эта сцена безмятежности резко контрастировала с тем, что предстояло пережить уже несколько мгновений спустя. Старшие офицеры собрались на наблюдательных пунктах, чтобы оценить результаты предстоящей артподготовки.

Генерал Гудериан, командующий 2-й танковой группой, выехал на командный пункт, разместившийся на смотровой вышке южнее Бохукал, в 15 километрах на север от Бреста. «Было еще темно, когда мы прибыли туда в 3 часа 10 минут,- читаем мы в его дневнике.

Генерал Гюнтер Блюментритц, начальник штаба 4-й армии, также находился поблизости, на участке 31-й пехотной дивизии. «Мы видели, - вспоминает он, - как взлетают и берут курс на восток немецкие истребители. Были хорошо различимы их навигационные огни». Час «Ч» приближался, «небо светлело, приобретая неповторимый желтоватый оттенок. Все вокруг дышало тишиной».

На участке 30-й танковой дивизии у Сувалок, на северном фланге группы армий «Центр», также царило «обычное перед наступлением напряжение. Бесконечные ряды танков замерли в неподвижности и казались диковинными кораблями, плывущими по морю из тумана.

Временами на какой-нибудь из машин командир, приоткрыв люк, выбирался наружу и, приставив к глазам бинокль, пытался разглядеть что-то в неверном свете наступавшего утра. Около трех утра послышался гул пикирующих бомбардировщиков, потом за ними проследовали эскадры средних бомбардировщиков, направлявшихся к целям.

За две минуты до часа «Ч» лейтенанту Хаапе из 18-го полка - и не ему одному - вдруг вспомнилась жена. «Мысли мои вернулись к Марте. Она тоже спит, как спали сейчас все наши жены, подруги и матери, как миллионы обычных людей по обе стороны этого необозримого фронта!»

Ефрейтор Эрих Куби из группы армий «Юг», дожидавшийся сигнала к атаке, в последние минуты начеркал письмо жене. Он предвидел, каким ударом станут грядущие события и для нее, и для их ребенка.

«Теперь ты уже обо всем [о нападении на Советский Союз. _ Прим. авт.] знаешь и все не хуже меня понимаешь. Но сейчас, когда я пишу эти строки, ты еще спишь, ничего не подозревая. Часов в 7 по радио передадут сообщение о войне с русскими. Фрау Шульц наверняка разбудит тебя, и ты испытаешь потрясение. Потом выведешь нашего Томаса в сад и скажешь ему, что его папа скоро снова вернется».

Неотвратимость грядущих событий занимала умы всех без исключения. Генрих Хаапе успокаивал себя тем, что хотя бы его жене судьба подарила на одну безмятежную ночь больше. «А нам предстоит бросок на восток», - признавался Хаапе. И через минуту все они выступят. «А завтра там, откуда сегодня восходит солнце, будет полыхать война».

Затаившийся у самых вод Буга Генрих Айкмайер увидел, как в казенник его 88-мм зенитного орудия почти бесшумно вошел первый снаряд. Все офицеры вокруг неотрывно глядели на секундомеры. Айкмайер застыл со спусковым шнуром в руках. Неужели именно ему предстоит стать тем, кто произведет первый выстрел на Восточном фронте?

Людвиг Тальмайер из батареи тяжелых орудий, приданной 63-му пехотному полку, изо всех сил старался уснуть в кузове стоявшего в лесу грузовика. Но сон не шел. Позже в свой дневник он запишет: «Светать здесь начинало раньше, чем в Германии. Защебетали птицы, где-то в отдалении прокуковала кукушка. И вот - это было ровно в 3 часа 15 минут - внезапно загрохотала немецкая артиллерия. Воздух содрогнулся...»

Герхард Фрай, артиллерист, вспоминает:

«Ровно в 3 часа 15 минут тишину разорвала первая команда, и тут начался ад! Такого грохота мне еще не доводилось слышать никогда. Все кругом запылало, залпы бесчисленных орудий слились в один бесконечный грохот. И тут же замелькали вспышки разрывов на противоположном берегу Буга. Да, несладко пришлось тем, кто угодил в эту мясорубку, не думая и не гадая!»

Обер-лейтенант артиллерии Зигфрид Кнаппе еще ночью при свете луны изучил как следует свою первую цель - деревню Сасня, лежавшую прямо перед боевыми порядками его батареи. Сейчас там творилось что-то невообразимое. «С наблюдательного пункта я видел разрывы снарядов, поднимавшиеся вверх желтые и черные клубы. В нос ударила отвратительная пороховая гарь, орудия били без передышки. Четверть часа спустя мы приостановили стрельбу, вдали на стороне противника слабыми хлопками отзвучали последние разрывы, и тут в атаку устремилась пехота».

Внезапно наступившая после грохота артиллерийской канонады тишина казалась невыносимой. Рядовой артиллерии Вернер Адамчик из 20-го артполка описывает, что выпало на долю тех, кто обслуживал 150-мм орудия: «Стоишь рядом с орудием, раздается выстрел, и каждый раз кажется, что тебя вот-вот раздавит о землю. Взрывная волна и грохот

от выстрела настолько сильны, что приходится разевать рот, чтобы уменьшить нагрузку на барабанные перепонки» .

Пехота и часть бронетехники начали выдвигаться вперед. Солдаты шли вперед со смешанными чувствами. Гётц Ретер из подразделения бронемашин впоследствии живо описывал свои впечатления от начала плана «Барбаросса»: «Конечно, ты охвачен ужасом. Тебе приказано идти вперед, и, естественно, в животе у тебя бурчит от страха. Но ничего не поделаешь - надо идти, таков приказ, а приказы надлежит выполнять...»

Три мощные группировки германских армий были сосредоточены на русской границе от Мемеля на Балтике до Румынии на Черном море. Тот рассвет самого длинного в году дня запечатлен на десятках кадров военной кинохроники «Дойче вохеншау». И эти впечатляющие кадры показали во всех кинотеатрах Германии уже неделю спустя после начала войны. На экранах озаренное вспышками орудий предрассветное небо. Следы трассирующих пуль над однопролетным железнодорожным мостом, вспышки разрывов, выхватывающие из темноты силуэты уверенно наступающих пехотинцев. На русской стороне как свечи пылают наблюдательные вышки русских. Величественно поднимающиеся к небу клубы дыма протянулись до самого горизонта, затмевая восходящее солнце. Очертания колонн пехотинцев, в полной выкладке уверенной поступью продвигающихся к целехоньким мостам через пограничную реку.

Все эти кадры «Дойче вохеншау» призваны были передать сокрушительную мощь вермахта, убедить аудиторию в его абсолютном превосходстве. Вот солдаты, сокрушающие полосатый пограничный столб. Камера бесстрастно фиксирует сцены разрушения. Повторяемые артиллерийские залпы, конвульсивно снующие взад и вперед орудийные стволы, трепещущие маскировочные сетки, клубы пыли, дым, огонь - все это подчеркивает подавляющее превосходство не знающей жалости техники. Обезумевшие от страха птицы на фоне дыма разрывов и пожарищ. Бесконечные колонны застывших в неподвижности танков излучают мощную и грозную ауру гибели.

На всей восьмисоткилометровой линии фронта вдоль Буга штурмовые группы внезапными и дерзкими атаками смели на своем пути боевое охранение ничего не подозревавших русских, не оставив им времени на то, чтобы уничтожить переправы. Сцены форсирования водных преград на плотках и лодках сменяют сцены наведения понтонных мостов инженерными частями.

На участке 18-й танковой дивизии генерал-майора Неринга вблизи Пратулина часть танков просто въехала в Буг, исчезнув на время под водой. Пехотинцы с любопытством наблюдали за этой невиданной картиной. Эти танки входили в состав 1-го батальона 18-го танкового полка. Эти машины предполагалось использовать в операции «Морской лев» - в ходе предполагаемого вторжения на Британские острова. В октябре 1940 года немцы отказались от первоначальных намерений, но специально оборудованные танки прекрасно вписались в рамки операции «Барбаросса» на этапе форсирования Буга.

Подводные танки были оснащены трехметровыми стальными трубами, через которые и осуществлялось снабжение воздухом экипажа в момент нахождения под водой. Выхлопные газы выбрасывались через особые клапаны, а башни защищали от воды специальные резиновые прокладки кольцеобразной формы. Всеобщее изумление вызвали 80 машин, внезапно вынырнувших уже на другой стороне Буга и немедленно захвативших плацдарм. Бронеавтомобили русских, попытавшиеся открыть огонь по наступавшей немецкой пехоте, были тут же уничтожены.

«Восток охвачен огнем», - заявил лейтенант Хаапе, наблюдая за ходом прорыва передовых частей. В основном тон задавала пехота. Ей удалось в полной мере использовать фактор внезапности. Ефрейтор Йоахим Кредель, пулеметчик 67-го пехотного полка 23-й дивизии,

сначала не поверил своим ушам когда его непосредственный начальник зачитывал своему подразделению приказ Гитлера. Промелькнуло новое словосочетание - «Восточный Фронт».

«Неужели он и правда сказал «Восточный Фронт»?» Фельдфебель Рихард фон Вайцзеккер (будущий президент Федеративной Республики Германия), который также находился поблизости в составе 9_го полка, отказывался верить, что вот-вот разразится война с Советским Союзом. Командир взвода лейтенант фон Буше из того же самого 9-го полка думал: «Странно, но ведь почти 129 лет тому назад император Наполеон при поддержке прусского корпуса под командованием генерала Людвга Йорка тоже начинал русскую кампанию. Всем известно, чем она завершилась. А какова будет наша участь ?»

Солдаты пытались побороть беспокойство, отдаваясь рутинным делам. Проверить, как заряжена винтовка или автомат. Все ли пуговицы застегнуты? Затянут ли ремень каски? Чуть ослабить его или, напротив, подтянуть? Посмотреть, как там кольцо гранаты - не дай бог заест в нужный момент? Хорошо ли мне виден мой напарник-сосед? Ну, вот, вроде бы все в порядке, теперь можно дожидаться сигнала к началу атаки. Эрнст Гласнер записал в свой дневник, сидя на берегу Буга: «Невольно начинаешь считать секунды. И тут застывший в неподвижности вновь созданный Восточный фронт вздрагивает от грохота. Свист, вой, гул. Заработали артиллеристы».

Фельдфебель Готфрид Бекер, по прозвищу «готлиб» (игра слов немецкого языка - имя Gottlieb дословно переводится как «божий любимчик»), не отрывал взора от своей цели железнодорожного моста и монотонно бубнил, отсчитывая про себя секунды. Бросившись по команде вперед, бойцы услышали эхо канонады, затем прогремели первые разрывы. Бекера и его взвод поразило то, что, пробираясь к мосту, они ни разу не попали под огонь неприятеля. Только справа раздалось несколько одиночных выстрелов по моторизованной колонне немцев, но и они скоро смолкли. Первая атака прошла вопреки всем ожиданиям как по маслу, и взвод Бекера добрался до моста без единой потери. Неподалеку ефрейтор Кредель из 67-го полка с автоматом через плечо со всех ног устремился вперед. Это был его первый бой. Так действовать подсказал ему один умудренный опытом боец. «Пойми, в первые секунды противник еще не успел опомниться. Вот этим и следует воспользоваться и дать ему прикурить». В паре сантиметров от каски непривычно свистели пули. Прямо перед ним рухнула наблюдательная вышка русских, в которую угодила снаряд из противотанкового орудия. «В воздух взметнулись щепки, и тела русских, словно куклы, шлепнулись на землю». И тут же по своим ударила германская артиллерия. «В ужасе завопили раненые - что же вы там? Слепли, что ли? По своим палите!» Но тут огонь, словно по команде, переместился на несколько десятков метров дальше.

В эти первые минуты кампания ознаменовалась и первыми убитыми. Лейтенант Губерт Бекер, воевавший в составе группы армий «Север», вспоминает: «Это был знойный летний день. Мы шли по полю, ничего не подозревая. Вдруг на нас обрушился артиллерийский огонь. Вот так и произошло мое боевое крещение - странное чувство. Тебе сказано идти туда-то, и в следующую секунду ты слышишь звук, который уже с ни с чем не перепутаешь. Тебе кажется - еще секунда и тебя продырявят насквозь, но тебе каким-то образом везет. Рядом со мной находился мой командир, офицер, поэтому и нужно было показать себя героем в его слезах. Можно, конечно, и упасть на землю, это проще всего. И тут ты замечаешь лежащего впереди немецкого солдата - рука неуклюже задрана, и на пальце поблескивает обручальное кольцо, голова - кровавое месиво, а рот забит жужжащими мухами. Вот так я увидел первого убитого на этой войне».

Ефрейтор Йоахим Кредель бросился вперед, в смутном предчувствии опасности - нет, не может на войне все быть так легко. До сих пор они обходились почти без потерь. Его командир взвода лейтенант Маурер удовлетворенно наблюдал, как Кредель щедро поливал из

MG 34 щель советского дота. Прошла секунда, другая. Ответной стрельбы нет. «Вперед!» - крикнул взводный, и солдаты перебежками миновали умолкший дот. Момент был весьма напряженный – все-таки на пару секунд они выставили себя под огонь врага. Миновав укрепление, Маурер и его бойцы наконец смогли хоть чуточку распрявиться, продвигаясь вперед. И вдруг залп огня из тыла уже занятой позиции скосил Маурера на месте и, кроме Неро, еще одного унтер-офицера и нескольких солдат. Разгадав замысел немцев, русские перенесли пулемет на другую сторону дота. Эти первые потери ужаснули бойцов. Унтер-офицер Фосс принял командование взводом и под прикрытием бывшего прямой наводкой противотанкового орудия сумел вместе с бойцами взобраться на крышу дота и,

таким образом, оказаться в недосягаемости для неприятельского огня. Но и немцы ничего не могли сделать с засевшими в доте русскими. Всю ночь Фосс с бойцами так и просидели на крыше. Томительное ожидание лишь изредка прерывалось pistolетными выстрелами. От перенапряжения никто не мог глаз сомкнуть. Уже потом, когда рассвело, Кределя и остальных бойцов Фосса эвакуировали из опасного места и приказали возвращаться в свои подразделения. Позже вызванная саперная команда взорвала советское укрепление, и, таким образом, опасность была ликвидирована.

Эффект внезапности сработал. Кампания продолжалась Всего несколько часов, а ее участники тем временем уже обрели солидный боевой опыт. Военный инженер Юзеф Зимелка вспоминает:

«Там за Бугом стоял одинокий домик. Как мне помнится, это был таможенный пост. Перед войной мы даже подплывали к нему, а вечерами я пел о солдате, стоящем на берегу Волги. Вскоре и русские тоже запели, совсем как в мирное время... После атаки я увидел, как этот домик горел. Через четыре часа я зашел туда. У входа я увидел солдат, около двенадцати человек, все они были мертвы. Трупы их так и лежали среди обгоревших, рухнувших балок. Это были первые убитые на войне, которых мне довелось видеть».

В 4 часа 55 минут 12-й армейский корпус докладывал в штаб 4-й армии: «До сих пор складывается впечатление, что неприятель застигнут врасплох». Командование корпуса ссылалось на данные радиоперехвата, в которых неоднократно повторялись такие слова: «Что делать?», «Что нам делать?», «Как действовать?»

Передислокация советских войск в западные округа начала проводиться задолго до немецкого вторжения, и немцы по-разному оценивали этот факт. Убежденные национал-социалисты, такие, как, например, лейтенант Ганс-Ульрих Рудель, летавший на пикирующем бомбардировщике и принимавший участие в первом авианалете, на этот счет не сомневался. Он откровенно заявлял: «Хорошо, что мы первыми ударили». Позже, основываясь на своих наблюдениях с воздуха, он напишет: «Все говорило о том, что русские готовились к вторжению на нашу территорию. На кого еще им было нападать на западе? Если бы они закончили свои приготовления, вряд ли удалось бы их где-нибудь остановить».

Лейтенант Эрих Менде, воевавший в составе 8-й Силезской пехотной дивизии на центральном участке, считал, что «Красная Армия была развернута для нападения, а не для обороны. И мы, как считают, предотвратили это нападение». Впоследствии он начал думать, что «полностью встать на эту точку зрения - было бы ошибкой. Но, с другой стороны, есть все основания предполагать, что русские вполне могли отважиться на подобную операцию несколько месяцев или даже год спустя». Берндт Фрайтаг фон Лорингхофен, служивший в штабе 2-й танковой группы Гудериана, сделал после войны такое заявление:

«Ныне уже нет нужды придерживаться первоначальных взглядов о том, что русские планировали нанесение внезапного удара. Уже очень скоро стало ясно, что они готовились к обороне, но не успели завершить эту подготовку к моменту, когда началось немецкое вторжение. Пехотные дивизии были в основном сосредоточены у границ, а танки находились

далеко в тылу. Если бы они собирались нападать, танковые части следовало бы разместить ближе к границам».

Но каковы бы ни были намерения русских, они в период до 22 июня занимались глобальной передислокацией войск. Следует помнить, что на войне зачастую принятие решений командирами зависит больше от внешних признаков, нежели от фактов. Рядовой пехоты Эммануэль Зельдер не сомневался: «Накануне нашего наступления ни у кого и мысли такой не было, что русские собираются наносить какие-то там удары». Напротив, уже первые часы войны свидетельствовали о том, что советские войска оказались совершенно не готовы к такому развитию событий. Отметая прочь гипотезу о «нанесении превентивного удара», Зельдер считает, что «русские на отдельных участках вообще не имели сил артиллерийской поддержки». «Как и мы, - заявил он во время беседы, - русские размещались в лесных палатках». «Но в отличие от наших лагерей их лагеря не были даже замаскированы. Повсюду висели портреты Ленина и Сталина, ярко освещаемые по вечерам электрическими лампочками, и красные флаги. Все это находится в абсолютном противоречии с широко распространенным мнением, будто русские готовились к внезапному нападению».

Этот же взгляд находит подтверждение и в данных радиоперехватов. 12-й корпус, действовавший на центральном участке под Брестом, сообщил в 6 часов 15 минут в штаб командования 2-й танковой группы Гудериана, что «согласно данным радио-перехвата и по утверждениям захваченных в плен офицеров враг захвачен врасплох. От всех корпусов требуют перехода к обороне».

Выстроившиеся в линию, неподвижно застывшие танки, получив донесения от атакующей пехоты, стали запускать двигатели, окутав все вокруг сизоватым дымом. Взметая пыль, танки тронулись места, тяжело переваливаясь с боку на бок, направились к только что сооруженным понтонам и захваченным у русских в целостности и сохранности мостам. Лейтенант Ф. В. Кристианс, действовавший в составе танковой дивизии, входившей в группу армий «Юг», вспоминает, как поражались молодые солдаты размаху артподготовки и действиям авиации. Очевиден был и еще один аспект - трупы и немцев, и русских устилали обочины дорог. «Начало этой кампании не обошлось и без трагедий, - продолжает Кристианс. - Эти первые убитые дали молодым солдатам представление о том, что их ожидает».

На рассвете... Берлин

Рассвет 22 июня 1941 года. Штаб 2-й танковой группы генерала Гудериана за несколько минут до начала вторжения

Советский посол в Берлине Владимир Деканозов безуспешно добивался встречи с министром иностранных дел рейха Иоахимом фон Риббентропом. Валентин Бережков,

его первый секретарь и переводчик, вспоминает: «Выяснилось, что министра иностранных дел рейха нет в Берлине. Нам сообщили, что он выехал в Ставку фюрера». Сложившаяся ситуация весьма нервировала Деканозова - он не имел возможности заявить очередной протест по поводу нарушения германскими самолетами воздушного пространства СССР.

Через некоторое время переводчик рейхсминистерства иностранных дел Эрих Зоммер получил задание созвониться с Бережковым. Риббентроп хотел бы немедленной встречи с советским послом. Зоммер и его непосредственный начальник Штрак выехали в посольство СССР, чтобы сопровождать советских дипломатов к рейхсминистру. Перед отъездом Штрак объяснил Зоммеру, что Советскому Союзу будет объявлена война, «но все уже и так началось». Когда автомобиль двинулся по Вильгельмштрассе в обратный путь, над Берлином уже занималась заря. Должностные лица размышляли о предстоящей встрече. Деканозов был рад, что наконец сможет выразить протест, хоть и со значительной задержкой. Зоммеру запомнилась ироническая реплика советского посла, когда они проезжали по знакомым берлинским улицам. «День обещает быть погожим», - произнес тогда Деканозов.

Имперский министр пропаганды Йозеф Геббельс с нетерпением ждал предстоящего объявления по радио и пресс_конференции. «Все было мобилизовано, и радио, и пресса, и кинохроника, - записал он в то утро в своем дневнике. - Все работало как часы». Телефоны звонили уже с 3 часов ночи, призывая представителей прессы на пресс-конференцию. Многие спрашивали себя: ну, чем нас на этот раз порадуют? Может, англичане решили капитулировать? Или победоносный вермахт избрал себе новую жертву? Автомобили проносились мимо утопавшего в утренней росе Тиргартена, торопясь туда, где должна состояться встреча с прессой. Уже сейчас чувствовалось, что день будет душливо_жаркий.

Встреча Деканозова и Бережкова с рейхсминистром иностранных дел Риббентропом была назначена на 4 часа утра. Эрих Зоммер, переводчик, также присутствовал при этой встрече. Риббентроп сидел за столом, чуть подавшись вперед. Деканозов попытался зачитать свою ноту протеста, но Риббентроп явно не был расположен слушать. Вместо этого он жестом велел Шмидту зачитать заявление, в котором, по словам Зоммера, «Советский Союз обвинялся в актах, препятствующих германо-советскому сотрудничеству».

Как только Бережков и Зоммер хотели приступить к переводу, Деканозов остановил их, и Шмидт читал еще около получаса, перечисляя по пунктам все нарушения государственных границ и воздушного пространства, якобы допущенные советской стороной. Далее в заявлении германского правительства говорилось: «Тем самым Советское правительство разорвало свои договоры с Германией и собирается напасть на нее с тыла. В связи с этим фюрер приказал германским вооруженным силам противодействовать этой угрозе всеми имеющимися в их распоряжении средствами».

Зоммеру бросилось в глаза, что в зачитанном меморандуме, как ни странно, не содержалось фразы об объявлении войны. По его словам, Гитлер специально настоял на том, чтобы из текста исключили это словосочетание. Бережков не поверил собственным ушам. Чтобы Советский Союз угрожал Германии! То, что он услышал дальше, потрясло его еще больше. Оказывается, советское нападение только отложено на определенный срок, и Гитлер вынужден искать способы отразить готовящуюся агрессию со стороны Советского Союза, чтобы защитить немецкий народ. Поэтому два часа назад германские регулярные части и перешли границу СССР.

Поднявшись из-за стола, Риббентроп протянул Деканозову руку. «Посол, - вспоминает Бережков, - был взволнован до крайности, и не исключаю, что даже был слегка навеселе».

Разумеется, он проигнорировал жест рейхсминистра. «Он заявил, что германское вторжение является актом агрессии, и г-н германский рейх вскоре о ней пожалеет». По словам Зоммера, «советский посол покраснел как рак и сжал кулаки». И несколько раз повторил: «Очень, очень жаль».

Когда Бережков направился вслед за Деканозовым из кабинета, Риббентроп неожиданно подошел к нему и прошептал ему на ухо, что «лично он противник этой войны и неоднократно пытался убедить Гитлера не начинать войну, поскольку считает ее катастрофой для Германии». На Бережкова это впечатления не произвело. После войны он с осуждением вспоминал: «Фактически тот документ, с дип ломатической точки зрения, не содержал объявления войны»; «Сталин, - по его словам, - до последнего момента пытался предотвратить войну». По его мнению, немцы нарушили дипломатические нормы ради достижения эффекта внезапности. В послевоенном интервью бывший секретарь советского посольства в Берлине утверждал: «Мы не эвакуировали из Германии находившихся там советских граждан. Женщины и дети остались в Берлине. Семьи немецких дипломатов покинули Москву еще до 21 июня, за исключением работников посольства. В Москве на момент начала войны находилось около 100 дипломатов, в Германии же - свыше тысячи русских. Ведь совершенно ясно, что, если замышляется нападение, в первую очередь эвакуируют своих граждан. Мы этого не делали».

Вскоре после этой драматической встречи в рейхсминистерстве, в 5 часов 30 минут утра Риббентроп сделал заявление для прессы, что война с Советским Союзом идет уже два часа. Чуть меньше двух лет назад он вернулся из Москвы триумфатором, заключив германо-советский пакт о дружбе.

Тем временем по радио на весь рейх звучали фанфары из «Прелюдии» Листа. «Верховное главнокомандование Вермахта сообщило германскому народу о вторжении в Россию», - записал Геббельс в своем дневнике. «Отзвучала только что сочиненная мелодия для фанфар. Она вышла могучей, впечатляющей, величественной. Я зачитал по всем радиостанциям заявление фюрера к немецкому народу. Торжественный момент для меня».

После этого можно было спокойно возвращаться в свой Шваненвердер под Берлином. «С плеч спал непомерный груз последних дней и недель, - продолжает Геббельс, - пробил славный час, час рождения новой империи. Наша нация устремилась к свету». У Геббельса имелись все причины быть довольным собой. Близилась череда новых дипломатических и военных побед. Немецкому правительству удалось добиться эффекта внезапности. Когда он прибыл в Шваненвердер, «солнце уже стояло в зените», и имперский министр решил позволить себе «пару часов глубокого, живительного сна».

А к тому времени, когда Геббельс пробудился, унтер-офицер Гельмут Пабст уже мог считать себя ветераном сражений. Пабст записал в дневник 22 июня: «Наступление продолжается. Мы непрерывно продвигаемся вперед по территории противника, приходится постоянно менять позиции. Ужасно хочется пить. Нет времени проглотить кусок. К 10 утра мы были уже опытными, обстрелянными бойцами, успевшими немало повидать: брошенные неприятелем позиции, подбитые и сгоревшие танки и машины, первые пленные, первые убитые русские».

Йозеф Дек из 71-го артиллерийского полка, наступавшего в районе Бреста, очень хорошо помнит сдержанные слова одного фельдфебеля, когда они вместе направлялись на огневые позиции. Этот фельдфебель не разделял оптимизма имперского министра пропаганды. Он считал так: «Мы начали войну на Востоке, не разделившись с той, что шла на Западе. А ведь однажды война на два фронта уже имела печальные последствия для Германии».

Г ЛАВА 5

САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ В ГОДУ

«После первоначального «столбняка», вызванного внезапностью нападения, противник перешел к активным действиям».

Гальдер. Военный дневник. 22 июня 1941 года

Первое кольцо окружения - Брест!

Еще вечером Георгий Карбук слушал приятные мелодии, наигрываемые оркестром в парке города Бреста. На рассвете его растолкал отец. «Вставай, крикнул он. - Война!» Карбук тут же услышал звуки боя. «Это явно не походило на перестрелку, - вспоминает он, - гремела самая настоящая орудийная канонада. Обстреливали крепость». По улице бежали солдаты. «Что происходит?» _ спросил Карбук. «А ты что, не видишь? Война!» - бросили ему в ответ.

В Кобрине генерал-майор Коробков, командующий 4-й советской армией, поспешно набросал донесение для передачи в штаб Западного особого Военного округа в Минске.

Отправленная в 6 часов 40 минут утра сводка сообщала: «Докладываю: в 4 часа 15 минут 22 июня 1941 года враг начал обстрел Брестской крепости и городских районов Бреста. Одновременно вражеская авиация подвергла бомбардировке аэродромы в Бресте, Кобрине и Пружанах.

К 6.00 утра усилился артобстрел Бреста и прилегающих районов. Город охвачен пожарами...»

«Мы, молодежь, никак не могли поверить, что действительно началась война, - признавался Георгий Карбук, - она всегда казалась нам такой далекой». Но жестокая реальность заставила отбросить в сторону все остальное.

«Всех нас не покидало предчувствие скорой войны. Разумеется, мы знали, что за Бугом сосредоточили силы немцы, но вопреки всему отказывались в это верить. Только когда увидели первых раненых и убитых на залитом кровью городском тротуаре, вот тут уж пришлось поверить - война!»

К. Лешнева (так в тексте. _ Прим. перев.) работала медсестрой в госпитале, располагавшемся в одной из 36 построек Южного острова. «Первые же снаряды, - рассказывает она, - подожгли здание госпиталя». Это было самое настоящее преступление. «Мы думали, что фашисты хоть госпиталь пощадят, - возмущалась женщина, - на крыше был нарисован огромный красный крест. И тут же стали поступать первые раненые, были и убитые». Деревянные постройки полыхали, как факелы.

Пехотинец унтер-офицер Гельмут Колаковски в благоговейном трепете вспоминает о первом артобстреле: «кто-то сказал нам, что в 3.15 утра начнется мощная артподготовка, такая, которая позволит нам беспрепятственно форсировать Буг. После такого огня ни о каком отпоре со стороны противника и говорить не приходилось!»

Герд Хабеданк из безопасного места, с наблюдательного пункта батальона, следил за ходом артиллерийской подготовки. «Мы и оглянуться не успели, как земля задрожала, и всех нас обдало горячей волной... Я выглянул из блиндажа. Небо над нами окрасилось заревом. В воздухе свистели снаряды, гремели разрывы. Молодые бойцы инстинктивно пригибали головы, как под ураганным ветром... Еще не развиднелось, но были хорошо различимы огромные клубы дыма заволакивавшие горизонт».

Операторы «Дойче вохеншау» находились на передовой, чтобы запечатлеть картину всеобщего разрушения. На экране мелькали грибовидные облака, вспышки разрывов у стен брестской цитадели, на первом плане немецкие корректировщики огня, менявшие позиции для получения более точных данных. Цели заволакивало дымом, пылью.

Взрывы крупнокалиберных снарядов, вздымающие в воздух фонтаны земли.

Капеллан Рудольф Гшёпф из 45-й дивизии вспоминал: «Как только часы показали 3.15 утра, над нашими головами разразился настоящий ураган, невиданный ни до, ни после».

Герман Вильд находился в лодке, опасно накренившейся под весом 37-мм противотанкового орудия. Их подразделение действовало в боевых порядках 130-го пехотного полка, переправлявшегося через Буг южнее Бреста. Внезапно он увидел, «как воздух обратился в металл». Укрывшись в щели, он какое-то время просидел там, Вильд вспоминает,

как его «кидало из стороны в сторону от сотрясавших все вокруг взрывов, как над головой завывали тучи осколков».

Большая часть роты Вильда добралась до другого берега Буга под прикрытием кратковременной огневой подготовки. Все же план сработал. Гшёпф описывает, как именно:

«Эта гигантская по мощности и охвату территории артподготовка походила на землетрясение. Повсюду были видны огромные грибы дыма, мгновенно выраставшие из земли. Поскольку ни о каком ответном огне речи не было, нам показалось, что мы вообще стерли эту цитадель с лица земли».

Батальон Герда Хабеданка приступил к форсированию Буга. В его репортаже описывается как раз этот момент: «В воду соскальзывали лодки, одна за другой. Слышались отрывистые команды, раздавался гул лодочных моторов. В воде отражались красноватые вспышки разрывов наших снарядов. А с той стороны - ни единого выстрела! Выскочив на берег, мы устремились дальше».

Ефрейтор Ганс Тойшлер из 135-го пехотного полка форсировал Буг во втором эшелоне наступавших севернее Бреста. «В 3 часа 19 минут поверхность воды сплошь покрывалась плотами и десантными лодками. Артиллерия обстреливала территорию впереди. Каждые четыре минуты мы поднимались, пробегали сотню метров, после чего снова залегали.

Все осуществлялось согласно заранее рассчитанному графику, мы уже знали, когда прибыть на берег Буга и когда приступить к форсированию реки. В воздухе визжали крупные и мелкие осколки. Грохот стоял страшный, казалось, земля ходила ходуном». Даже выдавшие виды бойцы, и те робели. «Поначалу мы все просто оцепенели», - признавался один унтер-офицер.

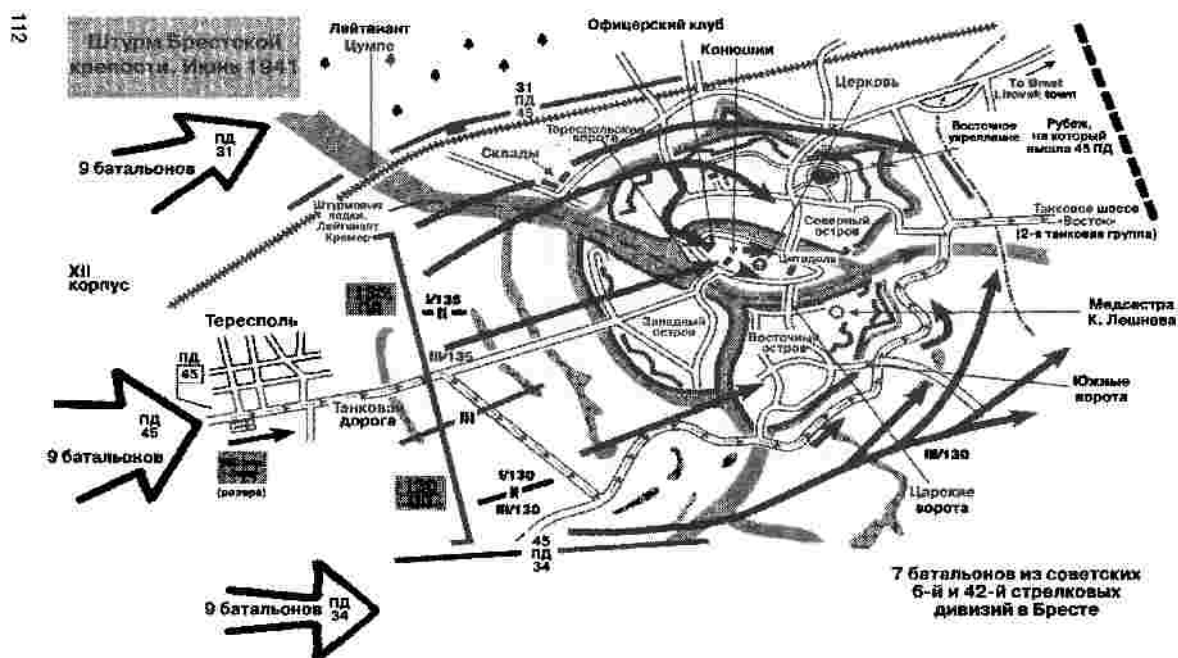
Наступление на Брестскую крепость с двух направлений шло полным ходом. На северном направлении 1-й и 3-й батальоны 135-го пехотного полка проникли в глубь Северного и Западного островов, а 1-й и 3-й батальоны 130-го пехотного полка атаковали Южный остров, предпринимая попытку обойти город Брест с юга вдоль русла Мухавца.

Главной задачей оставалось овладеть мостами, необходимыми для перехода через реку танковых сил. 3-я рота лейтенанта Цимпе, бегом миновав четырехпутный железнодорожный мост, направилась на север, оставляя в стороне здание таможенного поста, мимо которого еще какой-нибудь час назад проследовал состав из России. Бросившись в траншею, немцы открыли огонь. Бойцы продвигались вперед до тех пор, пока гулками взрывами не возвестили о себе саперы. В результате визуального обзора выяснилось, что один из важных узловых элементов моста заминирован, но саперы обезвредили заряд и сбросили его в реку.

Обернувшись, Цимпе зеленой ракетой просигналил своим товарищам, ожидавшим сзади, - «Путь свободен!». Тут же пришла в движение бронетехника. Четверть часа спустя после начала артподготовки в штаб 12-го корпуса полетело донесение: «Железнодорожный мост захвачен в исправном состоянии!»

Штурмовая группа лейтенанта Кремера, действовавшая на амфибиях и состоявшая из наиболее подготовленных пехотинцев и саперов из 130-го пехотного полка и 81-го саперного батальона, едва успела спустить на воду лодки, как на противоположный берег с неба обрушился шквал снарядов немецких орудий. Поверхность реки и берег усеяли разрывы,

выплывавая фонтаны грязи и дыма в светлеющее небо. Пороховая гарь мутной пеленой затянула реку. Четыре из девяти лодок превратились в щепы, болтавшиеся в прибрежной воде. Пришлось вылавливать из воды в прибрежных камышах трупы погибших. Раненые зывали о помощи. Этот шальной обстрел стоил жизни Мюллеру, близкому товарищу Германа Вильда. «Всего несколько часов назад мы с ним разговаривали. Он тогда сказал, что его мучит предчувствие скорой гибели». Ошибка германских артиллеристов, открывших огонь из шестиствольных минометов по своим, стоила дорого наступающим пехотинцам: 20 человек убитыми и тяжелоранеными. Кремеру пришлось на ходу переформировывать группу. Конечно, этот внезапный артобстрел перечеркнул первоначальный план, но сорвать решение поставленной задачи не мог. Пять уцелевших десантных лодок, гудя моторами, направились через Мухавец к первой из целей - мосту. Слева возвышались внушительные стены крепости, уже испещренные следами прямых попаданий снарядов только что завершившейся артподготовки. Вблизи Северного моста, соединявшего Западный остров с цитаделью, на волнах качались еще две лодки, все в пробоинах. Уцелевшие бойцы по берегу пробирались к Центральному острову, где им предстояло застрять на два следующих дня. Эти первые несколько сот метров обошлись лейтенанту Кремеру в треть личного состава. С оставшимися тремя лодками он бросился к первым двум мостам. И к 3 часам 55 минутам они были взяты. Помогли бойцы «штурмовой группы Лора», также из 130-го пехотного полка. Группа лейтенанта Лора вела огонь с берега реки, Кремер с оставшимися у него тремя основательно потрепанными лодками продолжал выполнение поставленной задачи. Третий мост «Вулка» был взят в 5.10. У Кремера свалилась гора с плеч. Он приказал водрузить флаг со свастики над мостом, своей последней целью, -

миссия, за которую пришлось заплатить столь высокую цену, была успешно завершена. Лор не рекомендовал ему показываться - это означало подвергнуть себя риску, подставившись врагу, но Кремер и слушать его не хотел. И едва флаг затрепетал на утреннем ветерке, как Кремер упал - пуля русского снайпера попала ему в голову.

Наступление севернее цитадели развивалось более успешно. 3-й батальон, преодолев густой

кустарник и заграждения из колючей проволоки на высоком берегу Западного острова, перебрался через поросшую деревьями лужайку, где догорали подожженные во время артподготовки здания. 37-мм противотанковое орудие атакующим бойцам пришлось тащить вручную. Показался крупный ориентир - Тереспольская башня, вся в пробоинах, потом двухъярусные стены, опоясывавшие цитадель. В начале пятого утра германские войска уже были внутри бастиона, укрывшись в «мертвой зоне» низкого Северного моста. За стенами немцы разделились, огибая здание гарнизонной церкви с обеих сторон. Через некоторое время атакующие уже приближались к центральной башне цитадели.

Тем временем южнее передовые части дивизии быстро овладели подступами к Южному острову через южные ворота. Немцы установили пулеметы на высоком земляном

валу, господствовавшем над островом; с него простреливались Царские ворота - южный вход в крепость. Артиллерийский расчет Германа Вильда изодрал в кровь руки, втаскивая 37-мм противотанковые орудия на мощные резиновые плоты. «Мы едва не увязли в трясине у самой реки, - рассказывал он. - А на той стороне стало совсем невмоготу!» Восточный берег Буга представлял собой самое настоящее болото. «Иногда пушки увязали по самые лафеты, - досадовал Вильд. Нам приходилось тянуть изо всех сил, чтобы не дать им увязнуть».

Группа бойцов втащила орудия на обрывистый берег реки и затем на Южный остров. Широкая дорога была усеяна листвой и ветками, сбитыми во время артподготовки.

Продолжая катить на руках орудия к северу, немцы видели вдоль обочины трупы русских солдат. Многие из них были в одних нательных рубахах, без гимнастерок. «Показались и первые русские пленные, - вспоминал Вильд. - Те вообще были в одном белье. И вид у них был ошарашенный!» А вскоре противотанковые орудия уже открыли огонь по легким танкам противника.

Действовавший юго-восточнее 3-й батальон, огибая город Брест, пробирался среди подбитых устаревших русских танков. Пытаясь контратаковать немцев, эти легкие плавающие танки либо увязли в трясине, либо были подбиты. Впоследствии все представленные штурмовыми подразделениями в штабы дивизий донесения о ходе боевых действий были расценены как несомненный успех операции.

Тимофей Домбровский, красноармеец-пулеметчик, описывал, как немцы обрушили на его подразделение лавину огня. «Самолеты поливали нас огнем сверху, артиллерия - минометы, тяжелые, легкие орудия - внизу, на земле, причем все сразу!» Нет нужды упоминать о том, каковы были последствия.

«Мы залегли на берегу Буга, откуда видели все, что творилось на противоположном берегу. Все сразу поняли, что происходит. Немцы напали - война!»

Насчитывающий 8000 человек личный состав гарнизона находился в крепости в то утро не полностью. Там оставалось всего 3500 бойцов и командиров. В ночь с субботы на воскресенье многие получили увольнительные.

Крепость представляла собой самостоятельную единицу с автономным обеспечением условий проживания. Рядом с казармами и складами располагались школа, детский сад и госпитали. Семьи офицеров проживали бок о бок с личным составом. А. А. Никитина-Аршинова, жена офицера Красной Армии, вспоминает: «Рано утром нас с детьми разбудил ужасный грохот. Рвались снаряды, бомбы, визжали осколки. Я, схватив детей, босиком выбежала на улицу. Мы едва успели прихватить с собой кое-что из одежды. На улице царил ужас. Над крепостью кружили самолеты и сбрасывали на нас бомбы. Вокруг в панике металась женщины и дети, пытаюсь спастись. Передо мной лежали жена одного лейтенанта и ее сын - обоих убило бомбой».

Для всех послевоенных рассказов русских, переживших первый день войны, характерно то, что никто и подозревать не мог о германском нападении. Николай Янщук, милиционер подразделения железнодорожной милиции станции Брест, утверждал: «В 4 часа немецкая артиллерия начала обстрел с позиций из-за Буга. Лейтенант Е. отдал распоряжение выдать всем оружие и оборонять станцию».

Бойцы из числа милиционеров выдвинулись к мосту через Буг и увидели, как немецкие части форсируют реку. «Их было не счесть, конца и края не видно. Вооруженные до зубов, с засученными рукавами, автоматами на шее они готовились вступить в бой». Домбровский, оборонявшийся на берегу Буга, утверждает: «Кое- кто из наших, увидев такое множество врагов, не выдержал и бросился бежать».

Василий Тимовелич, советский военный инженер, вспоминал, с какой легкостью немцы преодолели оборонительные позиции красноармейцев. «Наши фортификационные сооружения строились на совесть, - утверждал он, - их возводили по образцу линий Мажино и Зигфрида. Но строительство дотов завершить не успели, да и те, что были готовы, пустовали». Перенос границы на запад осенью 1939 года негативно отразился на обороноспособности примыкавших к границе районов. «Бронированными куполами оборудовали только 14 дотов, - сообщал Тимовелич, - и военные патрули следили, чтобы туда никто не забирался».

И тут же задает вполне обоснованный вопрос: «Да и кто бы туда полез? Ведь это приграничная зона!» Участок не был приведен в состояние боевой готовности. «Гарнизоны этих дотах не размещали, как правило, солдаты спали на свежем воздухе, в палатках». В первые минуты войны немцы и захватили их в этих же самых палатках. А многие из красноармейцев погибли еще во сне. Нападения никто не ожидал. «Пули пронизывали палатки насквозь. Были и прямые попадания снарядов, _ продолжает Тимовелич. _

Разрыв снаряда, и в воздух летят ошметки тел. Многие по-гибли, так и не поняв, что началась война». Николай Янщук говорит о том же:

«У нас не хватало винтовок. Внезапно прибыло подкрепление - тысяча человек, их сразу же бросили в бой. «Дадут нам винтовки?» _ спрашивали они. «Идите в бой, - отвечали им, - там и добудете себе оружие». Вот им ничего и не оставалось, как отправиться на позиции и укрыться в траншеях. «Там они сидели и ждали, пока кого-нибудь убьют, чтобы взять и винтовку погибшего», _ грустно констатировал Янщук.

Внезапное нападение застало гарнизон врасплох.

Григорий Макаров, водитель одной из советских пехотных дивизий, вспоминает:

«Я с первых же секунд понял, что такое война. Вокруг лежали убитые и раненые товарищи, 'убитые лошади... Немецкие пехотинцы двигались со стороны железной дороги и начали проникать на территорию крепости».

Георгий Карбук, находившийся в городе Бресте, рассказывал, что «уже через пару часов в городе появились первые немецкие танки и мотоциклисты, за ними следовала пехота» .

Командир немецкой 45_й пехотной дивизии отправил в штаб 12_го корпуса целый ворох бодрых донесений. В 4 часа 45 минут утра в одном из донесений говорилось: «До сих пор нет признаков сопротивления противника». К этому времени немцы успели захватить несколько мостов, в том числе важнейший железнодорожный мост, который вел к

южному входу в цитадель. И даже здесь «не было сколько-нибудь значительного отпора». В 4 часа 42 минуты «было взято 50 человек пленными, все в одном белье, их война застала в койках». Наступление немцев наращивало темп, в их руки попадали все новые и новые

мосты и сооружения крепости. Через три часа после начала войны в 12-й корпус докладывали, что «дивизия намеревается овладеть Северным островом». Спротивление противника мало-помалу усиливал ось, «враг предпринял ряд танковых атак на участке между мостом и цитаделью», однако немцы полностью владели ситуацией. В течение пяти часов передовые части танковых сил доложили о том, что успешно продвигаются вперед при эффективной поддержке пикирующих бомбардировщиков, которые подвергли бомбардировке «автостраду» - главную ось наступления. В 8 часов 35 минут в одном из донесений прозвучали более трезвые нотки: «За крепость продолжается ожесточенное сражение». К 8 часам 50 минутам в штабе командования 12-го корпуса убедились, что прорвавшаяся в Брест 45-я пехотная дивизия не поспевает за фланговыми частями. Было принято решение ввести в бой резервные части корпуса - 133-й пехотный полк - для разгрузки тяжелого положения на участке 45-й дивизии, в которой «погибли два командира батальонов и один командир роты, а командир одного из полков получил серьезное ранение». К 10 часам 50 минутам утра в донесениях уже не скрывают пессимизма. «Бой за овладение крепостью ожесточенный, многочисленные потери». Таким образом, попытка атаковать крепость с ходу провалилась.

Ефрейтор Ганс Тойшлер участвовал в форсировании Буга в составе частей второго эшелона - с 10-й ротой 135-го пехотного полка. Его подразделению удалось достичь Западного острова «без значительных трудностей», минуя окруженные позиции противника, а вскоре - и прорваться на внутренний остров, где располагалась цитадель. Рота Тойшлера захватила мост, ведущий к главным воротам, а оттуда вышла к центру крепости. Прямо перед собой бойцы увидели длинное здание с четырьмя большими воротами, которое обороняли советские пулеметчики и бойцы, сумевшие оправиться от потрясения первых минут. Бой здесь завязался нешуточный. Каждые ворота приходилось забрасывать гранатами, иначе их взять было невозможно. «Площадка перед зданием, - вспоминал Тойшлер, - была вся вдыму, изрыта воронками и завалена битым кирпичом, за горами которого мы кое-как укрылись». Контратаку легких танков противника удалось успешно отбить. 10-я рота вышла к следующим воротам, и там начали накапливаться штурмовые группы, готовясь к очередному броску. В ходе новой атаки немцы обогнули массивное здание гарнизонной церкви.

3-я рота 135-го пехотного полка успела проникнуть в глубь цитадели и находилась близко к цели.

Немцы предприняли попытку пробиться в крепость и с востока. Овладев Южным островом, части вермахта начали обходить Брест еще южнее. Они глубоко вклинились в расположение советских войск с двух направлений. Все признаки указывали на то, что первый удар оказался для противника смертельным. Во всяком случае, до 11 часов утра наступление развивалось успешно, хотя штаб 45-й пехотной дивизии высказывал неодобрение спустя 3-4 часа после времени «Ч».

«Вскоре, где-то между 5.30 и 7.30 утра, стало окончательно ясно, что русские отчаянно сражаются в тылу наших передовых частей. Их пехота при поддержке 35-40 танков и бронемашин, оказавшихся на территории крепости, образовала несколько очагов обороны. Вражеские снайперы вели прицельный огонь из-за деревьев, с крыш и подвалов, что вызвало большие потери среди офицеров и младших командиров». На территории крепости 3-я рота 135-го пехотного полка оказалась прижата к стене гарнизонной церкви и частично окружена русскими. Вызванное подкрепление, минуя Западный остров, продвигалось крайне медленно, немцам приходилось преодолевать с боем буквально каждый метр территории. Командиры один за другим погибали от пуль снайперов. Гауптман Пракса и его командир батареи гауптман Кратс погибли при попытке поднять бойцов в атаку. Майор Эльце из 1-й роты 135-го пехотного полка, пытаясь прорваться в цитадель с восточной стороны, погиб в

нескольких шагах от корректировщика лейтенанта Ценнека, находившегося в боевых порядках роты. Атака без командира захлебнулась, и тереспольский мост превратился в непреодолимое препятствие. Красноармейцы, оправившись от шока первых минут, заняли стены крепости, не давая немцам возможности пошевелиться.

Ближе к полудню началась настоящая жара. Соппротивление русских в районе церкви и офицерской столовой становилось все ожесточеннее. По мостам в тыл ковыляли раненые немецкие солдаты, некоторых уже успели наскоро перевязать под огнем. В полдень стало окончательно ясно, что наступление дивизии захлебнулось. Позже в одном из донесений говорилось:

«В утренние часы выяснилось, что поддержать наступающие части артиллерийским огнем невозможно, поскольку наши и русские подразделения перемешались. Наши позиции представляли собой разбросанные по территории крепости здания, заросли кустарника, деревья, камни и местами вплотную подходили к рубежам обороны противника, поэтому трудно было отличить, где свои, а где неприятель. Попытки расстрелять противника в упор из тяжелых пехотных и противотанковых орудий, а также из любых видов артиллерии, оказались безуспешными вследствие плохой видимости и связанного с этим риска перебить наших солдат и, главным образом, вследствие огромной толщины стен крепости».

Вызванная на подмогу батарея самоходных орудий так же ничем не помогла. 133-й пехотный полк из резерва корпуса после 13 часов 15 минут продвинулся к Южному и Западному островам, однако не смог исправить ситуацию: «Там, где русских удалось выбить или выкурить, вскоре появлялись новые силы. Они вылезали из подвалов, домов, из канализационных труб и других временных укрытий, вели прицельный огонь, и наши потери непрерывно росли».

Ефрейтор Ганс Тойшлер находился рядом с гарнизонной церковью на территории крепости и корректировал пулеметный огонь, расположившись на брошенной русскими позиции зенитного орудия. В бинокль он разобрал едва заметную вспышку винтовочного выстрела из каземата, расположенного в 300 метрах от него, когда второй номер крикнул «ложись!». Тойшлер попытался лечь, но тут пуля снайпера угодила ему прямо в грудь. Отброшенный в сторону страшным ударом, он попытался сжать рукоятку пулемета, доказать себе, что не убит, что жив. Последнее, что он помнил, были мысли о Боге и доме. Позже, когда к нему вернулось сознание, он увидел вокруг себя жуткую сцену:

«На краю позиции стояла полуразобранная тренога крепления тяжелого пулемета. Подле нее лежал сам пулеметчик со смертельной раной в легкое; он надсадно дышал, стонал и просил пить. Я с трудом дал ему напиться из фляжки. Находившийся справа от меня пулемет смотрел дулом в небо. Пулеметчик не отзывался. В двух шагах сразу несколько человек звали санитаров. «Помогите, помогите, ради бога!» Снайпер отлично справился со своей работой».

Тойшлер, чувствуя, что силы покидают его, попытался усесться на ящик из-под патронов, на который его отбросила пуля русского снайпера. «Мне казалось, что грудь залили свинцом, - признавался он, - нательная рубашка и гимнастерка пропитались кровью». Он кое-как достал перевязочный пакет и попытался остановить кровотечение - оказывается, пуля прошла навылет. С великим трудом наложив повязку, он почувствовал себя спасенным и тут же погрузился в странный призрачный мир галлюцинаций». Солнце пекло нещадно.

В 13 часов 50 минут генерал-лейтенант Шлипер, командующий 45-й пехотной дивизией, следивший за ходом боя с наблюдательного пункта 135-го пехотного полка, вынужден

был смириться с происходящим - эту крепость силами одной только пехоты не взять. Генерал-фельдмаршал фон Бок, командующий группой армий «Центр», побывавший на командном пункте 12-го корпуса за 40 минут до описанных событий, придерживался Того же мнения. В 14 часов 30 минут командование приняло решение отвести части 45-й дивизии, успевшие прорваться в цитадель. Отход намечалось осуществить с наступлением темноты. Затем предполагалось точно выяснить где находятся солдаты противника, и подавить их сопротивление огнем артиллерии. командующий 4-й армией дал свое согласие. В документах дивизии этот вынужденный шаг объяснялся так: «Он стремился избежать ненужных потерь; движение по железной дороге и подъездным автомобильным дорогам уже осуществлялось. И Врагу уже не удастся этому помешать. В целом русских ожидала осада и, следовательно, голодная смерть».

Для 45-й дивизии вермахта начало кампании оказалось безрадостным: 21 офицер и 290 унтер-офицеров, не считая солдат, погибли в первый же день войны. За первые сутки в России дивизия потеряла почти столько же солдат и офицеров, сколько за шесть недель французской кампании.

12-й корпус запросил дополнительные силы –самоходные орудия и огнеметы. Решающего прорыва одной только артиллерией добиться было невозможно. С наступлением сумерек в расположенных за Бугом штабах срочно принимал и решения, которые, впрочем, никак не разрядили обстановку. Из-за дыма и клубившейся в воздухе пыли с трудом различались очертания гарнизонной церкви. 70 немецких бойцов, блокировавших ее защитников, сами оказались отрезаны от основных сил. Связь по радио еще удавалось поддерживать, хотя и с перебоями.

Словом, поставленная задача оказалась не из легких.

«До Москвы _ Всего ничего, каких..нибудь 1000 километров»

«Слава богу! Снова началось!» _ черкнул на календаре один из операторов еженедельной кинохроники «Вохеншау». Напряжение последних дней и недель наконец спало. «Похоже, мы застали русских сегодня утром врасплох», - писал 28-летний Ульрих Модерзон в письме к матери. Часть Ульриха Модерзона действовала в составе группы армий «Юг».

«Русские так и не сумели организовать мало-мальски серьезное сопротивление. Наша артиллерия и пикирующие бомбардировщики - сущий ад для них. Все важные мосты захвачены в целостности и сохранности. И теперь наши войска несутся в глубь России. Сегодня днем я узнал, как дрожит земля и как меркнет свет дня... Все осуществляется согласно намеченному плану».

Впечатления первого дня войны, записанные солдатами, говорят о ликовании, вызванном скорыми и легкими победами. Роберт Рупп, до войны школьный учитель из Берлина, писал: «Нас разбудила начавшаяся в 3.15 артиллерийская канонада. Огонь вели 34 батареи». Он наблюдал реку Буг с опушки леса, что в 7 километрах от границы.

«Вскоре запылала деревня и ввысь взмыли сигнальные ракеты. По всей линии фронта бушевала жуткая гроза. Небо было исчерчено дымными трассами выстрелов зенитных пулеметов, медленно растворявшимся в воздухе. Вот на землю упал подбитый самолет. Небо, сначала розоватое, понемногу светлело, на нем появлялись багровые и зеленые полосы. Над горизонтом зависло гигантское облако дыма, которое ветер начинал относить вправо. Я попытался уснуть, но это был не сон, а скорее полузабытье».

Обер-лейтенант Зигфрид Кнаппе на участке группы армий «Центр» следил за пехотой, перешедшей в наступление сразу по завершении артподготовки: «С продвижением частей пехоты утренний полумрак заполнили выкрики команд, щелчки затворов оружия, короткие

автоматные очереди и разрывы ручных сранат. Пулеметная стрельба воспринималась как стук железных колес тележки, передвигаемой по брусчатке. Наша пехота, преодолев проволочные заграждения русских, поднялась в атаку на ничейной земле и устремилась к наблюдательным вышкам и долговременным огневым сооружениям русских». Завязались короткие, но весьма ожесточенные схватки с противником, который, несмотря на то что был застигнут врасплох, без боя сдаваться не собирался. «Наши бойцы взяли в плен тех, кто сдавался, и уничтожили тех, кто продолжал сопротивляться», - так комментировал Кнаппе этот бой. Число отступавших русских уменьшилось раз в десять у моста в Сасне после атаки пикирующих бомбардировщиков. Кнаппе, участник кампании во Франции, увидев ужасающую картину - трупы убитых русских, заявил: «Хоть шока подобные вещи у меня уже не вызывали, но и привыкнуть к ним я так и не смог». Наступление немцев неудержимо развивалось в восточном направлении. Соединение Кнаппе, 87-я пехотная дивизия, следовало за танковыми частями. «Мы овладели Сасней и Граевом в первый день, - вспоминал он, - а потом начался долгий-предолгий путь на Москву».

Успехи обозначились во всей линии 3000-километрового фронта. Курицио Малапарте, итальянский военкор, продвигавшийся вместе с частями группы армий «Юг», стоя на берегу Прута, наблюдал за наступлением механизированной дивизии под Галацем.

«Танковые двигатели выплевывали синеватые язычки выхлопных газов. Резкий их запах, пропитывая утренний туман, забивал аромат свежескошенной травы и спелого хлеба. Ползущие под аккомпанемент воя пикирующих бомбардировщиков танковые колонны тонкими карандашными линиями прочертили необозримую зелень молдавской равнины».

В течение двух часов итальянцу пришлось пережить, пока пройдет ревушая колонна техники. «В воздухе пахло конским и людским потом, бензином и выхлопными газами», - продолжал он описание того дня. На перекрестках солдаты фельджандармерии с бесстрастными лицами изо всех сил пытались навести порядок и избежать транспортных пробок. За танками на грузовиках следовала пехота. «Солдаты сидели в кузовах машин в странной, неестественной неподвижности, словно изваяния». Проносившиеся мимо автомобили оставляли за собой длиннющие хвосты пыли, оседавшей на маршировавших вдоль дорог пехотинцах. «Они были все белые от этой пыли, - вспоминает Ма_

лапарте, - будто мраморные». Лейтенант Альфред Дюрвангер, командир противотанковой роты 28-й пехотной дивизии, наступавшей из Восточной Пруссии через Сувалки, рассказывал: «Когда мы вступили в первый бой с русскими, они нас явно не ожидали, но и неподготовленными их никак нельзя было назвать». У его бойцов было дурное предчувствие, когда они переходили советскую границу. «Энтузиазма не было и в помине! _ утверждал Дюрвангер. - Скорее всеми овладело чувство грандиозности предстоящей кампании. И тут же возник вопрос: где, у какого населенного пункта эта кампания завершится?»

Этим же вопросом мучились не только солдаты Дюрвангера, но и миллионы других на всем протяжении необозримого Восточного фронта. Лейтенант из 74-й пехотной дивизии писал:

«Я уже сейчас могу сказать, что месяца через полтора, от силы два, флаг со свастикой будет реять над московским Кремлем. Более того, в этом соду мы покончим с Россией и уложим на лопатки «томми»... Да! Ни для кого не секрет, что месяц спустя наш непобедимый вермахт будет стоять у ворот Москвы. До Москвы от Сувалок - всего ничего, каких-нибудь 1000 километров. От нас всего лишь требуется еще один блицкриг. Только мы можем так наступать. Вперед, вперед и только вперед, за нашими танками пойдём мы, обрушивая на русских пули, осколки и снаряды. Большого от нас никто не требует».

Еще один пехотный офицер, обер-лейтенант, заявлял, что в отличие от своих товарищей, он не удивился, когда началась эта война, которую он «давно и не раз предрекал». Этот обер-лейтенант полагал, что с падением России падут и Аравия, Ирак, Сирия, Палестина и Египет,

причем за короткое время, и вот тогда Риббентропу останется лишь отправить к «ТОММИ» в Англию одного _единственного солдата на мирные переговоры. И каков бы ни был результат, с сарказмом заметил он, «может, нам и в Англии побывать придется, но в этом случае нам будет обеспечен крепкий тыл - 5-6 воздушных армий да 10 000 танков в придачу». Подобная уверенность подкреплялась мощной идеологической обработкой. «Ну, и что вы думаете об этом нашем новом противнике? - писал один фельдфебель-пехотинец. - Может, папа еще помнит, что я говорил ему насчет русских, когда в последний раз был в отпуске, о том, что с большевиками дружба будет недолгой». И мрачновато добавляет: «Тут у них сплошь одни жиды». Впрочем, не все солдаты и офицеры вермахта были столь «патриотически» настроены, среди них попадались и другие, как вспоминает артиллерист

противотанкового орудия Иоганн Данцер: «В самый первый день, едва только мы пошли в атаку, как один из наших застрелился из своего же оружия. Зажав винтовку между колен, он вставил ствол в рот и надавил на спуск. Так для него окончилась война и все связанные с ней ужасы».

Пережитое Данцером в самый первый день косвенно подтверждало мотивы самоубийцы из их подразделения. После того, как началась артподготовка, Данцер вместе с расчетом

противотанкового орудия «сначала вообще ничего не мог разобрать из-за порохового дыма. Но как только дым рассеялся, с русской стороны открылся шквальный огонь». Командир противотанкового орудия вместе с расчетом бросились в атаку, таща за собой 37-мм пушку и отчаянно пытаясь не отстать от атаковавших вместе с ними пехотинцев. К ним присоединилась четверка бойцов-пехотинцев, чтобы помочь артиллеристам справиться со своим грузом. «Наше тяжеленное орудие мгновенно превратилось в мишень для огня русских». Первый же залп неприятеля рассеял их группу. «Трое погибли на месте,- рассказывает Данцер, - остальные были ранены кто куда, только я не получил ни царапины».

После того, как сопротивление русских было подавлено немецкой пехотой, через образовавшуюся брешь в тыл неприятеля двинулись танки. Но и им пришлось не так просто. «На Восточном фронте мне повстречались люди, которых можно назвать особой расой, - заявил Ганс Бекер, танкист 12-й танковой дивизии. - Уже первая атака обернулась

сражением не на жизнь, а на смерть». 7-я танковая дивизия сумела особенно глубоко вклиниться в оборону неприятеля. Собственно, об обороне в полном смысле слова говорить не приходилось - пограничные укрепления оказались слабыми, в противовес тому, что

утверждала немецкая разведка, «а неприятельская артиллерия действовала крайне нерешительно». К 12 часам 45 минутам 22 июня в исправном состоянии был захвачен мост через Неман в районе Алитуса. Объект удалось захватить после внезапной и дерзкой атаки штурмовых групп. Предмостное укрепление сразу же подверглось яростной атаке русских тяжелых танков, действовавших при поддержке пехоты и артиллерии. В ходе этой первой в восточной кампании танковой дуэли были подожжены 82 русских танка. Карл Фукс,

командир танка 25-го танкового полка, писал домой: «Вчера, как и позавчера, мне удалось подбить в общей сложности два вражеских танка! Так что не за горами и первая боевая награда. На войне, на самом деле, не так уж и страшно, ясно одно: русские бегут, как зайцы, а мы их подгоняем. Все мы верим в скорую и окончательную победу!»

Алитус был охвачен огнем. На подступах к нему дымились несколько подбитых немецких танков. У некоторых танков снарядами снесло башни. Все они были подбиты в ходе внезапной контратаки русских танков. 7-я танковая дивизия практически сразу оказалась вытеснена из только что захваченного плацдарма надругом берегу Немана. Полковник Ротенберг, командир 25_го танкового полка, назвал этот бой «самым тяжелым в жизни сражением». В официальной летописи 7-го танкового полка нашлось место и для описания погоды в тот знаменательный день: «...погода как нельзя лучше благоприятствовала сражениям и в последующие дни. Было сухо, солнечно, все дороги и подъездные пути были

проезжими, даже заболоченные участки вдоль дорог, и те высохли, так что по ним вполне могла передвигаться и гусеничная, и колесная техника».

Ефрейтор Эрих Куби подводил в своем дневнике своего рода иронический итог: «Погода словно по заказу самого Гитлера», - писал он. Официальная летопись 20-й танковой дивизии, также входившей в состав 3-й танковой группы генерал-полковника Гота, также упоминает о жаре, сопровождавшей пехотинцев на марше, в ходе которого за день некоторые подразделения преодолели до 50 км. Оценка сил русских в приграничных районах оказалась явно завышенной. В день 22 июня было захвачено 300 человек пленными, включая 20 офицеров, а также 10 грузовиков. Песчаные дороги неимоверно повысили расход бензина,

Короткий «обеденный перерыв» по пути на Восток

вследствие чего возникли перебои с доставкой топлива. Колонны все сильнее растягивались в длину. «Колонна дивизии, извиваясь змеей, тянулась под палящим солнцем по проселочной дороге, - запишет дивизионный историк, - оставляя за собой огромные клубы пыли и сильно облегчая задачу русским бомбардировщикам, если те надумают атаковать». И действительно, в тот день на долю находящейся на марше дивизии выпало целых шесть авианалетов.

А где же была авиация РККА?

«ВВС красных нам не досаждали», - заметил лейтенант Михаэль Вехтлер. Его бойцы 133-го полка, находившегося в резерве, ожидали команды выступить на Брест. Полк загорал на лесных полянах - прекрасная цель для воздушной атаки - в ожидании дальнейших распоряжений. Лейтенант Гейнц Кноке, пилот истребителя Me_109 52-й истребительной авиаэскадры, с утра участвовал в атаке наземных целей - штабов русских.

«Эффект внезапности был полнейшим. Одно из казарменных зданий занялось ярким пламенем. Взрывы сдирали брезент с грузовиков, переворачивали их. Внизу все походило на растревоженный муравейник, русские метались кто куда. Сыны Сталина в одних подштанниках бежали под деревья в поисках укрытия» .

Авиация сделала 5-6 заходов на лагерь и штаб русских.

Легкие зенитные орудия открыли было огонь, но его быстро подавили. «Один из «иванов» упал на землю с винтовкой в руках, он был в одном белье», - рассказывал Кноке.

Его эскадрилья вернулась на аэродром в Сувалках в 5 часов 56 минут, чтобы спустя 40 минут

отправиться в новый боевой вылет. А вылеты следовали один за другим - самолеты едва успевали заправиться и пополнить боекомплект, как пилоты снова садились в кабины. К концу дня Кноке довелось наблюдать такую картину: «Тысячи «иванов», беспорядочно отступающих. Стоит снизиться и пройтись над ними на бреющем, как они разбегаются и пытаются укрыться в придорожных канавах и кустах. После каждой нашей атаки несколько грузовиков остаются гореть посреди дороги. Однажды я сбросил бомбы на колонну артиллерии, передвигавшейся на конной тяге. Благодарю судьбу, что я не оказался на их месте».

К 20 часам эскадрилья Кноке совершила свой шестой по счету боевой вылет за первый день войны 22 июня. Люфтваффе, самый современный род войск германского Вермахта, располагало пилотами с прекрасной боевой выучкой.

Как правило, это были молодые люди, соединявшие в себе главные нацистские добродетели: расовую чистоту, помноженную на безукоризненное владение техникой. И в бою они вели себя безжалостно и порой жестоко. Кноке сам признается: «Мы давно мечтали поддать этим большевикам как следует. И нами руководила не ненависть, нет, скорее брезгливое презрение. Приятно все-таки столкнуть в сточную канаву эту большевистскую мразь, где ей самое место».

Один из офицеров люфтваффе, служивший во французском Лионе, писал домой на следующий день после вторжения в Советскую Россию. Его в целом не лишенные прагматизма идеи здорово отдают самым настоящим расизмом. «Вчера мы стояли у карты и размышляли обо всех непредвиденных обстоятельствах, которые еще ждут нас». Оценив эти проблемы, они пришли к выводу, выраженному в довольно ироничной, если не издевательской форме: «Лучше уж нас совсем не подчиняли бы Генштабу». Пресловутое нацистское мировоззрение пропитало германское унтер- офицерство. «Все еврейство восстало против нас. Марксисты плечом к плечу встали вместе с заправилами финансового бизнеса, как это было в Германии до 1933 года». Удивление, последовавшее после объявления войны русским, сменялось сдержанным оптимизмом. «Кто бы мог подумать, что мы сцепимся с русскими, но фюрер всегда знает, что делает».

Справедливость данного утверждения становилась очевиднее, когда пришло осознание того, насколько успешным оказался первый удар люфтваффе. Похожие на чаек «штукасс» «штукас» (Stukas) сокращение от нем. SturmkampfJ/ugzeug - пикирующий бомбардировщик. -

Прим. перев.) с воем кружили над войсками противника и наводили ужас. Именно пикирующие бомбардировщики Ю-87 обеспечивали поддержку с воздуха танковых и пехотных сил вермахта. Лейтенант Ганс Рудель к вечеру первого дня войны «четырежды слетал в тыл врага на участке между Гродно и Волковыском». Целью его были скопления танков, колонны войскового подвоза, перебрасываемые русскими к линии фронта. «Мы бомбили танки, позиции артиллерии ПВО и выложенные на грунт для пехоты и танков штабеля боеприпасов», - писал он.

Военный корреспондент Ганс Шаллер описывал, как выглядит атака пикирующих бомбардировщиков из кабины

пилота Ю_87. «Вот пилоты меняют курс. Я ничего не могу разобрать из-за дикого рева машины, в которой нахожусь, - мне она кажется птицей, парящей над территорией врага в поисках добычи. И вот один из самолетов покидает боевой порядок. Заваливаясь на крыло, он устремляется вниз сквозь молочное месиво облачности, к своей цели. Бомбардировщик пикирует почти отвесно, в этот момент пилот испытывает воистину нечеловеческие перегрузки».

Такой способ атаки, хотя и не дающий возможности прицельного бомбометания, на тот

момент являлся самым совершенным. Надо сказать, что пилотам подобные маневры давались нелегко - им при выходе из пикирования приходилось преодолевать четырех- и даже двенадцатикратные перегрузки длительностью от одной до шести секунд. Гауптман Роберт Олейник, инструктор по подготовке пилотов пикирующих бомбардировщиков, поясняет:

«Скорость пикирования в 480 км/ч создает колоссальную нагрузку на машину. Воздушный тормоз снижает скорость, не давая самолету развалиться в воздухе, позволяя пилоту выйти из крутого пике. Перегрузки таковы, что летчики на несколько секунд теряют зрение».

Лейтенант Рудель описывает физическое состояние пилотов, вызванное постоянным нечеловеческим напряжением первых дней кампании в России. В эти первые дни войны первый боевой вылет приходился на 3 часа утра, а последний - на 22 часа вечера. «Если только выдавалась свободная минута, мы тут же заваливались на землю под крыло и засыпали мертвым сном. В результате постоянного стресса мы и на задании действовали будто во сне».

Донесения в вышестоящие штабы, исходившие от командующих частями советских ВВС, все чаще и чаще говорили о катастрофических потерях. Командование ВВС 3-й армии информировало штаб Западного фронта: «В 4 часа утра 22 июня 1941 года неприятель нанес одновременный удар по нескольким нашим аэродромам. Выведен из строя 16-й бомбардировочный полк в полном составе. 122-й истребительный авиаполк понес тяжелые потери, в 127-м истребительном авиаполку потери меньше».

Потеря управления войсками, полный паралич командования. Отрывочная, нередко недостоверная информация - вот что отличало те дни. Далее из того же донесения:

«Прошу сообщить о месте передислокации 122-го и 127-го истребительных авиаполков и их радиочастоты и позывные. Прошу также подкрепления силами истребительной авиации для отражения нападения врага».

Подобные фразы содержались и в докладе командования ВВС 4-й армии: «Враг имеет полное превосходство в воздухе, авиаполки несут огромные потери» [до 30-40%. Прим. авт.]

Из 9-й авиадивизии в штаб 10-й армии сообщалось о том, что к 10 часам 29 минутам все истребители, базировавшиеся в Минске, уничтожены. В 10 часов 57 минут, т. е. через 28 минут, 126-й истребительный авиаполк запросил разрешение уничтожить склады снабжения в Бельске и отступить, поскольку для личного состава создалась реальная угроза оказаться в плену. Бельск находился в 25 км от границы.

Советские авиаподразделения уничтожались и при попытке подняться в воздух. У Буга в районе Бреста единственная эскадрилья советских истребителей при взлете подверглась бомбовому удару. Горящие остатки машин были разбросаны по всему летному полю. Попытки экипажей советских бомбардировщиков противостоять атакам были обречены на провал. Командующий 2-м воздушным флотом генерал-фельдмаршал Кессельринг комментировал это так: «То, что русские позволяли нам беспрепятственно атаковать эти тихоходные самолеты, передвигавшиеся в тактически совершенно невозможных построениях, казалось мне преступлением. Они как ни в чем не бывало шли волна за волной с равными интервалами, становясь легкой добычей для наших истребителей. Это было самое настоящее «избиение младенцев».

Но имелись и другие примеры.

Гауптман Герберт Пабст из 77-й авиаэскадры пикирующих бомбардировщиков стал свидетелем авианалета на его аэродром базирования сразу же по возвращении с очередной операции. Внезапно по всему летному полю, словно из ниоткуда, возникли зловещие грибы разрывов. Пабст заметил направляющуюся домой шестерку двухмоторных самолетов. И тут

же, буквально несколько секунд спустя, подоспели немецкие истребители.

«Один пилот открыл огонь, и дымовая трасса потянулась к русскому бомбардировщику. Содрогнувшись от удара, самолет блеснул на солнце, после чего свалился в отвесное пики. Вскоре вспышка и взрыв подтвердили его падение. Второй бомбардировщик в мновение ока объяло пламя, последовал взрыв, и на землю, кружась, будто осенние листья, посыпались его обломки. Третью машину пули истребителей подожгли сзади. Остальных постигла та же судьба, пылая, они свалились прямо на деревню, где еще долго догорали. К небу вздымались шесть столбов дыма. Все шесть машин были сбиты!»

«Они летали к нам всю вторую половину дня, - продолжает Пабст, - и всех их сбивали. Только с нашего аэродрома мы своими глазами видели, как был сбит один за другим

21 самолет. Никто из них не ушел».

В ходе внезапного удара утром 22 июня люфтваффе атаковало 31 аэродром советских ВВС. После этого пилоты получали задание на уничтожение штабов, мест сосредоточения войск, артиллерийских позиций и складов. Советские пилоты, пытавшиеся воспрепятствовать немцам, как правило, после первого и единственного залпа выходили из боя. Лейтенант Рудель прекрасно понимал, что советские истребители И - 15 уступают немецким Me-109. Где бы они ни появлялись, «их били как мух», подтверждает Рудель. 22 июня Гейнц Кноке докладывал «о полном отсутствии в воздухе советских самолетов на протяжении всего

дня». Поэтому «для нас открывалась возможность без помех выполнять поставленные задачи». Причины этого объяснений не требуют. К полудню первого дня войны Советы потеряли в общей сложности 890 машин, 222 из которых были сбиты в воздухе истребителями люфтваффе и силами противовоздушной обороны, а 668 уничтожены на своих аэродромах. Лишь 18 машин потеряло люфтваффе. А уже к вечеру того же дня русские потеряли 1811 самолетов - 1489 на земле и 322 в воздухе. Германские потери возросли до 35 машин» (к подсчетам потерь люфтваффе во время войны нередко прикладывали руку сотрудники аппарата Геббельса, стремившиеся показать ход боевых действий на Восточном фронте в выгодном свете. Таким образом появилась цифра, которую приводит автор. Общий список потерь немецкой авиации, по данным Военного архива германской армии (Bundesarchiv_Militaerarchiv. RL 2 111/1177 Flugzeugungsfalle und _ verluste des fliegenden

Verbansen seit 30.05.1941 bis 02.08.1941), составляет 78 самолетов. При этом

следует помнить, что немцы учитывали процент повреждений каждой машины и не считали уничтоженными те, где повреждений было меньше 60%, а таких за первый день войны насчитывается еще 89. Отметим, что подобные потери люфтваффе до того понесло только однажды во время битвы за Англию 18 августа 1940 г. (70 самолетов). _ Прим. Ред)

За период 23- 26 июня 1941 года число подвергнутых атаке советских аэродромов возросло до 123. К концу июня месяца было выведено из строя 4614 советских самолетов, Немцы потеряли 330. Потери Советов на земле составили 3176, в воздухе - 1438. Таким образом, люфтваффе завоевало господство в воздухе. Генерал-фельдмаршал Кессельринг

вспоминал об этих днях: «в первые два дня операции мы сумели завоевать господство в воздухе. Решение этой задачи облегчила прекрасно проведенная аэрофотосъемка. Ее данные свидетельствовали о том, что в воздухе и на земле было сразу же уничтожено до 2500 самолетов противника. Геринг поначалу отказывался поверить в эту цифру. Однако когда мы получили возможность проверить эти сведения после нашего наступления, он сказал, что наши подсчеты всего на 200 или 300 машин превышают реальные потери русских». На самом же деле потери оказались куда выше - на целых 1814 самолетов.

Урон, нанесенный совершенно неготовым к отражению атак противника советским аэродромам, вообще трудно поддается какой-либо оценке. Когда на них стали падать

первые бомбы, экипажи машин мирно спали. Самолеты не были замаскированы и стояли крыло к крылу у взлетных полос. Аэродромы базирования бомбардировочной авиации располагались не в тылу, а были выщвинуты к самой границе и, конечно же, не располагали соответствующими средствами пво. Если им и удавалось позже подниматься в воздух, их неповоротливые боевые порядки без истребителей сопровождения становились мишенью для вертких «мессершмитгов». 3-я истребительная авиаэскадра под командованием майора Гюнтера Лютцова в течение 15 минут сбила 27 советских бомбардировщиков. Немцы не потеряли ни одной машины. Именно этим и объясняется эйфория, охватившая германский генералитет в первые дни и недели войны. Генерал-майор Гофман фон Вальдау, начальник штаба командования люфтваффе, утверждал о «полной тактической внезапности», обещая скорый «успех кампании в целом». Того же мнения придерживался и генерал авиации барон фон Рихтгофен, командующий 8-м воздушным корпусом 2-го воздушного флота Кессельринга. Он верил, что к концу июня основные силы Красной Армии будут уничтожены. Две недели спустя Рихтгофен утверждал: «Путь на Москву открыт». По его мнению, немцам на завершение кампании требовалось Всего лишь восемь дней.

Но какими бы поспешными ни казались подобные прогнозы, немецкое превосходство в воздухе на тот момент было очевидным. Впрочем, и о полном уничтожении сил советской авиации говорить пока не приходилось, хотя понесенный ею урон был колоссальным. Большинство членов экипажей подбитых бомбардировщиков спасались, покидая горящие машины на парашютах. Экипажи машин, уничтоженных на земле, также могли принять участие в боевых действиях на более поздних этапах войны. Накануне войны разведка люфтваффе установила наличие лишь 30% советских авиасил, дислоцированных на территории европейской части Советского Союза. Таким образом, немцы недооценили силы русских почти наполовину. Девять дней спустя после начала боевых действий тот же генерал-майор Гофман фон Вальдау докладывал начальнику Верховного штаба главнокомандования вермахта Гальдеру следующее: «Наше командование ВВС серьезно недооценило силы авиации противника в отношении численности. Русские, очевидно, имели в своем распоряжении значительно больше, чем 8000 самолетов. Правда, теперь из этого числа, видимо, сбиты и уничтожены почти половина, в результате чего сейчас наши силы примерно уравнились с русскими». 3 июля фон Вальдау доверил своему дневнику еще один любопытный факт: он, оказывается, убедился, что внезапный удар немецких сил пришелся на группировку советских войск, размеры и численность которой поражают. Иными словами, данные, которые удалось добыть разведке и которые считались «пропагандистскими», оказались реальностью и требовали суровой переоценки. «Качественный уровень советских летчиков куда выше ожидаемого», - сетовал фон Вальдау. По его мнению, дальнейшие успехи становились возможными за счет нанесения максимально больших потерь русским при «минимальных собственных». Но реальность подсказывала иное: «Ожесточенное сопротивление [русских. _ Прим. перев.], его массовый характер не соответствуют нашим первоначальным предположениям».

И первым признаком этого стал таран, предпринятый одним из советских летчиков, младшим лейтенантом Дмитрием Кокоревым из 124-го истребительного авиаполка, в небе над Кобрином. Израсходовав боекомплект в ожесточенном бою с немцем, младший лейтенант Кокорев направил свою машину прямо на Me-110. Оба самолета, сорвавшись в штопор, устремились к земле. Неподалеку от Жолквы другой летчик на истребителе И-16, лейтенант И. Иванов, воздушным винтом повредил хвостовое оперение немецкого бомбардировщика Хе-111. Кокорев выжил, а вот Иванов погиб. По имеющимся данным, девять советских летчиков совершили таран только в первый день войны 22 июня 1941 года. Полковник люфтваффе поражен: «Советские пилоты - фаталисты, они сражаются до конца без какой-либо надежды на победу и даже на выживание, ведомые либо собственным фанатизмом, либо страхом перед ожидающимися их на земле комиссарами». Немцы

побеждали в воздухе, но их противник, несмотря на нанесенный ему урон, все еще представлял смертельную опасность. Люфтваффе нанесло серьезный урон советским ВВС.

Немецкие силы вторжения имели явное превосходство в тактике, но значительно уступали по численности своему фанатично сопротивлявшемуся противнику. Только продолжая наносить русским столь же ощутимые потери, как в первый день войны, люфтваффе могло рассчитывать на победу. «Это же аксиома - наносить врагу как можно большие потери, а самому нести минимальные», - вот простой расчет фон Вальдау. Тем не менее, к исходу 22 июня люфтваффе завоевало господство в воздухе, теперь они собирались сосредоточиться на поддержке с воздуха наземных операций.

Арнольд Дёринг из 53-й бомбардировочной авиаэскадры бомбил дороги северо-восточнее Бреста, ведущие к Кобрину. В его высказываниях как в капле воды отразились новые намерения люфтваффе. «С тем, чтобы не разрушать дороги, оставив их проходимыми для наших войск, - утверждал он, - мы старались бросать бомбы по краям проезжей части». Целями явились танковые и моторизованные колонны, артиллерия, в том числе и на конной тяге, словом, «все, кто в ужасе пробивался на восток». В результате дорога превращалась в ад.

«Наши бомбы рвались рядом с танками, орудиями, между автомобилями, охваченные паникой русские разбегались в разные стороны. Паника там внизу царила ужасающая, никому и в голову не приходило пальнуть по нам разок. Воздействие осколочных и зажигательных бомб трудно описать. При атаке таких целей промаха просто не могло быть в принципе. Танки опрокидывались набок, пылали как свечи, перевернутые грузовики с орудиями перекрывали движение, обезумевшие лошади только усугубляли хаос и панику».

«Сумерки. .. 22 июня 1941 года»

«Во время марша пыль сделала нас неузнаваемыми, мы все от нее пожелтели, - вспоминал лейтенант Генрих Хаапе из 18-го пехотного полка, действовавшего в составе группы армий «Центр». - В этом пропыленном воздухе нельзя было разобрать, где люди, а где машины». Эти самые длинные дни в году отмечены самыми высокими темпами продвижения немцев. «Наши наступающие дивизии всюду, где противник пытался оказать сопротивление, отбросили его и продвинулись с боем в среднем на 10-12 км! Таким образом, путь подвижным соединениям открыт», - писал в военном дневнике генерал Франц Гальдер. На фронте группы армий «Север» 4-я танковая группа Гёпнера сумела захватить два моста через Дубиссу в исправном состоянии. В среднем скорость продвижения германских частей и соединений составила около 20 км в день. Особых успехов добилась 2-я танковая группа генерала Гудериана: 17-я танковая дивизия одолела 18 км, справа от нее 18-я танковая дивизия продвинулась на целых 66 км севернее Бреста. Действовавшая южнее Бреста 3-я танковая дивизия углубилась на 36 км, 4-я танковая дивизия - на 39, а 1-я кавалерийская дивизия преодолела 24 километра.

Темпы были весьма напряженными. По завершении форсирования Буга Роберт Рупп запишет в своем дневнике: «На большой скорости мы углублялись дальше в темноту. Туман настолько густой, что с трудом различаешь машину впереди». Передовая часть 12-го армейского корпуса, подразделение «Штольцман» вышло К Березе Картусской днем

позже, опередив остальные части на 100 километров. 3-я танковая группа Гота с боями преодолела Неман под Олитой и Меркине. Она вышла на оперативный простор, - перед ее соединениями не осталось сколько-нибудь сильно укрепленных позиций неприятеля. Гот был готов устремиться дальше. На одном из участков 1-я танковая группа Клейста из состава группы армий «Юг» вышла к реке Стырь, а разведывательные подразделения успели переправиться через Прут. Приграничная оборона русских рухнула. Все мосты через Буг и другие приграничные реки были захвачены в исправном состоянии. Гальдер делает заключение: «О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует

тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать. Можно ожидать еще большего влияния элемента внезапности на дмьнейший ход событий в результате быстрого продвижения наших подвижных частей, для чего в настоящее время всюду есть полная возможность».

Сводка ОКВ за 22 июня сообщала: «Создается впечатление, что противник после первоначального замешательства начинает оказывать все более упорное сопротивление». С этим согласен и начальник штаба ОКВ Гальдер: «После первоначального «столбняка», вызванного внезапностью нападения, противник перешел к активным действиям».

Это сразу почувствовала пехота после успешного прорыва приграничной обороны. 3-й батальон 18-го пехотного полка (группа армий «Центр»), насчитывавший 800 человек, был обстрелян русским арьергардом. Силы русских состояли исключительно из политработника и четырех солдат, с невиданной ожесточенностью защищавших временную позицию посреди поля пшеницы. Немцы понесли незначительные потери. «Я не ожидал ничего подобного, срывавшимся от волнения голосом признавался командир батальона майор Нойхоф своему батальонному врачу. - Это же чистейшее самоубийство атаковать силы батальона пятеркой бойцов».

Подобные инциденты оставляли гнетущее чувство неуверенности. Ветераны прошлогодней кампании во Франции привыкли к тому, что неприятель, оказываясь в безвыходном положении, предпочитал сдаваться. А здесь все получилось совершенно по-иному. «Мы вынуждены были признать, что именно такие мелкие, разрозненные группы русских представляют для нас самую большую опасность», - резюмировал Хаапе. И поросшие высокой пшеницей поля - идеальное прибежище для этих малочисленных отрядов, отбившихся от своих частей. «Как правило, эти группы фанатиков возглавляли политработники, и мы никогда не знали, откуда ждать их огня». Германские войска становились объектом подобных беспокоящих атак на протяжении всего светлого времени суток. Батальон Хаапе тем утром дважды подвергся нападению. Один гауптман из соседнего подразделения признавался в тот же день: «Такое происходит везде: и в лесах, и на полях». И обреченно добавил: «Эти свиньи натаскивают в пшеницу кучи боеприпасов и дожидаются, пока пройдет основная колонна, а потом открывают огонь».

В отличие от командиров полевых частей генштабистов подобная тактика противника, похоже, не особенно волновала. «Признаков же оперативного отхода нет и следа, - так считал Гальдер. - ...русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению. Русские вынуждены принять бой в той группировке, в которой они находились к началу нашего наступления», - продолжает свою мысль начальник Генерального штаба ОКХ. Главной целью немцев было и остается разгром сил русских как можно дальше на западе. Военный дневник Гальдера излучает уверенность. «Задачи групп армий остаются прежними. Нет никаких оснований для внесения каких-либо изменений в план операции. главному командованию сухопутных войск не приходится даже отдавать каких-либо дополнительных распоряжений». Ход кампании может быть оценен как удовлетворительный.

Однако для солдата с передовой он выглядел не столь гладко, как на оперативных картах. На исходе этого длинного и знойного июньского дня лейтенанту Хаапе поручили помочь раненым, которых, несмотря на победные фанфары, оказалось немало. Непосредственно на передовой успех казался солдатам не таким очевидным. Хаапе, являясь офицером медицинской службы, приступил к выполнению тягостной обязанности - врачеванию

моральных и физических ран, полученных солдатами в дневной бойне. Он вспоминает:

«В скольких еще окопах, траншеях, лесах немецкие солдаты будут тщетно взывать о помощи, которая так и не придет или же придет с запозданием? Я уверен, что армии следовало бы тщательнее подготовиться к тому ужасу, который является неизбежным спутником любого наступления, любой кампании. Организация войск, управление ими и прочие чисто военные аспекты разработаны точнейшим образом, но вот что касается обеспечения тыла самым необходимым, организаторы достойны самого строгого наказания. Наверняка было бы куда лучше просто-напросто снизить темпы наступления, - это позволило бы куда скорее оказать необходимую помощь раненым и предать земле тела погибших».

ГЛАВА 6

В ОЖИДАНИИ НОВОСТЕЙ

Уже заключались пари, но не об исходе войны,
а о сроках ее окончания.

Секретный отчет СС

«В тылу Германия. - «Победа будет за нами!»

Внешне день 22 июня в рейхе казался самым что ни на есть обычным воскресным днем. 95 000 зрителей вопили на Олимпийском стадионе в Берлине, выражая восторг по поводу завершения финального матча на кубок Германии. Несмотря на сенсационную политическую новость, способную, казалось, затмить все остальное, очень многие предпочли отправиться на футбол, наиболее впечатляющие кинокадры этой игры мелькали на экранах кинотеатров уже неделю спустя. Венский «Рapid» - впервые после аншлюса Австрии - встречался с чемпионом рейха «Шальке», германская команда, выигрывавшая к 70-й минуте со счетом 3:0, на последних минутах игры проиграла австрийцам 3:4. Матч этот не имел себе равных по драматизму, а результат его оказался и вовсе ошеломляющим. Тем более для периода военного времени. Но в конце концов и Австрия нынче принадлежала рейху.

Рейтинг спортивных репортажей заметно перевесил военные сводки с только что образованного Восточного фронта. Споры нет, выступление Геббельса по радио шокировало всех без исключения. Одна домохозяйка из Хаусберге вспоминает: «Да, я включаю радио и что же я слышу? - «Самые последние известия с Восточного фронта» - настала моя очередь утратить дар речи, как это было почти со всеми в Германии. Заявление фюрера прозвучало громом среди ясного неба».

Вот что заявил еще один слушатель, герр Ф.М. из Местечка Нойвид: «Едва по радио отзвучал национальный гимн и я услышал голос Геббельса, мне показалось, что он объявит о чем-нибудь хорошем. Вопреки ожиданию новости были плохие... Теперь все стало на свои места, впрочем, и раньше многие догадывались, отчего наша армия сосредоточилась на востоке. Всех нас - и армию, и гражданское население - ждут нелегкие времена. Солдатам придется сражаться, а нам терпеть и переживать. Вновь мы вернулись во времена неуверенности в завтрашнем дне и революций». Впрочем, многим не требовалось идти на футбол, чтобы отвлечься. Шарлотта фон Шуленбург, муж которой уже ушел на фронт, оставалась одна с четырьмя детьми в возрасте от нескольких месяцев до 6 лет. Ей в первую голову приходилось

решать домашние проблемы. Шарлотта вспоминает: «Не забывайте, что в те времена все было по карточкам. И еда, и одежда. И жить с каждым днем становилось все сложнее. Иногда нечего было на стол поставить, разве что фрукты и овощи из своего сада и огорода».

Война серьезно подорвала сезонный бизнес очень многих немцев. Газета «Мюнхнер нойесте нахрихтен» писала в 1941 году о том, что многие владельцы отелей в Швейцарии вынуждены были закрыть свои заведения, поскольку 60% туристов приходилось на иностранцев. А в Германии из-за войны люди проводили отпуска дома. Солдаты-отпускники, конечно же, стремились домой, провести драгоценные минуты с родными и близкими. Гостиницы были переполнены, но не ватагами туристов. Большинство было отдано под штабы, госпитали, санатории и дома отдыха для раненых или для размещения эвакуированных из больших городов детей. Актриса Хайди Кабль с озабоченностью отмечала увеличивающееся число воздушных налетов начиная с 1940 года: «Мы с мужем работали в театре. У нас был сын, и нередко нам приходилось брать его с собой. Налеты были довольно серьезными, однако позже стало еще хуже и страшнее. Так, мы всегда забирали его из дома с собой, и он, бывало, даже спал в гардеробе».

Именно тыловые проблемы остававшихся дома близких иногда куда больше заботили фронтовиков, нежели перспектива собственной гибели. Некий обер-лейтенант, пехотинец, не сомневался относительно исхода кампании в России, но страшно беспокоился за свою оставшуюся в рейхе супругу. Жена писала ему о бомбардировках его родного Ойскирхена, но, не желая тревожить мужа, не сообщала о разрушениях. Именно это и вызывало у него тревогу. И хотя правительство рейха из кожи вон лезло, чтобы успокоить население, люди не очень-то доверяли этому насаждаемому повсеместно оптимизму. «Это были очень беспокойные времена, - вспоминала Шарлотта фон Шуленбург. - Я так и не смогла смириться с войной. И ежедневное осознание того, что твой муж на фронте и жизнь его в опасности, - нет, к этому привыкнуть было просто невозможно». Жена ефрейтора Эриха Куби Эдит в письме мужу от 22 июня не скрывала своей озабоченности: «Это мое первое письмо на фронт! Боже мой, ведь ты перед самым отъездом поговаривал о такой возможности, и вот теперь ты там! Хочу надеяться, что судьба благоволит к тебе и что с тобой ничего не случится». Эта кампания воспринималась куда более зловещей, нежели все ей предшествовавшие. «В этой России, - писала Эдит, - и война будет не такой, как во Франции, потому что «конечная цель» маячит где-то вдалеке». Связанные с войной невзгоды и страхи не обходили и детей. В день, когда было передано сообщение о вторжении в Россию, 12-летняя Марианна Робертс собралась вместе со своим дядей за молоком. Сообщение потрясло девочку до глубины души. А дядя Марианны, ефрейтор саперных войск, прошедший и польскую и французскую кампании, помолчав, процедил сквозь зубы: «Ну, вот и все - считайте, мы эту войну проиграли». Марианна вспоминает: «Никто не произнес ни слова. Все будто воды в рот набрали. Но с того дня я знала - никакой нашей «окончательной победы» не будет». Дядя тут же отправился на войну и вскоре погиб под Смоленском. Три года спустя Марианна потеряла и отца.

На пятый день войны в секретном отчете ее «О политической ситуации в стране» содержались такие слова: «Согласно данным, полученным от многочисленных, в том числе и от неустановленных источников, нервозность и страх были характерны лишь для первых часов после объявления по радио о начале войны, да и то преимущественно для женской половины населения. Вследствие хорошо организованной информационной кампании негативные эмоции уступили место уверенности и оптимизму».

Лейтенант Гельмут Ритген, адъютант командира танкового полка, был по профессии математиком. Его оценка исхода начавшейся кампании была столь оптимистичной, что он, вооружившись карандашом, принялся подсчитывать, когда же наступит тот день, когда он со спокойной душой отправится в отпуск. Гельмуту Ритгену не терпелось ожениться.

«Я попытался вычислить продолжительность данной кампании исходя из продолжительности предыдущих кампаний в Польше и во Франции, исходя из имеющихся у нас сил, а также

расстояний и ряда других факторов. В результате получилось, что война должна завершиться к концу июля. Так что на 2 августа вполне можно назначать свадьбу».

Правда, лейтенант Ритген не учел одного решающего фактора - сопротивления русских солдат. Что же до оптимизма, ему было его не занимать. Впрочем, как и очень многим в рейхе. Уже цитированный отчет ее гласит: «Мнение населения на данный момент таково, что оно считает Россию весьма слабым в военном отношении противником. В том, что уже очень скоро должно последовать победоносное завершение русской кампании, не сомневается никто, причем степень этой уверенности куда выше, нежели во время предшествующих кампаний в Европе. Оптимизм населения настолько высок, что уже заключаются пари, но не об исходе войны, а о сроках ее окончания. Подавляющее большинство населения считает 6 недель предельным сроком окончания войны!»

Однако невесте Гельмута Ритгена пришлось дожидаться своего жениха целых два года. А вот у другой девушки, у Маргит Мерц, все обстояло совершенно по-другому. Ее жениха, как и ее обоих братьев, призвали в армию в 1940 году. Но свадьбу сыграть так и не пришлось. Жених погиб в самые первые дни войны в России. Для Маргит это оказалось страшным ударом.

«Я плакала и плакала дни напролет, почти целый год. Собираешься как-то устроить свою жизнь, кого-то встречаешь, а в один прекрасный день все твои планы по чьей-то милости идут прахом...» Оставшиеся военные годы, по ее словам, прошли «как жуткий сон».

Остается лишь добавить, что в Советской России подобных трагедий было неизмеримо больше.

«В тылу. Россия. «Победа будет за нами!»

Шестнадцатилетняя Инна Константинова жила под Кастынем (так в тексте. - Прим. перев.), северо-восточнее Москвы. Вот ее дневниковая запись, посвященная первому дню войны: «...еще вчера все было так хорошо, мирно, спокойно, а сегодня... Боже мой!» Ей вторит Ицхак Рудашевский из Вильнюса, вспоминая о том, как их веселая болтовня была прервана воем сирен воздушной тревоги. «Этот невыносимый вой сирен никак не вязался с погожим июньским днем». А первый воздушный налет состоялся Вечером этого знойного июньского дня: «Это была война. Люди носились как обезумевшие. Вмиг все изменилось... Всем нам стало ясно - Гитлер напал на нашу страну. Нам навязали эту войну. И мы будем сражаться до конца, пока наглый агрессор не будет изгнан с нашей родной земли».

Внезапное начало войны глубоко потрясло простых русских людей. В полдень 22 июня 1941 года все радиостанции Советского Союза передали сообщение министра иностранных дел СССР Вячеслава Молотова о вероломном нападении Германии на Советский Союз. Позже кадры советской кинохроники покажут озабоченные лица людей, пристально вглядывавшихся в бесстрастные алюминиевые жерла уличных громкоговорителей, из которых звучал взволнованный голос:

«Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города - Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено несмотря на

то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора.

Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей».

Люди переглядывались, пытаясь уловить реакцию друг друга, многие женщины плакали. Напряженные, озабоченные лица, поджатые губы, устремленные вдаль взоры, желание ничего не упустить из услышанного.

Инна Константинова продолжает: «Не могу описать своего состояния, когда я слушала речь Молотова! Я была так взволнована, что сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди». Она, как и миллионы ее соотечественников, была охвачена патриотическим порывом. «Вся страна мобилизована - неужели я смогу жить, как будто ничего не произошло? Нет! Я тоже хочу быть полезной своей стране!» Так она и записала в свой дневник: «Мы победим!»

Лев Копелев, в тот период студент одного из московских вузов, воспринял сообщение о начале войны чуть ли не с ликованием. «Как же наивен был я тогда! Я испытывал удовлетворение, потому что мне показалось, что началась «священная война», в которой к нам присоединится «германский пролетариат», и мы общими усилиями свергнем Гитлера».

Его твердая убежденность основывалась на том, что к 1933 году германская коммунистическая партия была самой многочисленной из коммунистических партий мира.

У других сообщение о развязанной гитлером войне отдалось болью в сердце. Поэт Евгений Долматовский, впоследствии лейтенант Советской Армии, говорит: «Я вполне серьезно заявляю вам, это вызвало у меня жуткий страх, и сразу же мучительно засосало под ложечкой». И тут же на смену страху пришла твердая решимость служить своей

стране. О той же убежденности и решимости говорит и Лев Копелев. «Я должен был защитить свое Отечество, с фашизмом нужно было покончить раз и навсегда». Лев Копелев, в совершенстве владевший немецким языком, считал себя идеальной кандидатурой для заброски в глубокий немецкий тыл. «Глупость, конечно», - смущенно признался он впоследствии.

Однако именно к этим настроениям и взывал Молотов в своей памятной речи. «Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей», - продолжал он далее. Это довольно характерное для советского мировоззрения уточнение было типично для подавляющего большинства населения СССР, в том числе и для Льва Копелева: «Войну эту развязали не немецкие рабочие и крестьяне, не немецкая интеллигенция, страдания которых были так близки нам, а кровожадные руководители Германии, уже поработившие Польшу, Францию, Чехословакию, Югославию, Норвегию, Нидерланды, Данию, Грецию и другие страны», - писал он.

Конечно, люди не подозревали о той звериной жестокости, с которой немцы будут вести эту войну, войну, вне всякого сомнения, идеологическую. Но что это было нападение, неприкрытый акт агрессии и что ей необходимо дать отпор - в этом не сомневался никто.

«Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». После этих слов громкоговорители умолкли. И тут же заиграли военные марши. Это заявление и потрясло, и

оскорбляло. Ведь существовал пакт о ненападении. И вот без каких-либо претензий или требований Германия напала на нас! Мария Миронова, известная советская актриса, вспоминает те мрачные дни, воцарившиеся после сообщения о внезапном начале войны:

«Люди вдруг высыпали на улицы. Никто ничего не понимал. Никто не знал, что предпринять. Я и сама не знала, идти в театр или нет. Но пошла. Зал был практически пуст. Один- два человека. И все же тогда еще никто не понимал, что это будет за война».

Сэр Джон Расселл из британского посольства в Москве рассказывал: «Шок оказался сильнее, чем можно было предполагать». Все казалось отрывком из какого-то фантастического фильма. «В тот вечер я засиделся у кого-то в гостях, вернулся домой поздно и встал поздно. Включив радио, я услышал сообщение о бомбардировках не то Харькова, не то Киева. Говорили и о бомбардировках других городов. Мне это все показалось чистейшим

розыгрышем, выдумкой в духе популярной тогда программы Орсона Уэлса - ну, он еще инсценировал бомбежки Нью_Йорка (имеется в виду радиопостановка по произведению Герберта Уэлса «Война миров». _ Прим. авт.). Но вскоре пришлось убедиться, что все происходящее - отнюдь не инсценировка».

На жительницу Ленинграда Елену Скрябину, которая слушала выступление Молотова по радио вместе со своей матерью, речь министра иностранных дел произвела странное впечатление. «Война! Немцы бомбят наши города!» Молотов заикался, казалось, «что он задыхается и едва может говорить». Все это могло свидетельствовать о том, что случилось нечто из ряда вон выходящее, ужасное. Люди, затаив дыхание, слушали его. На улицах творилось что-то невообразимое.

«Город охватила паника... Люди бросились в магазины, образовались очереди, кое-кто перебрался короткими фразами, хватали столько, сколько в силах унести. Многие побежали в банки в надежде снять деньги со сберкнижек. Я тоже собралась это сделать, но опоздала - наличные деньги закончились» .

Всех охватило чувство неотвратимой беды. «Весь тот день, - продолжает Елена Скрябина, - обстановка оставалась гнетущей, чувство неизвестности подавляло».

За день до этого корреспондент Константин Симонов был вызван в радиокомитет, где ему поручили написать антифашистские стихи, которые затем предполагалось положить на музыку. «И тут Я понял, что война, которой ждали все, уже стоит на пороге». Он работал до самого утра 22 июня, пока в 14.00 ему не позвонили домой. Первое, что он услышал, подняв трубку: «Война». Далее ему приказали выехать в распоряжение 3-й армии под Гродно, в редакцию фронтовой газеты. Он пока не знал, что там творилось. Выдали военную форму. В суете тех дней, вспоминает он, «нас всех... переполняла активность, возможно, даже излишняя, и, разумеется, все были взвинчены до предела».

Владимира Колесника сообщение о начавшейся войне застало в общежитии. «Дверь вдруг распахнулась, и чей_то голос прокричал: «Война! Война! Вставайте!» Мы все подумали, что это шутка, дурацкий розыгрыш. Но все--таки пошли в военкомат. Там нам приказали разносить призывные повестки - их нужно было вручать лично. Все это было как сНег на голову». Подхваченный единым патриотическим порывом Колесник, вследствие молодости, не понимал реакцию тех, кому вручал повестки. «Когда вручал повестки, меня поразило, как странно люди реагировали на них. Женщины, а нередко и мужчины вдруг начинали плакать. Меня это неприятно удивило и даже поразило. Тогда все они мне показались трусами. Но разве мог я предвидеть, какой ужасной и жестокой будет эта война».

Житель Урала Владимир Горбунов вспоминает, что воскресенье 22 июня «было по-летнему теплым, и мы ни о какой войне не думали». В тот день он помнит, как люди собирались на улицах у громкоговорителей. Началась война. Горбунов, как и Колесник, был слишком молод, чтобы понять, какая трагедия обрушилась на страну.

«Мы никогда и ничего не боялись. Гм, ну что ж, война началась... взрослые плакали и успокаивали друг друга... Им-то было понятно, чем это пахнет. Война - всегда лишения, трудности, но мы ничего этого не понимали».

Владимир Горбунов вместе со своими 16- 17 -летними сверстниками отправился в военкомат, желая пойти на фронт. «Но там нам сказали: «Понадобитесь - призовем». Добровольцами на фронт ушли многие. Всех переполняли идеалы и желание не оставаться в стороне. Где-то уже рвались бомбы, тысячами гибли люди, рушились дома. Но я тогда не понимал этой всей трагедии, понимание пришло позже». Позже, уже в пожилом возрасте, Горбунов, сокрушенно качая головой, выдавливает: «Тяжело было нам тогда, очень тяжело».

Петру Александровичу Лидову, 35-летнему партийному работнику из Минска, о начавшейся войне уже в 9 часов утра сообщил знакомый корреспондент газеты «Правда». город за окном жил мирной жизнью. Никто еще ничего не знал. Люди собирались на прогулки в парки или за город. Жизнь Лидова вплоть до этого дня протекала нормально. «голова была занята повседневной рутинной. На воскресенье мы запланировали поездку с детьми. Единственной проблемой было, во что их одеть и что делать с лимонадом - взять с собой или купить уже на месте». А уже за завтраком пришлось объяснять жене и детям, что ни о какой поездке и речи быть не может, потому что началась война.

Ленинградец Владимир Адмони 22 июня 1941 года ехал в поезде Уфа-Москва. И вот один из его попутчиков, выскочивший на какой-то станции прикупить провизии, с испуганным лицом вернулся и объявил: «Вроде война началась». Больше он ничего сообщить не мог. Адмони помнит, что «все остальные пассажиры, кроме меня, не сомневались, что речь идет о войне с Англией. И неудивительно - после заключения советско-германского пакта о ненападении печать была настроена очень даже лояльно по отношению к Гитлеру, а вот Англии крепко доставалось _ именно ее считали главной зачинщицей войн».

А вот Иосиф В., оператор-документалист, вспоминает, как он приехал в Минск снимать какой-то документальный фильм. «Война уже началась, но здесь... здесь было тихо и спокойно, никто ничего не знал. На улице я увидел милиционера в белой форме с «величавыми погонями» на плечах и в характерном шлеме - тогда такие им полагались», - продолжает Иосиф В. И вот, едва оператор закрутил ручку камеры, как стали происходить воистину исторические события.

«Вдруг я заметил в небе самолет. «Как на авиационном празднике», - подумал я. И в ту же минуту убедился, что самолет не один, их было не меньше двадцати. Я продолжал снимать, и вдруг раздался взрыв, в следующее мгновение я заметил падающие с неба продолговатые предметы... и тут меня осенило - да это же бомбы!»

Несмотря на разрывы бомб и непреодолимое желание укрыться где-нибудь, Иосиф В. продолжал снимать «первый кинорепортаж с места событий». И внезапно его схватили за шиворот и как следует поддали под ребра. Всецело поглощенный работой, он даже не обратил на это внимания, пока, оторвавшись от камеры, не убедился, что перед ним все тот же милиционер. «Но уже не в белоснежной, а покрытой пылью форме. И без шлема на голове. Волосы его были всклокочены, он пожелтел от страха. Ткнув мне пистолетом в грудь, он взревел: «Документы! Или сейчас пристрелю!» Он был вне себя. Я предъявил ему свое служебное удостоверение. «Тут бомбы на нас бросают, а вы не нашли ничего лучшего, как снимать кино!»

Строго говоря, именно этим и надлежало заниматься документальному кинооператору Иосифу В. Дать возможность зрителям увидеть творимые врагом жестокости. Но бюрократическая система решила по-своему. «Нечего в эти дни будоражить народ, пусть лучше что-нибудь веселенькое смотрят». Тем временем на город каждые десять минут

налетала очередная группа самолетов и сбрасывала бомбы. «Я успел заснять все бомбежки и каждый раз спрашивал себя - верно ли я поступаю? Позже я понял, что не только милиционер возмутился. Когда отснятые материалы я доставил в Москву, там приняли решение не включать их в показ. Красная Армия отступала, города горели, а фашисты брали тысячами в плен красноармейцев. Ничего этого показывать было нельзя...

Так что мои материалы ждала мусорная корзина».

Фундаментальное различие между реакцией на начало войны в германском и советском тылу состояло в том, что в СССР гражданское население оказалось непосредственно вовлечено в войну с самых первых ее часов. Что же касалось немцев, война для них оставалась далекой, пока что скорее темой для сводок по радио. Стефан Матыш, командир орудийного расчета 32-й советской танковой дивизии, дислоцированной на окраине Львова, вспоминает, что накануне войны в последнюю мирную субботу «строил планы на воскресенье. Все были поглощены семейными делами». Но все одним махом изменилось. После внезапных авианалетов в воскресенье утром, когда бомбежкам подверглись казармы, гаражи, склады и дома офицерского состава, «многие потеряли родных и близких, а многие в эти первые часы стали сиротами и калеками». Он, как и многие советские офицеры, пытался помочь гражданскому населению и думал о том, как отразить внезапное нападение. Его командир дивизии полковник Ефим Пушкин издал приказ о ведении боевых действий и, кроме того: «Предпринимая шаги для введения в бой соединения, он делал все от него зависящее для спасения семей военнослужащих. Было выделено необходимое количество автотранспорта и часть личного состава для погрузки оставшегося имущества и эвакуации женщин и детей в безопасные районы страны» .

Положение на фронте в те дни было хоть и весьма серьезным, но, как казалось, не безнадежным. Офицер-штабист капитан Иван Крылов не сомневался, что наступление германских войск на Минск будет остановлено, а опасная ситуация ликвидирована, при условии, что «наши войска проявят стойкость в борьбе с врагом». Вот его слова: «Личному составу был дан приказ, погибая, убивать и немцев. «Если вы ранены, - гласил упомянутый приказ, - прежде, чем умереть, пристрелите и немца, приблизившегося к вам. Убивайте их из винтовки, штыком, кинжалом, вцепляйтесь немцам в глотку. Погибни сам, но прежде убей немца!»

«Погибни сам, но прежде убей немца!» Брест

В Бресте ожесточенные схватки продолжались и на второй день войны. Красноармеец Григорий Макаров вспоминал: «Гарнизон крепости остался без воды, потому что снарядом, угодившим в Тереспольскую башню, оказался разрушен резервуар с водой. Была повреждена и электростанция. Атаку немцев отразили пулеметным огнем».

Командованию 45-й дивизии вермахта в тот же день стало очевидно, что первоначальное решение об отводе подразделений в целях более четкого разделения линий обороны и полного окружения крепости обернулось тем, что оставленные немцами позиции сразу заняли русские. С 5 часов утра германская артиллерия подвергала цитадель обстрелу через равные интервалы времени. Артиллеристы при этом старались не накрыть снарядами группу своих бойцов, которая вместе с захваченными русскими пленными сама угодила в кольцо окружения в районе церкви. Ефрейтор Ганс Тойшлер, получивший накануне серьезное ранение, вспоминает: «Никогда в жизни я так страстно не желал дожить до следующего дня». Несмотря на муки, на боль, «мы все с радостью наблюдали восход солнца. А вскоре стало невыносимо жарко».

Артиллерийский обстрел продолжался на протяжении всего дня. Немецкие орудийные расчеты разделились до пояса, совсем как какие-нибудь каменщики или крестьяне на поле. Пехота старательно окапывалась вокруг оставшихся оборонительных позиций русских.

Требовалось как можно скорее похоронить убитых - при такой жаре трупы быстро разлагались. Вырастали приземистые, аккуратные кресты, увенчанные солдатскими касками. Вот на таком пугающем фоне колонны, минуя цитадель, направлялись к автостраде.

На Северный остров прибыли два пропагандистских автобуса, оборудованных громкоговорителями, через которые защитников крепости убеждали прекратить сопротивление.

Между 17.00 и 17.15 часами немцы снова открыли остервенелый артиллерийский огонь по позициям красноармейцев, после которого через громкоговорители было объявлено, что гарнизону на размышление дается 90 минут. И за эти полтора часа должно быть принято решение о сдаче крепости. Примерно 1900 советских бойцов приняли предложение немцев и, пошатываясь, стали покидать развалины крепости. Никитина-Аршинова, жена советского офицера, описывала, что произошло потом: «Нас, женщин и детей, выпустили из казематов наружу. Немцы обращались с нами как с солдатами, хотя никакого оружия у нас не было, а потом повели как пленников».

К актам великодушия немцы явно не были расположены. 45-я дивизия уже тем утром сообщила по радио в штаб 12-го корпуса о гибели «около 18 офицеров». И вообще, потери росли даже не по часам, а по минутам. Некоторое количество сдавшихся дало основание предполагать, что «боевой дух русских сломлен, а артиллерийский обстрел и увещевания через громкоговоритель в конце концов вынудят капитулировать остальных, и таким образом удастся обойтись без бессмысленных потерь».

С гражданскими пленными не церемонились. Никитина-Аршинова рассказывает: «Как только мы перешли мост, тут же вновь начался обстрел крепости». Пленных заставили лечь, над ними со свистом проносились снаряды, разрывавшиеся в камне стен цитадели. Никитина-Аршинова продолжает: «Огонь вели орудия большого калибра. Фашисты уложили нас под самими стволами, как заложников, чтобы таким образом заставить моего мужа и остальных сдаться. Что мне оставалось делать? Ужасно было ощущать свое бессилие. С каждым выстрелом мне казалось, что голова моя лопается. У детей из носа и ушей шла кровь».

Дочь Аршиновой поседела. «А мой сын, которому тогда было пять лет, на всю жизнь оглох». Пленники с ужасом ожидали, что их отведут в сторону и просто расстреляют. Вечером того же дня на Южном острове на участке 133-го пехотного полка вновь появились автобусы с громкоговорителями. Видно, немцам не терпелось и там повторить достигнутый успех. С наступлением сумерек металлический голос снова стал призывать защитников крепости сдаться. Однако, когда стемнело, русские предприняли несколько отчаянных попыток прорваться из крепости на север и восток, в направлении города. В отчете, представленном штабом дивизии, говорилось, что «в ходе боя огонь из орудий и стрелкового оружия полностью заглушал громкоговоритель». Стало ясно, что те, кто имел слабую волю, уже успели сдаться.

Согласно утверждению Аршиновой: «Мы выжили лишь благодаря одному пожилому немецкому солдату, которому приказали нас охранять». После того, как они оказались на другом берегу Буга уже на польской стороне, этот солдат сказал им: «В общем, думайте сами, что делать. Надумали уходить - убирайтесь отсюда!» Все стали разбегаться, а Аршинова отвела детей домой. Муж ее позже погиб при обороне крепости, во время войны эта женщина потеряла и мать, брата, сына и дочь. «Вот так я и осталась одна-одинешенька, все погибли», - так закончила она свою страшную историю (*Анастасия Антоновна Никитина-Аршинова 12 дней находилась в осажденной крепости. Затем сражалась в партизанском отряде Чернака, Брестского соединения. После войны жила и работала в Бресте. Прим. Ред.*).

24 июня ефрейтор Тойшлер и еще примерно 70 бойцов, отрезанных в первый день войны

вблизи здания церкви, наконец соединились с 1-м батальоном 133-го пехотного полка, который прорвался туда под прикрытием сил артогня.

Можно утверждать, что битва у стен брестской цитадели отразила в миниатюре весь безжалостный характер начавшейся войны на Восточном фронте. Сапер Гейнц Крюгер уже после войны делился впечатлениями: «О, Брестская крепость! Это же невероятно! И те, кто ее оборонял, ведь они не хотели сдаваться. Речь шла не о победе. Они были коммунистами, и мы хотели уничтожить их как можно больше. А кто мы были для них? Фашисты! Это было страшное сражение! Пленных было немного, все бились до последнего» .

Согласно первоначальному плану на штурм и овладение крепостью отводилось не более 8 часов. Шел третий день войны, а дело так и не сдвинулось с мертвой точки, никто не собирался сдаваться. Русские удерживали казармы и здание гарнизонного Дома офицеров внутри цитадели, восточную часть Северного острова, часть стены на северном мосту и Восточный форт. Немецкое командование приняло решение уничтожить оставшиеся очаги сопротивления артиллерийским огнем во избежание дальнейших потерь. В конце концов, крепость не мешала передвижению войск на восток по магистрали.

В 16 часов 24 июня штаб 45-й пехотной дивизии сообщил: «цитадель захвачена» и «окруженные силы пехоты противника успешно уничтожаются». В сводке оптимистично утверждалось, что «сопротивление противника слабеет». В 21.40 вечера поступило еще более восторженное донесение: «Брестская цитадель в наших руках!» Подобные, не соответствовавшие обстановке донесения были не редкость и в последующие годы войны. Грохот пушек по-прежнему сотрясал все вокруг, его еще долго слышали в Бресте. Вскоре победное донесение скромно опровергли. Наступал четвертый день войны, а осада продолжалась.

«Через Двину... группа армий «Север»

Три группы германских армий _ «Север» (Леоб), «Центр» (Бок) и «Юг» (Рундштедт) вторглись в Россию по исторически традиционным направлениям - на Ленинград, на Москву и на Киев. В свое время по северному направлению уже наступали тевтонские рыцари. Случайно или нет, в то время на экраны советских кинотеатров вышел фильм «Александр Невский», посвященный событиям XIII столетия и подвигу Александра Невского, разбившего тевтонов на льду Чудского озера. Режиссером фильма, воплотившего на экране разгром Тевтонского ордена в 1242 году, был Сергей Эйзенштейн. Явная параллель с событиями современности не ушла от зрителя. Даже боевые доспехи тевтонов, в частности стальные шлемы, носили явное сходство с ammunition солдат вермахта, не говоря уже о творимых оккупантами жестокостях в отношении мирного населения, женщин и детей. Фильм, снятый еще в довоенные годы, был запрещен для проката после подписания пакта о ненападении с Германией в августе 1939 года. Но после 22 июня 1941 года он снова обрел актуальность и немедленно появился на экранах.

Северное и центральное направления были опробованы уже гораздо позже королем Швеции Карлом XII. Довершающий удар его разбитой в 1709 году под Полтавой армии нанесла русская зима. В 1812 году армия Наполеона, наступая на Минск и Смоленск, достигла Москвы. И ее ждала все та же участь - замерзать в бескрайних лесах, отступая из сожженной Москвы. Третье, южное направление отделялось от двух первых непроходимыми Припятскими болотами общей площадью в 65 000 кв. км с севера и Карпатами с юга.

Это направление вело на Украину - житницу России. На востоке этой советской республики располагался промышленный и угледобывающий район Донбасс, а еще дальше лежал Кавказ с его бакинскими нефтяными месторождениями и «нефтяная аорта» Советского Союза _

Волга. На данном направлении почти не имелось серьезных природных преград, разве что Днепр. Однако опыт ведения молниеносной войны в Нидерландах показал, что и природные препятствия вполне преодолимы с помощью современной техники.

В прошедших успешных кампаниях вермахт успел накопить опыт ведения боевых действий, характерной чертой которых стало тесное взаимодействие всех трех родов войск - ВМФ, ВВС и сухопутных армий. Согласно концепции ведения современной войны, «направление главного удара» эффективно поддерживалось огневой мощью артиллерии и авиации при условии бесперебойного войскового снабжения. Масштабы и конфигурация сосредоточенных немцами сил подсказывали наносить удар по России с запада или же комбинированный удар с севера и юго-запада, что, впрочем, требовало тщательного и продуманного планирования операции, но германский генштаб трудно было обвинить в поспешности и непродуманности. План этот включал в себя и некоторый расчет на везение, и упорное методичное стремление к намеченной цели, не нарушающее рамок первоначального замысла. Кроме того, следовало учитывать и ряд трудно или вовсе непредсказуемых факторов, тех самых, которых Клаузевиц называл «превратностями войны». Задача управления войсками состоит в том, чтобы, сочетая тщательное планирование и организацию, упредить намерения неприятеля. В этом случае противник, несмотря на понимание развития событий, не имеет необходимых сил для нанесения ответного удара. Собственно, цель любого командующего состоит в том, чтобы получить возможность влиять на принятие решений противником, лишить его способности предпринимать соответствующие контрмеры.

Этих целей командование вермахта смогло добиться в ходе приграничного сражения к исходу третьей недели июня 1941 года. Линия фронта растянулась на 4500 км от Баренцева до Черного моря. 56 советских дивизий были эшелонированы в глубину 50 км, а второй эшелон, включая танковые силы, располагался дальше, на удалении от 50 до 100 км. Резервные корпуса дислоцировались в 150-400 км от госграницы. И времени у командования Красной Армии для необходимой перегруппировки сил и организации обороны просто не осталось. Иными словами, на границе немцы объявили своему противнику «шах и мат». Это вскоре подтвердили и самые первые донесения в высшие штабы Красной Армии. Штаб командования 3-й армии сообщал об угрозе для ее правого фланга. «У нас отсутствуют резервы и силы для организации ответного удара». В донесении указываются и причины: «Основная ударная сила армии – II-й механизированный корпус понес тяжелые потери - за 22-23 июня 1941 г. выведено из строя 40-50 танков». 56-я стрелковая дивизия представляет собой две потрепанные части численностью в 700-800 человек, 85-я стрелковая дивизия также «понесла тяжелые потери». На 40% сократилась численность 27-й стрелковой дивизии, некоторые ее части потеряли до половины и больше личного состава и техники. Об оперативной гибкости говорить не приходилось. «Укомплектованные по штатам мирного времени части не располагают необходимым транспортом». Командующий 3-й армией сетовал: «Вот уже два дня я не имею представления о том, что происходит на фронте». Далее он сообщал: «Принимая во внимание, что переносных радиостанций явно не хватает, я вынужден держать связь только по одной рации».

Все попытки организовать контрудары изначально были обречены на провал.

Сосредоточенные на центральном участке советские механизированные корпуса, в задачу которых входило остановить наступавшие немецкие части в период с 22 по 26 июня, находились на марше. Так, например, 3-му и 12-му механизированным корпусам предстояло преодолеть 80-100 км, а 9-му и 19-му - даже 200 км. 8-й механизированный корпус находился дальше всех - ему предстояла переброска на 500 км. В итоге приходилось довольствоваться частичными решениями, использовать малочисленные и драгоценные резервы, чаще всего просто «латать дыры». Результатов такие операции, естественно, практически не давали.

В пехотных частях ситуация складывалась еще хуже. 212-й стрелковый полк на правом

фланге 49-й дивизии советской 4-й армии оказался на острие удара, который наносил 4-й армейский корпус. Поднятый по тревоге в полночь 22 июня личный состав полка в невероятно трудных условиях, в жару с боями прошел 40 км и вышел к Семятыче - конечной цели марша. Но, едва прибыв на место, полк получил новую задачу - совершить еще один 40-километровый марш в направлении Клещеле, то есть вернуться почти туда, откуда полк выступил. Личный состав был деморализован, полк оказался в безнадежном состоянии. Путь полка можно было проследить по валявшимся на обочинах дорог противогазам и скаткам шинелей.

Даже поднятые по тревоге советские части не располагали ни необходимым для организации обороны временем, ни возможностями. Немцы в очередной раз пожинали плоды внезапности, характерной и для предыдущих кампаний. Однако кампания в России, и это стало ясно практически с первых дней, имела фундаментальные отличия от европейских. Вермахту пришлось столкнуться с самым многочисленным и хорошо вооруженным противником из всех имевшихся. Споры нет, противника этого удалось перехитрить у

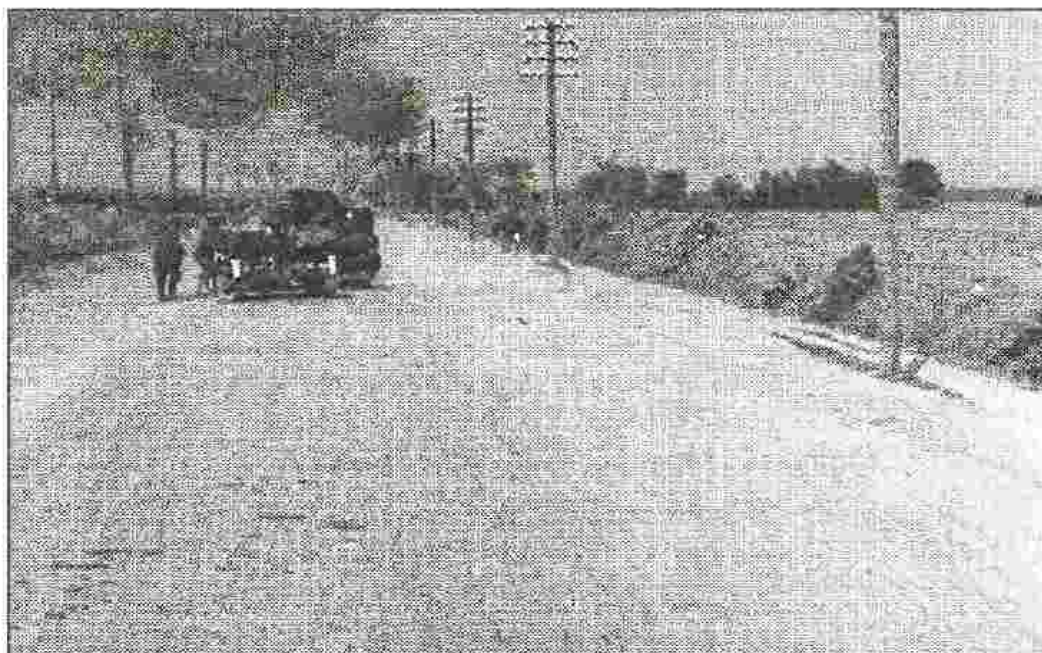
границы, но у немцев в запасе оставалось крайне мало времени - противник этот уже начинал опоминаться. Германские силы и германская экономика были ориентированы на короткие и победоносные кампании, но никак не на затяжную войну. И расстояния в России были, мягко говоря, по-больше. Западноевропейские категории были просто неприменимы к просторам Советского Союза. Основное предварительное условие кампании - выведение из строя

красных ВВС выполнить удалось. Теперь оставалось ждать момента, когда окончательно выяснится, либо враг разбит наголову, либо все же располагает определенными резервами в глубоком тылу. Французы после Дюнкерка сражались отчаянно, однако у них не оставалось ни территории, ни сил для организации сопротивления. В России ситуация складывалась несколько иначе. Группа армий «Север» под командованием фельдмаршала Вильгельма фон Лееба представляла собой самую малочисленную из трех армейских группировок.

Директивой ОКХ по плану «Барбаросса» от 31 января 1941 года она имела задачу разгромить неприятельские войска в Прибалтике, овладеть портами на Балтийском море, а также Ленинградом и Кронштадтом с целью лишить Балтийский флот его баз. Ни перед одной из двух других групп армий не стояла задача преодолеть такие огромные расстояния. Входящая

в состав группы армий «Север» 4-я танковая группа под командованием генерал-полковника Гёпнера состояла из трех танковых дивизий, трех моторизованных дивизий и трех пехотных дивизий. Если прибавить еще два армейских корпуса – 16-й и 18-й, состоявших из 8 и 7 пехотных дивизий соответственно, то группа армий «Север» наступала силами лишь 18 дивизий, то есть примерно наполовину меньшим количеством этих соединений, чем те, что имелись в распоряжении групп армий «Центр» и «Юг» (включая и три румынские дивизии).

Непосредственную поддержку с воздуха армейской группировке фон Лееба оказывали примерно 380 самолетов из состава 1-го воздушного флота*(автор ошибается. Всего в состав группы армий «Север» входили 20 пехотных дивизий, 3 танковые дивизии, 3 моторизованные дивизии и 3 охранные. То, что автор называет «армейскими корпусами», на самом деле являлось полноценными полевыми армиями - 16-й и 18-й. Авиация 1-го воздушного флота насчитывала около 530 самолетов. Общая численность войск группы армий составляла св. 700 000 чел. Предполагалось, что до 4 июля 1941 года из резерва главного командования сухопутных войск в состав группы армий придут еще две пехотных дивизии. Прим. Ред).*

Литва. Пехотинцы прячутся в дорожном кювете от «сибирских снайперов»

В отличие от групп армий «Центр» и «Юг», перед фронтом группировки фон Лееба войска противника удерживали значительно более короткую по протяженности линию и имели значительно меньшую плотность. Войска Красной Армии в недавно оккупированных Прибалтийских республиках были рассредоточены на большой территории. По данным немецкой разведки, значительные советские танковые формирования размещались в районе Пскова. Поэтому ни о каких охватных операциях и сражениях на окружение думать не приходилось. Лееб подчинил непосредственно себе относительно слабую 4-ю танковую группу Гёпнера, именно она и составляла главную ударную силу его группировки. Эффект внезапности достигался за счет повышенной скорости наступления. Каждый этап опера_

ции имел целью не окружение сил противника, а быстрое продвижение к Даугавпилсу, Пскову и Ленинграду, которые и рассматривались последовательно, как стратегические цели. Танки образовывали ударный клин наступления, а пехота двигалась на флангах, атакуя противника у самого острия упомянутого клина, как бы подталкивая вперед танковые соединения. Самой ближайшей целью считался Даугавпилс и оба его моста через Западную Двину. Взламывая на ходу оборону врага, немецкие танки не давали ему опомниться и гнали дальше и дальше на восток.

Сопrotивление советских войск на границе довольно скоро прекратилось, и уже к концу первого дня войны 8-я танковая дивизия сумела вклиниться в советскую территорию на 80 км, захватив плацдарм на реке Дубисса. Успех наступления послужил командованию основанием для отправки в 19 часов 55 минут в вышестоящий штаб следующего донесения: «Войска продолжают стремительное продвижение в восточном направлении». Относительно неприятеля «у командования дивизии сложилось впечатление, что соединение пока что не вступило в боевое соприкосновение с основными силами противника».

В 4 утра на следующий день воздушная разведка сообщила о моторизованных колоннах русских, продвигавшихся к северу из исходного пункта северо-западнее Вильнюса.

Целью русских был важный узел дорог - литовский город Кедайнай. Силы русских, включавшие от 200 до 350 танков, явно нацеливались на 8-ю танковую дивизию,

наступавшую на острие клина 56-го танкового корпуса. Речь шла о советской 2-й танковой дивизии. Она успела миновать Кедайняй, но 56-й танковый корпус немцев не застала, однако нанесла удар по частям 6-й танковой дивизии 41-го танкового корпуса в районе Расейня в 60 км дальше. Командующий 4-й танковой группой Гёпнер пошел на заранее про-

считанный риск. Невзирая на мощь атакующей русской группировки - 300 танков и плюс артиллерия и пехота, сравнимые по численности с атакуемым ею корпусом немцев командующий приказал 41-му корпусу своими силами разгромить силы русских. Возглавлявшая наступление 8-я дивизия 56-го корпуса и 8-я танковая дивизия нацелились на Даугавпилс для выполнения поставленной ранее задачи. Блицкриг становился реальностью.

24-26 июня 1941 года 29 тяжелых советских танков неизвестного немцам типа были окружены и уничтожены 41-м танковым корпусом, укомплектованным большей частью легкими танками Т-II и Т-III чешского производства. Тактическое превосходство немцев оказалось сильнее новейших танков русских. И решение не отвлекать основные силы от выполнения главной задачи привело к желаемому результату - когда танковая дуэль у Расейня отгремела, передовые части 8-й танковой дивизии вермахта уже выходили к мостам через Западную Двину. Они на целых 100 км опередили свою группу армий.

Гауптштурмфюрер Клинтнер из моторизованной дивизии СС «Мертвая голова», наступавшей во втором эшелоне, вспоминал: «Жара, грязь, пыль - вот с чем у меня связаны те дни.

Мы не видели неприятеля, разве что группы пленных, бредущих под конвоем вдоль дороги. Стоило нам пересечь границы рейха, как местность разительно изменилась - Литва отчасти напоминала то, с чем нам пришлось столкнуться в России - песчаные проселочные дороги, покосившиеся сельские домишки, напоминавшие лачуги». Палящее солнце проглядывало сквозь облака пыли, поднятой колесами грузовиков и гусеницами танков. «Воздух, - продолжал Клинтнер, - был наполнен гарью и копотью боев, ты каждым нервом вдруг почувствовал грозное дыхание передовой». Всех поражало обилие техники, брошенной русскими при отступлении и громоздившейся вдоль обочин дорог и в кюветах.. «Вдруг головы всех словно по команде повернулись направо. Мы увидели первого за эту кампанию убитого русского, словно воплощавшего собой всю разрушительную силу войны. Монголоидное лицо, изуродованное в бою, разодранное обмундирование, голый живот, весь в ранах от осколков. Колонна, чуть замедлившая движение, вновь устремилась вперед. Я, под впечатлением только что увиденного, откинулся на сиденье».

Через Западную Двину (Даугаву), ширина которой на этом участке составляет около 300 метров, перекинулись два моста - автомобильный и железнодорожный. Овладение этими мостами обеспечивало сохранение темпов наступления войсками восточного фланга группы армий «Север». Для захвата Даугавпилса была выделена штурмовая группа подполковника Крисолли, следовавшая в составе передовых частей. В ее состав входили танковый и пехотный полки (10-й и 18-й соответственно), мотоциклисты и подразделения разведки, а также артиллерийские части и диверсионная рота полка «Бранденбург-800» под командованием Лера. Именно этой 8-й роте было поручено проведение дерзкой операции по овладению мостами.

Полк «Бранденбург-800» создавался для проведения диверсионной деятельности в тылу противника перед вторжением регулярных войск вермахта и уже имел опыт проведения подобных операций в ходе предшествующих кампаний в Польше и Франции. В его задачу входило проникновение в тыл противника, захват или уничтожение важных объектов, штабов командования, мостов и т.п. Подразделение подчинялось непосредственно начальнику абвера адмиралу Канарису, а штаб и база находились в Бранденбурге. В октябре 1940-го диверсионные отряды свели в отдельный полк «Бранденбург», при этом его батальоны базировались в разных городах Германии, готовясь к действиям в сопредельных странах. Затем в течение года полк разросся до размеров полноценной дивизии.

Как уже упоминалось, это подразделение предназначалось для ведения диверсионной войны. В ходе обучения диверсанты учились обезвреживать заложенные противником взрывные заряды и удерживать захваченные объекты до подхода своих войск; кроме того, на них возлагались и разведывательные задачи. От личного состава полка требовались высокие физические и психологические кондиции, поскольку действовать им приходилось в экстремальных условиях. Кандидаты на службу в эту часть отбирались из числа солдат и офицеров, проявлявших склонность к риску и авантюрам, при условии знания иностранных языков.

Эдуард Штайнбергер, уроженец Южного Тироля, служивший в этом подразделении, поясняет: «Дивизия «Бранденбург» первоначально состояла, главным образом, из немцев, но не из рейха - судетских немцев, владевших чешским языком, нескольких немцев из Палестины и добровольцев из Западной Украины. Люди были отовсюду, говорили на разных языках, но командовали исключительно немцы».

Обер-лейтенант Вольфрам Кнаак, командир 8-й роты «бранденбуржцев», был ранен во время операции по захвату моста - аналогичной кедайняйской. Он прекрасно знал, насколько опасно действовать в диверсионной группе, движущейся впереди наступающих войск. «Стоило командующим дивизиями, куда мы были прикомандированы, понять, что имеют дело с «бранденбуржцами», как они тут же пускали нас впереди своих частей в боевое соприкосновение с противником».

Кнаак разделил свою группу на две, одну направив на захват железнодорожного моста, а другую - автомобильного. Штайнбергер описал состав этих групп, их вооружение и распределение обязанностей. Личный состав их равнялся примерно половине роты, то есть 60-70 бойцов, а чаще всего численность группы не превышала взвод – 20-30 человек.

«Мы всегда отправлялись на задание в чужой военной форме, - например, накидывали поверх формы вермахта красноармейскую. В случае необходимости ее можно было быстро сбросить» .

Следует помнить, что в плен диверсантов не брали, - их расстреливали на месте. Поэтому «мы всегда тщательно разрабатывали предстоящую операцию, чтобы потом разыграть ее как по нотам», - поясняет Штайнбергер. Вот что он рассказывал о захвате мостов: «Обычно мы передвигались на трофейных русских грузовиках, один из нас, тот, кто говорил по-русски, сидел в кузове, а те, кто говорил по-латышски или, там, по-эстонски, - в кабине». Ранним утром 26 июня группа Кнаака на захваченных грузовиках с включенными фарами стала продвигаться к мостам, едва видневшимся в предрассветной мгле. Железнодорожный и автомобильный мосты, отделенные излучиной реки, находились примерно в полутора километрах друг от друга. В деревушке Варпас, в 3 километрах от Даугавы, обе группы разделились, каждая направилась к своему объекту. Группа, получившая задание захватить железнодорожный мост, на подъезде к нему миновала пять стоявших на обочине советских броневедомок и остановилась между ними и другими броневиками, охранявшими предмостные укрепления. Когда защитники моста разобрались, кто находится в грузовиках, началась страшная неразбериха. Экипажи броневедомок не стали открывать огонь, видимо, из опасения перестрелять своих, а затем просто отступили к городу, чтобы занять новые, более удобные огневые позиции. Тем временем фельдфебель Крукеберг, спрыгнув на мост и быстро определив местонахождение проводов взрывного устройства, попытался перерезать их.

Группа обер-лейтенанта Кнаака в колонне беженцев доехала до пригородного района Даугавпилса Гривы, расположенного на южном берегу Западной Двины. В первом из трех грузовиков Кнаак въехал на мост. Поравнявшись с красноармейским постом, диверсанты увидели, что охрана занята разговором с гражданскими лицами, судя по всему,

тоже русскими. Не теряя времени, немцы приступили к операции. Самых ближайших часовых прикончили штыками, но те все же успели поднять тревогу. Кнаак, поняв, что операция может сорваться, велел шоферу поддать газу, и на большой скорости грузовик устремился на другой конец моста. Остальные машины последовали за ним. Услышав доносившуюся со стороны Гривы стрельбу и разрывы гранат, головной 10-й танковый полк двинулся к мосту. По приказу командира полка подполковника Гронхофера танки ехали с закрытыми крышками люков, а вскоре лязг их гусениц раздался на улочках Гривы. Гражданское население тут же попряталось. Сидевший в кабине обер-лейтенант Кнаак прокричал водителю не сбавлять скорость. Следовавшие за ним бойцы его группы не отставали. Вдруг вспышка и грохот выстрела - огонь вели с дальнего берега Даугавы. В следующую секунду в грузовик угодил противотанковый снаряд. Грузовик потерял управление. Мертвый Кнаак вывалился из кабины. Тут же из окон домов на берегу реки русские открыли ураганный огонь по машинам с диверсантами. Но на мост уже въезжали немецкие танки. От разрыва снаряда, попавшего в металлоконструкции моста, сдетонировала часть заряда, предназначенного для подрыва. Повреждения оказались незначительными, однако на какое-то время немецкие танки остановились. Солдаты диверсионной группы оказались в ловушке. Штайнбергер так вспоминал, что произошло:

«Никто не мог понять, где свои, а где чужие, и от надвигавшихся танков в этом хаосе досталось и немцам. В успешных операциях мы потерь либо не имели, либо они бывали незначительны. Но, если что-то пошло не так, например, когда противник нас обнаруживал, тогда погибали практически все.

Первыми мост через Даугаву миновали танки взвода, которым командовал лейтенант Шмидт. Вскоре оставшиеся машины 9-го батальона 10-го танкового полка вступили в ожесточенный бой с русской пехотой. Красноармейцы связками гранат пытались подорвать гусеницы немецких танков. На улицах города в бой вступила советская противотанковая артиллерия, но немецкие танки и пехота, переправившись по мосту, уже начали проникать в город.

Бои не утихали целый день, над городом поднимались огромные клубы дыма. Русские несколько раз предпринимали безуспешные попытки отбить мосты. Ничего не дали

и атаки двухмоторных советских бомбардировщиков, пытавшихся разбомбить мосты. Красноармейцы группами старались пробраться к мосту и привести в действие заложенные под опорами взрывные устройства. Всего в ходе боев за мосты через Даугаву (Зап. Двину) немцы уничтожили 20 легких русских танков, 20 артиллерийских и 17 противотанковых орудий. Таким образом, войска группы армий «Север», преодолев Западную Двину, создали плацдарм для наступления немецких войск на Ленинград.

«Новостей никаких»

В рейхе народ новостями особо не баловали. После первого сообщения о начале кампании в России население целую неделю не имело никакой информации о ее ходе, если не считать, конечно, крайне скудных ежедневных сводок ОКВ. В них не назывались ни номера частей и соединений, ни советские населенные пункты. Имперский министр пропаганды Геббельс был непревзойденным мастером по части манипулирования общественным сознанием. «Настроение в массах можно охарактеризовать как упадок духа, - записал он в свой дневник 23 июня. - Нация желает мира, но не ценой поражения, однако каждый новый театр военных действий пугает и беспокоит». Прекрасно зная об успехах, достигнутых в начале кампании, он 25 июня тем не менее записал: «Пока что мы не включаем никаких деталей в сводки ОКВ - врага необходимо держать в неведении». И, надо сказать, этот период неведения был использован Геббельсом мастерски. Прессе запретили публиковать карты России, на которых эта страна была представлена целиком. «Огромные расстояния могут напугать общественность», - так мотивировал он свое решение. В точности так же резко рейхсминистр пропаганды был настроен против оглашения сроков завершения этой кампании, о которых

трубило имперское Министерство иностранных дел. «Если мы станем говорить о четырех неделях, а в итоге выйдет шесть, наша величайшая победа обернется чуть ли не поражением. Я даже заставил гестапо принять меры против одного, самого рьяного крикуна», - признался Геббельс.

Нервозность и обеспокоенность первых дней сменялись безмолвным одобрением и доверием. Уверенность в скорой победе над Россией стала общепринятым взглядом, что было следствием предшествующих победоносных кампаний. Распространялось множество слухов, лишь подливавших масла в огонь. Говорили о взятых в плен более 100 тысяч русских. Отчет СС о «Ситуации В рейхе» гласил: «Уже во вторник (т.е. на третий день войны. Прим. авт.) люди говорили об уничтожении 1700 русских самолетов. К среде уже называлась цифра 2000. Люди были убеждены, что германские войска углубились в русскую территорию куда дальше, чем официально сообщалось. Все карты России исчезли с прилавков книжных магазинов. В Дрездене ходили слухи, что вермахт уже в сотне километров от Москвы».

В письмах солдатам на фронт в качестве постоянной темы присутствует обеспокоенность недостатком информации о боевых действиях на Восточном фронте. Одна женщина на восьмой день кампании в письме своему супругу писала следующее: «Вот и опять наступило воскресенье, а тебе столько за эту неделю довелось пережить. И сегодня от тебя нет письма». 28 июня одна мамаша, убежденная нацистка из Брандта, писала сыну: «Я ни на минуту не сомневаюсь в победе над этими собаками, которых и людьми-то не назовешь». И все же, несмотря на все догмы национал-социализма, в письме проступает тревога за сына, сражающегося на фронте: «Из утренних сообщений Верховного главнокомандования вермахта мы узнаем, как и где мы поддали этим варварам. Мой дорогой мальчик! Ты знаешь, как я беспокоюсь о тебе и о Йозефе! Как только появится возможность, черкни мне хотя бы открыточку» .

Из трех группировок, сосредоточенных для вторжения в Советский Союз, наиболее мощными силами располагала группа армий «Центр». Перед входившими в ее состав танковыми группами – 3-й и 2-й (Гота и Гудериана соответственно) стояла задача окружить советские войска, находившиеся на границе, и не допустить их отхода в глубь территории страны, где они могли бы закрепиться на естественных водных преградах, реках Днепр и Западная Двина. Требовалось как можно скорее выйти в верховья этих рек и закрепиться там, поскольку именно в этих местах проходит дорога Минск - Смоленск - Москва. Иными словами, войска фон Бока двигались по тому же маршруту, которым сто тридцать лет назад проследовала «Великая армия» Наполеона. Когда массированное наступление танковых сил группы армий «Центр» неудержимо покатило на восток, германская воздушная разведка стала докладывать о бесконечных колоннах русских, отступавших из Белостокского выступа.

Одновременно поступали сообщения о растущем сопротивлении русских, которое, по мнению командующего группой армий «Центр» фельдмаршала фон Бока, по сути, было не чем иным, как прикрытием отступления. Первоначальный замысел плана «Барбаросса» предусматривал, что первое кольцо окружения советских войск должно будет замкнуться в районе Минска. Фон Бок настаивал на том, чтобы танковые группы продолжали стремительное наступление до Смоленска, то есть на 320 км восточнее. Таким образом удалось бы воспрепятствовать отходу значительных сил Красной Армии в заболоченную пойму Березины. Однако в штабе ОКХ с некоторой иронией напомнили ему о том, что

нечто подобное уже случилось однажды с немецкими войсками у Мааса под Седаном в ходе французской кампании 1940 года, когда из-за стремления во что бы то ни стало выйти к проливу Ла-Манш создал ось угрожающее положение для наступавших танковых дивизий. До каких пор можно гнать вперед танки, игнорируя неизбежное при этом оголение флангов? ОКХ настаивало на соединении обеих танковых группировок в районе Минска, как это предусматривалось первоначальным замыслом плана «Барбаросса». 24 июня 3-я танковая группа Гота повернула на юг. В результате советские войска били во фланг 2-й танковой группы Гудериана. Пехотные дивизии 4-й и 9-й армий имели задачу уничтожать отдельные очаги сопротивления советских войск и обеспечивать поддержку наступающих танковых соединений.

Уличные бои в Либаве. Обратите внимание на солдата с сигаретой. У него трофейный советский автомат ППД

К 25 июня войска группы армий «Центр» завершили формирование двух первых котлов: 12 советских дивизий уже были окружены в районе Белостока и Волковыска; в течение последующих четырех дней еще 15 советских дивизий попали в окружение в районе Минска. Однако по многочисленным попыткам русских контратаковать было ясно, что они готовы сражаться до последнего из чистого инстинкта самосохранения. А в Германии по-прежнему воздерживались от «специальных сообщений». Эти победоносно-оптимистически

звучавшие фанфары были неотъемлемой частью предыдущих кампаний, в частности кампании во Франции, и возвещали о блистательных победах несокрушимого вермахта.

Эдит Хагенер писала мужу в действующую армию: «Дорогой мой. Нам в эти времена предстоит быть храбрыми, черпая силы из прошлых, чудесных и проведенных вместе лет. После опустошающей тоски первых дней я постепенно прихожу в себя, поскольку мне предстоит оставаться любящей матерью наших с тобой детей и настоящей женой для тебя. Здоровья тебе, дорогой мой. И пусть тебя оберегает бог и моя любовь к тебе. Твоя Эдит».

Геббельс, будучи куда более информированным, нежели рядовые немцы, оптимистично заключал: «Брест взят. Все цели первого дня достигнуты. Так что сложностей никаких. У нас есть все основания торжествовать. Советский режим неизбежно развалится, как трухлявый пень. [запись следующего дня] Наше новое оружие сокрушает их. Русские, трясась от ужаса,

покидают бетонные бункеры, они напуганы так, что их нет смысла допрашивать даже на следующий день... Все осуществляется согласно плану и даже с опережением его».

Ни о чем подобном широкой публике знать не дозволялось. Единственное, о чем имперский министр пропаганды говорил в открытую, были проблемы метеорологического порядка. «Изнуряющая жара, _ констатировал он. _ Нелегкие дни для наших солдат». Одной домохозяйкой, которой уже не вмоготу стало дожидаться писем с фронта, судя по всему, руководили несколько иные эмоции: «Если бы я только могла знать, что там с тобой, любовь моя. Здоров ли ты? Надеюсь, что все у тебя в порядке. Как бы мне хотелось прибежать к тебе и принести поесть и освежиться в эту жарюшу - тебя наверняка мучает жажда, я знаю. Где ты находишься, любовь моя? Я так жду твоего письма. Напиши, как только сможешь. Может, ты где-то поблизости от Брест-Литовска, где идут бои?» Женщина не ошиблась. Бои в этом пограничном городе все еще продолжались.

«Брест... «Удивляюсь, как это Я все еще жив!»

На четвертый день боев в Бресте в трех пехотных полках 45-й пехотной дивизии вермахта были сформированы штурмовые группы из саперов и пехотинцев для овладения оставшимися до сих пор в руках русских опорными пунктами. В поддержку им выделили шестиствольные минометы. Гельмут Бётхер, сапер такой штурмовой группы, описывает действие этих минометов:

«Для этого в ход пошли особые реактивные снаряды. Дальность у них была небольшой, а вот взрывная мощь огромной. Страшнее оружия, как мне кажется, не было на тот момент. В радиусе трех - трех с половиной метров ничего живого не оставалось, из-за вакуума, поражавшего легкие и человека, и животных. Ужас, и только. После такого взрыва погибшие замирали будто куклы - да, да! Сидели, замерев в неподвижности на скамейке или на чем там их смерть застала. Погибали все стопроцентно, и смерть наступала мгновенно. Жуть!»

Было принято решение очистить Северный остров от противника и только потом переходить к завершающему штурму цитадели. С самого начала атакующих поджидали невероятные трудности. Так, например, проведение артподготовки было признано невозможным вследствие небольшой площади крепости. «Стрелковое оружие оказалось неэффективным против стен крепости, - докладывали из штаба 45-й пехотной дивизии, - а танков или самоходных артиллерийских установок в наличии не имелось». Единственный огнемет, оставшийся у бойцов 81-го саперного батальона, также ничего не решал, поскольку подобраться вплотную к неприятелю можно было лишь при наличии средств бронезащиты. Предпринимались попытки воспользоваться захваченными у русских танками.

Только что сформированные штурмовые группы приступили к зачистке выявленных очагов сопротивления. Дарья Дмитриевна (так в тексте. _ Прим. перев.), жена одного солдата-артиллериста, со слезами вспоминает о том, что пришлось пережить во время этих боев:

«Мы целую неделю просидели в подвалах казармы без воды и пищи. Ворвавшись в крепость, фашисты стали забрасывать подвалы дымовыми гранатами. На моих глазах, задыхаясь, гибли дети, а я ничего не могла сделать. Я до сих пор не понимаю, как я уцелела, - это чистая случайность. До сих пор это не укладывается у меня в голове». Рукопашные схватки, завязывавшиеся во время этого штурма, носили крайне ожесточенный характер. Окруженные красноармейцы, понимая, что их ждет, отбивались даже ножами. Красноармеец Григорий Макаров вспоминает, что перед атакой немцы забрасывали их гранатами со слезоточивым газом, «и тогда все вокруг заволакивали клубы ядовитого дыма». Бок о бок с солдатами, оборонявшими казематы крепости, находились женщины и дети. Макаров видел труп мальчика, задохнувшегося в дыму. Рядом сидела его мать и по-прежнему закрывала лицо ребенка меховой рукавичкой. «А сколько было раненых! - продолжает рассказ Макаров. - И никаких перевязочных средств, ничего, чтобы остановить гангрену или нагноение. От этого

погибло много раненых».

Лейтенант Шнайдербауэр из взвода 50_ММ противотанковых орудий (45-я пехотная дивизия) получил приказ выдвинуть пушки на прямую наводку для оказания огневой поддержки наступающей пехоте. Шнайдербауэр вспоминает о том, что они увидели на Южном острове: «Эти метры превратились для нас в сплошной ожесточенный бой, не стихавший с первого дня. Все кругом уже было разрушено почти до основания, камня на камне не оставалось от зданий. Вокруг валялись трупы красноармейцев и лошадей. В воздухе разило горелым мясом и тленом».

Когда специально сформированные штурмовые группы приступили к зачистке занятых неприятелем зданий, 50-мм орудия обеспечивали огневую поддержку, ведя огонь по окнам и предполагаемым временным огневым точкам врага. Огонь русских снайперов оказался смертельным для очень многих наступавших. Так, на месте был убит офицер из роты пропаганды, не обращавший внимания на предостережения. Попытка решить простыми средствами крайне сложную задачу обернулась для немцев затяжными и кровопролитными сражениями. Санитары с носилками под огнем пробирались к раненым, но нередко сами становились жертвами пуль и осколков. «Каким-то невероятным образом, - рассказывает Шнайдербауэр, - им удавалось вытащить из-под огня кого-нибудь». Попытка взять измором защитников крепости превратилась в муку и для самих штурмовавших. Командир взвода противотанковых орудий своими глазами видел, как: «...саперы штурмовой группы забрались на крышу здания как раз напротив нас. У них на длинных шестах были заряды взрывчатки, они совали их в окна верхнего этажа - подавляли пулеметные гнезда врага. Но почти безрезультатно - русские не сдавались. Большинство их засело в крепких подвалах, и огонь нашей артиллерии не причинял им вреда. Смотришь, взрыв, еще один, с минуту все тихо, а потом они вновь открывают огонь».

Эти краткие минуты замешательства защитников Крепости немцы старались использовать и прорваться в казематы. Шнайдербауэр вспоминает: «Мы, ворвавшись туда, заваливали все выходы тем, что под руку попадет: камнем, кусками решеток, яшиками, чтобы лишить русских возможности выбраться». Здание Дома офицеров, словно заноза, мешало операциям по зачистке Северного острова. Немцы постоянно попадали под продольный огонь русских. 81-й штурмовой саперный батальон получил задачу уничтожить здание. Подрывники, взобравшись на его крышу и привязав к длинным шестам мощные взрывные устройства, опустили шесты на уровень окон, после чего была дана команда на подрыв. «Послышались крики и стоны раненых русских, - записано в отчете дивизии, - но огонь продолжался».

Условия в обороняемых русскими объектах становились невыносимы. Медсестра К. Лешнева, описывает: «В казематах мы оказывали раненым медицинскую помощь, в том числе женщинам и детям. К тому времени у нас кончились перевязочные материалы, лекарства и вода. Острее всего ощущалась нехватка воды. Доставить ее с реки было невозможно, но надо ведь было хоть немного напоить раненых!»

Георгий Карбук описывает мучения, которые выпали на долю оборонявшихся красноармейцев. «Самое тяжелое - это нехватка воды, - поясняет он. _ Вода требовалась для охлаждения пулеметов «максим», иначе стволы перегревались, и пулемет заклинивало. И тут же рядом с пулеметами лежали раненые, изнемогавшие от жажды».

«Приходилось выбирать, что важнее. Сохранять оружие в боеспособном состоянии или спасать людей. А вокруг лежали раненые, многие при смерти, они метались, бредили, просили воды. Целые семьи были там! С детьми! Сколько людей мучилось от жажды! А рядом, всего в двух шагах, две реки!»

Немцы считали, что пока их успехи более чем иллюзорны. «Только сейчас после тяжелых

боев пала брестская цитадель», - записал командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок в свой дневник 25 июня. Но уже на следующий день мощнейший взрыв потряс массивное здание, где размещалось политучилище. 81-му штурмовому саперному батальону удалось взорвать метровые кирпичные стены. Наружу вывели группу оглушенных пленных - 450 человек. Последним препятствием оставался Восточный форт. Все подходы к нему перекрывались прицельным огнем тяжелых пулеметов. Солдаты 45-й пехотной дивизии вермахта рассказывали, что «единственным выходом было вынудить русских сдаться, взяв их измором - голодом, и в первую очередь жаждой. Все остальные средства хоть как-то ускорить этот процесс, включая ураганный огонь тяжелых минометов, атаки танков, призывы по громкоговорителю, листовки, - все оказались безрезультатными».

Нехватка воды превратилась для защитников крепости в тяжелейшее испытание. Медсестра К. Лешнева своими глазами видела, «как одну нашу медсестру застрелили на лужайке у берега реки, когда она попыталась зачерпнуть воды. Я своими глазами видела. Мы даже не смогли оттащить тело. Она восемь дней так и пролежала на траве». Немцы не гнушались никакими средствами, чтобы сломить волю оборонявшихся. Георгий Карбук вспоминает:

«Немцы установили мощные прожекторы на другом берегу, которыми всю ночь освещали наш берег. От этого света никуда нельзя было скрыться, они обшаривали каждый кустик.

Стоило кому-нибудь из нас попытаться пробраться к реке, как его тут же замечали. Там, на берегу, многие погибли». Осада длилась вот уже шестой день. Один русский перебежчик признался, что силы обороны, центром которой являлся Восточный форт, насчитывали 20 офицеров и 370 солдат и сержантов из 393-го зенитного батальона 42-й советской стрелковой дивизии. Они имели в своем распоряжении счетверенный зенитный пулемет, 10 легких пулеметов, 10 автоматов, 1000 ручных гранат и много других боеприпасов и продовольствия. Так что, скорее всего, сдаваться они не собираются. «Воды там мало, но ее добывают, прорывая скважины в земле». В форте также находятся женщины и дети. «Штаб обороны возглавляют майор и комиссар». Несмотря на большое количество пленных, захваченных за сутки до этого, немцы по-прежнему несли ужасающие потери. А с ними пришло и горькое разочарование, в свою очередь, порождавшее чувство бессмысленности дальнейших попыток овладеть цитаделью.

28-й танковый взвод подогнал два странных на вид танка. Один - французский танк «Сомуа», трофей предыдущей кампании во Франции, другой танк еще недавно принадлежал русским. Оба танка открыли огонь по бойницам, амбразурам и окнам зданий Восточного форта. «Русские заметно приутихли, - как следует из донесения дивизии, - однако до сих пор нет признаков успеха». Попытки подавить огневые точки защитников крепости продолжались, но по-прежнему не давали результатов. Немцев выводили из себя снайперы, «непрерывно стрелявшие отовсюду - из самых, казалось, неподходящих мест: из-за мусорных контейнеров и куч мусора». Естественно, их уничтожали, но «стрельба из Восточного форта продолжалась с новой силой».

Григорий Макаров, красноармеец, вспоминает атаку «немецких химических войск» 27 июня. Они использовали слезоточивый газ. По словам Макарова, у защитников было

достаточно противогазов: «Они были велики для детей. Но мы натягивали их им на голову, а снизу подвязывали чем-нибудь, и газ не проникал под маску. Только у одной женщины был мальчик, ему было полтора года. Тут уж мы ничего не могли сделать, он так и задохнулся».

Подобные трагедии приводили к тому, что сопротивление красноармейцев только усиливалось. Против упрямых защитников крепости применялись и другие меры. Гельмут Бёттхер, боец штурмового саперного подразделения, воевал в огнеметном взводе. Следует подчеркнуть, что этот человек считал себя «обычным солдатом». И считал вполне нормальными изуверские методы ведения боев, описание которых наверняка смутит воспи_

танных на гуманных и демократических ценностях западных читателей. Хлебнувшие тоталитаризма, вероятно, будут потрясены куда меньше. «Мне было 19 лет, - рассказывает Гельмут Бёттхер, - я часто задумывался надо всем этим, ведь меня заклемили, как убийцу, но на войне-то я был героем». Следует добавить, что самые жуткие вещи на войне зачастую становятся нормой. Детство Бёттхера было самым обычным, хоть ему и приходилось несладко. Выросший в годы экономического кризиса, он, по его словам, «в 14 лет оказался на улице и выжил лишь благодаря армейской службе». Он нередко вызывался участвовать в самых разных акциях, но не с огнем в руках. «Мне приказали», - оправдывается он. Армейская жизнь открывала перед ним массу новых возможностей, и он, «как все», пытался ими воспользоваться. Однако назначение в Брест в огнеметный взвод явно не обрадовало его. «Жутко себе представить такую службу, но хочу сказать, что огнеметчиков в плен не брали. Их на месте пристреливали».

Огнемет тоже требует сноровки. Он представлял собой укрепленный на спине аппарат ранцевого типа - емкость с горючим и нагнетатель весом в 21 Кг. Горючее представляло собой легковоспламеняющуюся смесь, поступающую под давлением в распылитель. Струя горячей жидкости мгновенно превращала жертву в пылающий факел. Аппарат снабжался регулятором давления и толщины струи, что делало его еще более опасным для противника. Но и сам огнеметчик был крайне уязвим для вражеских пуль. Бёттхер поясняет:

«Струя пламени достигала 30 м в длину, температура - 4000 градусов. Стоило подобраться к траншее и провести по ней струей огня, как там уже спасения ни для кого не было - безопасных закоулков не оставалось. Большинство гибло на месте, некоторым везло - им только выжигало глаза. А вообще, это, конечно, был кошмар», - признается Бёттхер.

До сих пор на стенах цитадели Брестской крепости видны странные темноватые пятна - оплавленный кирпич, напоминающий вулканическую лаву. Георгий Карбук вспоминает:

«Немцы применяли против нас огнеметы. Сунут, бывало, наконецник в подвальное окошко и полыхнут как следует. Сами-то они подвалов избегали. Кирпич, и тот таял, как воск.

Или забрасывали гранатами подвалы, где семьи прятались».

Шестой день осады. Солнце нещадно палит. Большая часть цитадели, включая Северный остров, уже захвачена немцами, но Восточный форт держится. Повсюду раздувшиеся на жаре трупы русских солдат, их скидывают в траншеи и воронки и кое-как забрасывают землей и битым кирпичом. Смерть меньше не становится. В прибрежных камышах на воде раскачиваются другие трупы - немцев. Кажется, что этим русским, с сумасбродной отчаянностью оборонявшим крепость, все нипочем. «Все было выжжено дотла, - вспоминает уже знакомая нам медсестра Качова Лесневна, - дома, даже деревья, все».

Состояние раненых становилось критическим: «Мы разрывали одежду на лоскуты, чтобы перевязать раны. Воды не было. Раненые мучились. Достать воды не было никакой возможности - все под огнем. Иногда удавалось чудом зачерпнуть ведро, но что такое ведро на столько людей?

Всем доставалось буквально по несколько капель. Мы с риском для жизни приносили чуточку воды, чтобы хоть губы смочить раненым. О себе уже говорить не приходится. А они с такой жадностью набрасывались на эти капли. «Сестра, сестра, дай водички», - просили они. А мы ничего не могли им дать».

Утром 28 июня два уцелевших танка 28-го танкового взвода получили подкрепление - несколько спешно отремонтированных самоходных артиллерийских установок. Обстрел стен Восточного форта продолжился, но по-прежнему без видимых результатов. Вперед выщинули 88-м зенитное орудие и открыли огонь прямой наводкой. Но и это не помогло, -

сдаваться никто не собирался. Пытаясь переломить ситуацию, генерал-майор Шлипер, командир 45-й дивизии, запросил помощь сил люфтваффе с ближайшего аэродрома Малашевичи. Как только договоренность была достигнута, немецким солдатам отдали приказ немедленно очистить территорию крепости и отойти на безопасное расстояние. Низкая облачность несколько отодвинула время начала воздушной операции люфтваффе. Солдаты вермахта вновь сомкнули кольцо окружения, чтобы не позволить защитникам выйти. Целую ночь стены крепости освещали прожекторы. Любая попытка немцев хоть на несколько метров приблизиться к форту вызывала ураганный автоматный и пулеметный огонь. Из окруженного форта беспрестанно тянулись огненные строчки трассирующих пуль. Сдадутся они когда-нибудь или нет?

29 июня в рейхе наконец-то узнали новости с Восточного фронта. Предваряемая фанфарами Листа сводка новостей гласила: «Советские военно-воздушные силы полностью уничтожены». И далее: «Мощные приграничные укрепления противника частично прорваны в самый первый день». Бодрый голос диктора перечислял победу за победой. «23 июня враг предпринял попытку контратаковать передовые части наших стремительно наступавших войск», но «германский солдат был и остается победителем». Далее следовал список занятых немцами населенных пунктов. Сообщили о взятии с боями крепости в городе Гродно. «Последний оплот врага, Брестская цитадель, захвачена нашими войсками 24 июня».

Взяты Вильнюс и Каунас. Всего за тот день 29 июня 1941 года по радио прозвучали 12 сводок ОКВ. Геббельс ликовал: «Под Белостоком окружены две армии красных». «У врага нет ни малейшей возможности прорвать кольцо окружения. Минск наш!» Но, несмотря на открытие информационных шлюзов, немецкая аудитория состояла не только из доверчивых слушателей. Геббельс записал в своем дневнике: «Слишком много информации сразу, от такого потока можно только отупеть. Так что желаемого эффекта мы не добились. Люди чувствуют, что ими пытаются манипулировать. Слишком много для первого раза, так они считают... И все же эффект воздействия огромен... Мы снова на высоте...»

Сомнения Геббельса нашли свое отражение и в секретных отчетах СС следующего дня. «Из всех 12 сводок хорошо были восприняты не более двух-трех». Несмотря на нетерпение услышать с Восточного фронта только хорошие новости, таких успехов не ожидал никто. В газетах приводились «фантастические» цифры потерь русских, продолжали циркулировать не менее фантастические слухи. «Согласно отчетам с мест, далее утверждает отчет СС, кое--где уверены, что наши войска подойдут к Москве уже в следующие выходные». Вот такие «горячие денечки» стояли в рейхе в конце июня 1941 года. И это было только начало - маятник блицкрига лишь начинал раскачиваться. Впереди был Смоленск.

ГЛАВА 7

Блицкриг

«У нас не оставалось времени поспать, так как мы круглые сутки наступали» .

Командир танкового взвода

Все идет как по маслу... Танковые войска

Фельдмаршал фон Бок, командующий группой армий «Центр», пришел в бешенство, когда из штаба ОКХ ему приказали повернуть 2-ю и 3-ю танковые группы, чтобы замкнуть кольцо

окружения и создать таким образом первый за русскую кампанию котел. Причина его раздражения заключалась в том, что из-за этого решения задерживалось наступление на Смоленск, который рассматривался Бокком как важная в стратегическом отношении цель.

Впрочем, вермахт добился впечатляющего успеха. «Я до сих пор не могу отойти от этого внезапного приказа повернуть», - писал фон Бок в своем военном дневнике, и когда к нему прибыл фельдмаршал фон Браухич, командующий группой армий «Центр» встретил его довольно невежливой фразой: «Надеюсь, больше никаких сюрпризов!»

К этому времени продвинувшиеся на 250-300 км вглубь советской территории танковые дивизии уже поворачивали навстречу друг другу, замыкая кольцо вокруг советских дивизий.

Майор граф Иоганн фон Кильманзег, командир танкового подразделения в составе 6-й танковой дивизии, впоследствии утверждал, что нацистская пресса представила миру совершенно искаженную картину боевых действий сухопутных войск. О легких победах речи не было. Вне сомнения, сосредоточенные в приграничных районах советские войска оказались «застигнуты врасплох», говорит фон Кильманзег, «но отнюдь не собирались сдаваться». Того же мнения придерживался и лейтенант Гельмут Ритген, также

воевавший в 6-й танковой дивизии: «В плен никто не сдавался, поэтому и пленных практически не было. Между прочим, наши танки довольно быстро расстреляли весь боекомплект, а такого не случалось нигде - ни в Польше, ни во Франции». Начальный период войны, когда танковые дивизии Вермахта стремительно, как по маслу, катили вперед, по мнению Кильманзегга, «состоял из двух этапов».

«Сначала бои, завязавшиеся непосредственно у границы, - они носили крайне ожесточенный характер. Потом нам пришлось затратить много усилий у «линии Сталина»- укрепленной линии русских. Геббельс постоянно говорил о разгроме противника, но ничего такого и в помине не было».

Первоначальные успехи вермахта можно объяснить тактическим превосходством немецкого командования, которое, в свою очередь, было результатом накопленного в предыдущих кампаниях боевого опыта. «В течение трех суток мне удавалось заснуть от силы на пару часов, атаки следовали одна за другой», - писал военный корреспондент Артур

Гримм, участвовавший в наступлении вместе с частями 1-й танковой группы фон Клейста на участке группы армий «Юг» .

«Враг, будучи не в состоянии удержать нас, постоянно пытается вовлечь нас в крупные сражения. Но нас всегда заблаговременно предупреждали о его намерениях, и мы обходили его в ходе ночных маршей». Немецких танкистов, убежденных в собственном превосходстве, очень скоро после начала войны ожидал неприятный сюрприз, когда они столкнулись с новыми типами советских танков. Уже на второй день кампании в полосе действий 6-й танковой дивизии один-единственный советский тяжелый танк расстрелял колонну из 12 грузовиков. Танк находился в засаде южнее реки Дубиссы вблизи от Расейня. К тому моменту два немецких батальона захватили плацдармы на другом берегу реки и готовились к отражению контратаки советских танков, первой за все время боев на Восточном фронте, поэтому требовалось обеспечить их бесперебойное снабжение боеприпасами. Для уничтожения русского танка немцы подтянули батарею 50-мм противотанковых орудий.

Орудийным расчетам удалось скрытно подобраться на дистанцию 600 метров. Первые три снаряда сразу поразили цель, но восторги артиллеристов мгновенно стихли, потому

что никаких видимых повреждений танк не получил. Батарея открыла беглый огонь, но и следующие пять снарядов отскочили от брони и ушли в небо. Танковая башня начала

разворачиваться в направлении немецких орудий, а затем раздался первый выстрел ее 76-мм пушки. За считанные минуты батарея была уничтожена, немцы понесли тяжелейшие потери.

Тем временем тяжелый тягач под прикрытием догоравших немецких грузовиков подтащил тщательно замаскированное 88-мм зенитное орудие. Вскоре с дистанции 900 м был открыт огонь по танку. Но... первый же 76-мм снаряд угодил в немецкую зенитку и отбросил ее в придорожную канаву. Орудийный расчет чудом не пострадал. Однако едва артиллеристы попытались вновь развернуть орудие, как их буквально смело стальным ливнем огня спаренных танковых пулеметов. Танк бил без промаха, не давая немцам и головы поднять. Лишь с наступлением ночи, под покровом темноты они смогли оттащить убитых и часть уцелевшего вооружения. Той же ночью немцы решили действовать по-другому. Группа саперов, пробравшись к танку (тип КОТорого им так и не удалось определить), заложила под него два мощных заряда взрывчатки. Когда их подорвали, ответный огонь танкового орудия ясно дал понять, что танк по-прежнему боеспособен. Более того, русские смогли отбить три атаки. Немцы попытались вызвать пикирующие бомбардировщики, но те прибыть не смогли. Тогда в очередную атаку на неуязвимый советский танк пошли пять легких танков при поддержке еще одного 88-мм зенитного орудия. Немецкие танки, скрываясь за деревьями, с ходу открыли огонь одновременно с трех направлений. Русский танк вступил в дуэль, но во время маневров открыл корму, куда попали два снаряда 88-мм орудия. На его броню в течение считанных секунд обрушился целый шквал снарядов. Башня, развернувшись назад, замерла. Немецкие орудия продолжали посылать снаряд за снарядом в неподвижную цель.

Ни единого признака загорания машины, только визг рикошетивших снарядов. Внезапно пушка танка беспомощно поникла. Подумав, что танк наконец выведен из строя, немцы подобрались поближе к своей диковинной жертве. Возбужденно переговариваясь и не скрывая удивления, они вскарабкались на броню. Ничего подобного им видеть

не приходилось. И тут башня, тяжело дрогнув, снова повернулась. Насмерть перепуганных немецких солдат как ветром сдуло. Двое саперов, не растерявшись, через отверстие в башне бросили внутрь танка по ручной гранате. Раздались два глухих взрыва, взрывной волной откинуло крышку люка, изнутри повалил густой дым. Когда саперы заглянули через люк, их взорам предстало ужасающее зрелище: кровавые ошметки тел - все, что осталось от экипажа неуязвимой машины. Так один-единственный танк на двое суток сумел остановить продвижение передовых частей 6-й танковой дивизии. Его броню сумели пробить только два 88-мм зенитных снаряда, пять остальных лишь оставили глубокие борозды на броне. А о попадании 50_ мм противотанковых снарядов свидетельствовали только синеватые пятна окалины. Что же касается следов от попаданий немецких танковых снарядов, их вообще не осталось, хотя такие попадания отмечались, и не одно. Напрашивался вывод о явной недооценке танковой угрозы противника. Вечером того же дня генерал Гальдер запишет в свой дневник:

«На фронте групп армий «Юг» и «Север» замечен русский тяжелый танк нового типа, который, видимо, имеет орудие калибра 80 мм (согласно донесению штаба групп армий «Север» - даже 150мм, что, впрочем, маловероятно). Это был советский танк KB- 1 «Клим Ворошилов», вооруженный 76,2_ММ танковой пушкой. Его более крупный собрат KB-2 имел 152-мм гаубицу. В 1940 году было выпущено 243 машины KB-2 и 115 Т -34, а в 1941 году число их возросло до 582 и 1200 соответственно. В 1941 году русские имели значительный перевес в танках и за счет количества, и за счет качества. Красная Армия располагала 18 782 машинами различных типов против 3648 у немцев. Немецкие танки в значительной мере уступали советским в весе, вооружении, дальности хода, скорости и по ряду других показателей(*Это мнение автора верно только в отношении новейших типов советских танков Т_34 и KB. Остальные танки, находившиеся на вооружении Красной Армии, либо уступали немецким по тактико-техническим показателям, либо имели приблизительно такие же характеристики. Прим. Ред*).

Уже один только внешний вид 34-тонного новейшего советского танка Т -34 вызывал

оцепенение немецких танкистов. Разработка этой машины велась в условиях полной секретности и завершилась еще в середине 30-х годов. Его 76-мм пушка была самой мощной в мире на тот период (естественно, исключая 150-мм орудие другого советского чудо-танка KB-2). Наклонная броня знаменовала собой революционные перемены в танкостроении, отличалась повышенной устойчивостью к настильному огню противотанковых орудий - снаряды рикошетили, не нанося машине видимых повреждений. Йозеф Дек, немецкий артиллерист (71-й полк), воевавший в составе группы армий «Центр», досадовал, что снаряды обычного 37-мм противотанкового орудия отлетали от брони Т-34, «словно горох». В результате доработки заимствованного у американцев танка «Кристи», в частности системы подвески, Т-34 с его широкими гусеницами, мощным дизельным двигателем и чрезвычайно высокой маневренностью превратился в самый совершенный танк того времени. Командир экипажа танка Т-34 Александр Фадин отмечал: «Когда запускаешь двигатель, чувствуешь эту характерную дрожь, и ты как бы сам становишься частью машины. Набираешь скорость, и уже ничто тебя не в силах остановить. Даже деревья».

Значительное количественное превосходство Красной Армии в танках создавалось на 75% за счет танков Т-26 (их насчитывалось примерно 12 000), еще около 5000 машин составляли танки БТ-2, БТ-5 и БТ-7. Далее, 1200 Т-34 и 582 тяжелых танка KB-1 и KB-2. В итоге Советский Союз располагал 17 000 танков, равных по показателям или несколько уступавших таким немецким танкам, как Т-III (970 машин) и Т-IV (444 единицы), и превосходивших Т-II (743 единицы) и Т-38 (t) (651 танк). Остальные немецкие танки, как правило, относились к явно устаревшим типам или штабным вариантам. Кроме того, на вооружении вермахта имелось 250 штурмовых орудий, вооруженных 75-мм пушкой и созданных на базе Т-111. Самоходные орудия имели репутацию истребителей русских танков и обычно использовались для поддержки наступавшей пехоты. Превосходство немецких танковых войск обеспечивалось не за счет более совершенной техники, а за счет более высокой боевой выучки экипажей. Немецкие танки были оборудованы современными радиостанциями, в то время как русские в этом отношении явно отставали. У них связь осуществлялась посредством сигнальных флажков. Отсюда и явное запаздывание исполнения команд в быстро менявшейся обстановке. Не следует забывать, что немецкие танкисты обладали опытом предшествующих кампаний, многие командиры

(Цифры, приводимые автором, расходятся с теми, которые приняты в российской исторической науке. Так, по данным журнала «Бронекolleкция» (№ 1, 1998), на 1 января 1941 г. танковые войска Красной Армии располагали 9665 танками Т-26 всех модификаций. Из них в Западном особом военном округе, например, на 22 июня 1941 г. имелось 1136 танков Т-26 - 52% всех танков округа. В западных приграничных округах имелось 197 танков БТ-2, 507 БТ-5 и 2785 БТ-7. На 22 июня 1941 г. было выпущено 1225 танков Т-34. К началу войны в Киевском особом военном округе находилось 694 танка этого типа, в Западном - 268 и в Прибалтийском - 108 единиц. Танков KB в Киевском особом военном округе было 320 машин, в Западном - 117, а в Прибалтийском - 79. - Прим. Ред).

танков, несмотря на молодость, успели приобрести практический опыт участия в боевых действиях. Русские танкисты, напротив, старательно утюжили местность в поисках цели, нередко при этом и сами оказываясь легкими целями для немецких танков. Танковые войска Красной Армии находились в стадии реорганизации, а массовые переброски войск в приграничные районы с последующим их развертыванием нередко шли вразрез с основополагающими тактическими и командными принципами. К началу гитлеровского вторжения значительное число устаревших русских танков (примерно 29%) требовали срочного капремонта, 44% - проведения регламентных работ. Основной причиной страшных потерь, понесенных танковыми войсками Советов, стало германское превосходство в воздухе. Танковые колонны русских регулярно подвергались налетам истребителей и пикирующих бомбардировщиков люфтваффе, и это имело для них катастрофические последствия.

Немецкие танкисты неприятно поразились, столкнувшись в боях с советскими тяжелыми танками новейших конструкций, явно превосходившими их машины по тактико-техническим показателям. Все это плохо вязалось с концепцией «недочеловеков», выпестованных, согласно утверждению нацистской пропаганды, в скученных рабочих лагерях. Германское кино в хроникальных выпусках частенько издевалось над так называемым «раем для советских рабочих», убеждая «имперских немцев» в недостижимом совершенстве немецкой техники. Радио вопило о том, что снаряды «немецких танков не только поджигают, но и насквозь прошивают русские машины». Лейтенант Гельмут Ритген из 6-й танковой дивизии признался, что в столкновении с новыми и неизвестными танками русских: «...в корне изменилось само понятие ведения танковой войны, машины «КВ» озаменовали совершенно иной уровень вооружений, бронезащиты и веса танков. Немецкие танки вмиг перешли в разряд исключительно противопехотного оружия... Отныне основной угрозой стали неприятельские танки, и необходимость борьбы с ними потребовала нового вооружения - мощных длинноствольных пушек большего калибра».

Танковые войска Германии вступали в войну, будучи твердо уверенными в своем тактическом и техническом превосходстве, что доказывалось ходом предыдущих кампаний. Стрелок-танкист Карл Фукс, воевавший на относительно слабой машине чехословацкого производства _ Т -38 (t) в составе 7 -й танковой дивизии (группа армий «Центр»).

В конце июня писал жене: «до сих пор нашим войскам кое-что удалось. То же самое можно сказать и о нас, танкистах. Но, ничего, мы еще покажем этим большевистским дурням! Они дерутся, как какие-нибудь наемники, а не как солдаты».

Курицио Малапарте, итальянский военный корреспондент, следовавший в составе немецкой танковой колонны в Бессарабии, описал, как группа немцев осматривала подбитый советский танк: «Они очень напоминали следователей, осматривавших место происшествия. Более всего их интересовала матчасть противника и то, как ее использовать в бою... Качая головой, они задумчиво бормотали: «Все верно, но...»

Карл Фукс с гордостью сообщал жене: «Мы уже не первый день ведем бои и всегда побеждали врага, где бы он нам ни попадался». Входил в моду особый, «победный» жаргон, становясь неотъемлемой частью солдатского. Уничтоженные в огромных количествах советские танки БТ - 7 за их уязвимость прозвали «Микки Маусами». А все потому, что откинутые люки подбитой машины поразительно напоминали оттопыренные уши известного персонажа диснеевских мультфильмов.

Приграничные танковые сражения

Военный корреспондент Артур Гримм в составе II-й танковой дивизии из группы армий «Юг» уже 23 июня направлялся к месту первого танкового сражения. Колонна полугусеничных бронетранспортеров, набитых пехотинцами, поднимая пыль, неслась по изъезженной проселочной дороге, «когда разведчики сообщили по радио о том, что около 120 русских танков продвигаются в направлении села Радчикова». Около 5 утра «мы поехали через окутанные туманом пшеничные поля. Нас обогнали танки Т-111 и Т- IV, их темные силуэты выделялись на светлом фоне пшеницы». Справа они заметили скопление русских танков, «включая и тяжелые самые современные машины». Находясь среди разбросанных деревенских домишек, Гримм разглядел темные точки - двигавшиеся советские танки. В 5 часов 20 минут штурмовая группа немецкого танкового подразделения нанесла удар русским во фланг. Вспышка, докатившийся грохот разрыва, и вверх стал медленно подниматься черный дым, постепенно принимая очертания огромного гриба. Судя по всему, снаряд немецкого танка «попал прямо в боекомплект» - взрыв был мощным. Первыми танками, с которыми столкнулись немцы, оказались легкие Т -26. Гримм,

находившийся чуть позади передового подразделения, сделал несколько снимков. Дым, искореженный металл, словом, поле битвы. «Чтобы остановить тяжелый танк, потребовалось не менее двух десятков прямых попаданий», - комментировал Гримм, сфотографировав подбитый Т-34. «Вскоре прогремел страшный взрыв - взорвался боекомплект», - продолжает Гримм репортаж, который он готовил для рупора нацистской пропаганды - иллюстрированного журнала «Signa», расписывая мастерство и отвагу немецких танкистов, сумевших сокрушить бронированного гиганта совершенно неизвестного типа. лейтенант Ритген из 6-й танковой дивизии описал бой с танками КВ под Расейняем куда более объективно: «Эти до сих пор неизвестные советские танки послужили причиной кризиса в ударной группировке «Зекендорф», поскольку она не располагала оружием, способным пробить их броню. Снаряды просто отскакивали от советских танков. 88-мм зенитные орудия пока что не было возможности применить. Пехотинцы во время танковой атаки русских в панике стали отступать. Сверхтяжелые советские КВ надвигались на наши танки и плотный огонь наших не приносил никакого результата. КВ таранил командирский танк и перевернул его, командир получил ранение».

Несмотря на превосходство советских танков, все же сказывались боевая выучка немцев и их опыт ведения боевых действий. Командир танка Т-34 Александр Фадин описал то, что испытывает экипаж танка во время сражения: «Когда ищешь мишень, волнение достигает предела. И вот, обнаружив ее, подползаешь поближе, потом внезапный рывок

вперед, двигатель ревет, машина подскакивает на ухабах. Прицеливаешься, и водитель кричит «огонь!» Стреляная гильза со звоном падает на пол, башня содрогается, - каждым выстрелом орудия башню заполняет характерный запах пороха, запах битвы. Фадин продолжает: «Когда попадаешь в немецкий танк и он взрывается, ты вместо того, чтобы выбрать другую цель, распахиваешь люк и вылезает наружу - убедиться, что ты его подбил!»

Экипажи немецких танков имели неплохую профессиональную подготовку. лейтенант Ритген: «У советских танкистов не было времени даже на ознакомление с вооружением своих машин, не было времени пристрелять орудия, поэтому их стрельбе явно не доставало меткости... Кроме того, у них хромало вождение». Примерно в полдень 23 июня Артур

Гримм наблюдал, как громадное облако дыма вставало над красными языками пламени. Немецкие подкрепления не понадобились и остались просто зрителями во время этого боя. Впрочем, лейтенант Ритген утверждает, что у 6-й армии в приграничной полосе возникали проблемы при встречах с русскими танками. «Один из офицеров резервных подразделений - ныне известный на всю Германию писатель - потерял самообладание. Презрев субординацию, он бросился на командный пункт генерала Гёпнер [командующий 4-й танковой группой. Прим. авт.] и сообщил, что «все пропало». Со временем опыт немцев стал приносить плоды. «Несмотря на то, что они были такие толстокожие, - продолжает Ритген, - нам все же удавалось подбивать их, сосредоточив огонь на одной машине. Мы старались попасть в уязвимые места - били по люкам и щелям в корпусе». Военный корреспондент Гримм в 16 часов 23 июня 1941 года своими глазами видел, что «густое облако дыма над полем боя увеличилось». Танки Т - IV вынуждены были прервать стрельбы, поскольку пополняли боекомплект. Тактика танковых сражений зависела от изобретательности экипажей. «Несколько танков противника удалось поджечь, другие - ослепли в дыму. Когда они пытались развернуться, стало ясно, что их можно уничтожить с тыла». Подобные уроки быстро извлекались в ходе начавшейся русской кампании.

Гауптман Эдуард Лингенхаль из 15-го танкового полка говорил о том, что «экипажи танков Т-IV совершенно случайно поняли, что осколочно-фугасные снаряды замедленного действия с задержкой подрыва 0,25 сек., если ими попасть в корму танка Т -34, способны вывести из строя двигатель либо воспламенить горючее, выплескивавшееся на решетку жалюзи».

К 9 часам вечера танковое сражение завершилось. 11-я танковая дивизия уничтожила 46 неприятельских танков на высотах юго-западнее села Радчикова. Но поводов для особых восторгов не было - хотя пропагандистский аппарат, разумеется, не поскупился на восторги. Три дня спустя майор Кильманзег в разговоре с командующим 6-й танковой дивизией, обсуждая детали первого боя с советскими тяжелыми танками, сказал: «герр генерал, эта война отличается от той, которую мы вели в Польше или во Франции». В нынешней, нам пришлось столкнуться с сильным врагом и даже не все офицеры оказались к этому готовы. И лишь «благодаря мужеству командиров удалось совладать с паникой». Кильманзег

Советская танковая колонна, разбомбленная на одной из дорог.

оценивал обстановку трезво: «На уровне дивизии мы имели возможность убедиться, впервые

за всю эту войну, что опасность поражения вполне реальна. Это был один из тяжелейших моментов, которые мне пришлось пережить за годы войны».

Единственным утешением служило донесение о том, что один из «этих тяжелых монстров» все же удалось вывести из строя. Один лейтенант сумел подложить ему под гусеницу мину. Естественно, что Артур Гримм завершил свой репортаж для иллюстрированного журнала «Sigma» на вполне бодрой ноте.

«После одиннадцатичасовой дуэли на поле битвы навеки остались более 40 советских танков. Преследование отступающего противника продолжается. У нас были выведены из строя лишь 5 танков».

Ожесточенные танковые сражения в приграничных районах сочетались с беспрепятственным продвижением на других участках фронта сначала на Минск, а потом и на Смоленск. Однако и это продвижение имело свои сложности. Граф фон Штраховиц - в тот период оберлейтенант 15-го танкового полка - вспоминал: «У нас не оставалось времени поспать, так как мы круглые сутки ехали». Врагу не оставляли времени ни на отдых, ни на попытки перехватить инициативу. Анатолий Кружин, капитан Красной Армии, так охарактеризовал яростные атаки частей группы армий «Север» :

«В первые дни войны немецкая армия наступала очень быстрыми темпами. У нас шок затянулся, и надолго. Как мне кажется, Красная Армия не была готова к обороне до самого июля и, пожалуй, даже до начала августа. Это произошло только под Новгородом, в районе Старой Руссы. Но раньше, в июле, Красная Армия отступала, это был самый настоящий хаос. На Северо-Западном фронте разведку вели специальные подразделения, но они не выясняли, где находятся немцы, нет. Они искали местоположение собственных войск»

На окраине Львова подобное наблюдалось в зоне действия советской 32-й танковой дивизии. Стефан Матыш, офицер-артиллерист, мог убедиться, что куда более совершенные танки Т-34 и КВ несли внушительные потери. Советские танкисты прекрасно сознавали, что их машины превосходят немецкие, «иногда они даже таранили немцев», однако сказывалось страшное напряжение нескольких дней. «Бесконечные переходы, жара и постоянные бои изматывали танкистов. С начала войны у них не выдавалось ни минуты отдыха, ели и спали урывками. Силы покидали нас. Нам требовался отдых».

Полковник Сандалов, начальник штаба 4-й армии, расположил штаб армии в лесу восточнее Синявки. Не имея средств радиосвязи, ему приходилось полагаться лишь на связных. Он докладывал, что 2-я танковая группа Гудериана, наступавшая на центральном направлении, нанесла войскам армии несколько серьезных ударов. «Потерявшие боеспособность остатки 6-й и 42-й стрелковых дивизий 4-й армии отошли на восток». 55-я стрелковая дивизия после разгрузки с автотранспорта была выбита с наспех оборудованных оборонительных позиций, «не сумев противостоять атакам вражеской пехоты, действовавшей при поддержке механизированных подразделений и авиации». С самого начала вторжения не поступали сведения от командования 49-й стрелковой дивизии. 14-й механизированный корпус, «упорно оборонявшийся и несколько раз переходивший в контратаки, понес большие потери в личном составе и технике», и к 25 июня «не располагал средствами для ведения боевых действий». Советскую оборону охватил паралич: «Вследствие непрекращавшихся бомбежек пехота деморализована и не проявляет достаточной стойкости в обороне. Командиры всех подразделений и формирований вынуждены лично пресекать попытки беспорядочного отхода и возвращать их на фронт, однако перечисленные методы, несмотря на применение оружия, не возымели должного эффекта».

Константин Симонов, попавший на Минском шоссе под бомбежку, вспоминает, как один солдат, явно вследствие полученного при контузии шока, вдруг закричал: «Спасайтесь все!

Спасайтесь! Немцы окружили нас! Нам конец!»

В ответ на это один офицер Красной Армии приказал расстрелять паникера! Раздались выстрелы, но насмерть перепуганный солдат с вылезшими из орбиты глазами бросился бежать. «Мы так и не сумели задержать его. Какой-то капитан попытался отобрать у него винтовку. Солдат выстрелил и, еще больше перепуганный этим выстрелом, - завертелся на месте, как загнанное в ловушку животное, после чего со штыком набросился на капитана. Тот выхватил пистолет и застрелил его. Трое или четверо красноармейцев молча подняли тело и оттащили на обочину». Катастрофа казалась неминуемой.

В авангарде наступления

Как правило, в авангарде наступавших немецких танковых соединений двигался батальон разведки, в состав которого входила легкая бронетехника и мотоциклисты. Это были «глаза и уши» следовавших за ними частей (см. схему). Численность подобных частей могла составлять до батальона танков, иногда даже танковый полк, которых поддерживал батальон или полк моторизованной пехоты на бронетранспортерах. Далее следовала артиллерийская батарея, иногда и полк, осуществлявшие огневую поддержку. Легкие танки или полугусеничные бронетранспортеры обычно передвигались параллельно основной колонне, обороняя ее фланги. В зависимости от характера и профиля местности колонна иногда растягивалась на несколько километров. Разведывательные подразделения выдвигались далеко вперед на широком фронте. Если позволяли условия, эти три колонны двигались параллельно, но зачастую таких условий не было. Офицерам приходилось в жужжащей пыли сверять путь следования с картами. Ну а пехотинцы? Тем приходилось отдыхать, где придется, частенько они засыпали прямо на грузовиках, несмотря на жару, пыль и немилосердную тряску. На лесистых или заросших кустарником участках впереди обычно следовала пехота. Она расчищала проходы для танков, а те, в свою очередь, в любую секунду были готовы поддержать ее огнем. На открытой местности, в степях например, впереди двигались танки. Военный корреспондент Артур Гримм, в конце июня 1941 года следовавший в составе такого танкового клина, подробно описал продвижение частей, находившихся на острие главного удара:

«Впереди простирается равнина, кое-где перерезанная невысокими взгорьями. Редкие деревца, небольшие рощицы. На листьях деревьев лежит толстый слой пыли, придающий им странный вид в лучах палящего солнца. Здесь, в сельской местности, преобладают три цвета - бурый, серый и зеленый, изредка разбавленные золотистой желтизной ржи. И надо всем этим клубы дыма вздымаются к небу от подбитых танков и догорающих деревень».

Разумеется, танкисты из своих железных коробок видели все совершенно в ином свете, нежели передвигающаяся на своих двоих пехота. И, вследствие высокой мобильности, сцена меняется постоянно. Постоянные сверки местности с картой, прикидки времени, пройденного километража. Танки буквально пожирают отмеченные на карте отрезки. Одурелые от жары и тряски пехотинцы лениво и безучастно взирают на сменяющиеся горизонты. Бронетехника внушает пехотинцам уверенность в своих силах, с ней как-то спокойнее, хотя нередко это заблуждение, не больше. Каждый пройденный километр, каждый поворот таил в себе неожиданность. И угрозу. У танкистов война своя, ей неведомы рукопашные схватки. Чудеса современной техники сделали «боевое соприкосновение с противником» понятием относительным: бей себе по врагу из пушек с почтительного расстояния. Случается, конечно, расстреливать врага в упор, вот тогда бой действительно превращается в схватку с врагом. Гримм продолжает: «Редколесье и необозримые поля пшеницы, внешне мирные,

таят в себе угрозу для нас. Выстрела можно ожидать из-за каждого деревца или кустика, из гущи колосьев». Вот пехоте сопровождения - да, ей приходится иной раз смотреть прямо в лицо врагу. Артиллерист противотанкового орудия вспоминает о том, какое неизгладимое

впечатление на него и его товарищей произвело отчаянное сопротивление русских в первые часы войны: «Во время атаки мы наткнулись на легкий русский танк Т-26, мы тут же его щелкнули прямо из 37-миллиметровки когда мы стали приближаться, из люка башни высунулся по пояс русский и открыл по нам стрельбу из пистолета. Вскоре выяснилось, что он был без ног, их ему оторвало, когда танк был подбит. И, невзирая на это, он палил по нам из пистолета!»»

194

Из этих, внушающих ужас «стальных гробов» - танков -многого не разглядишь. За ходом боя из прожаренного и провонявшего пороховым чадом отсека приходилось следить сквозь узкую, как у почтового ящика, щелочку. И вдобавок теснота страшная - не повернуться. Стрелку, докладывая, приходилось орать во всю глотку, экипаж глохнет от лязга башенного пулемета, задыхается в пороховом дыму. Напряжение, взвинченность усугубляются и ежеминутной угрозой стать мишенью противотанковых снарядов. Их хорошо заметно, они проносятся над полем боя добела раскаленными стрелами, готовыми насквозь прошить жалкую броню и отправить на небеса всех, кто пытается за ней укрыться. При попадании снаряда детонирует боекомплект, вспышка, взрыв, и все взлетает на воздух, в первую очередь башня. В известной степени экипаж танка был избавлен от шума сражения - все заглушал лязг металла и рев двигателя. Стрелок-танкист Карл Фукс из 25-го танкового полка делился со своей женой: «Отпечаток, который наложили на меня танковые сражения, останется на всю жизнь. Поверь мне, дорогая, тебе предстоит увидеть другого человека, того, кто научился повиноваться призыву: «Я уцелею!» На войне ты не можешь позволить себе роскоши расслабиться, иначе погибнешь».

Смертельная усталость и страх шагают рука об руку. Унтер-офицер Ганс Бекер из 12-й танковой дивизии рассказывает о танковых сражениях у Тарнополя и Дубно: «Там нам пришлось трое суток не спать, для дозаправки и пополнения боекомплекта мы отъезжали помашинно, чтобы тут же снова ринуться в бой. Я подбил под Тарнополем один вражеский танк и еще четыре у Дубно, вот там был настоящий ад, смерть и ужас».

Ничуть не легче приходилось мотопехоте. Гауптштурмфюрер Клинтнер, командир роты моторизованного полка дивизии СС «Мертвая голова», действовавшей в составе группы

армий «Север», вспоминает первые недели русской кампании, когда «все свои прежние тактические навыки пришлось позабыть». Разведки, как таковой, не было, не было и точного соблюдения боевых порядков, не было никаких донесений - танки неслись вперед, не останавливаясь, обстановка менялась постоянно. «Самая настоящая охота на лис, к тому же удачная, - утверждает Клинтер. _ И на совершенно незнакомой, чуждой тебе местности, ты помнил одно: твоя цель - Санкт_Петербург!»

Что касалось карт, они безбожно ввали. В результате колонны, разделяясь на марше, заезжали бог знает куда. Дорожные указатели тоже мало помогали в ежечасно менявшейся обстановке, да и встречались они нечасто. «И каждому водителю приходилось в кромешной тьме, с постоянно менявшейся скоростью, да еще соблюдая все виды светомаскировки, следовать в колоннах». Не останавливаясь, танки сутками неслись вперед, тут уж ни сил, ни нервов не хватало.

Это, конечно, неплохо, когда наступление танковых сил уподобляется «охоте на лис», однако и повышенные скорости несут с собой проблемы. В том числе и с радиосвязью, которая жизненно необходима в современной войне. Во время следования 7-й танковой дивизии на шоссе Москва - Минск в конце июня произошел поразительный, но характерный случай. Выйдя к Слободе, это примерно в 20 км северо-западнее Минска, немецкие танкисты вдруг поняли, что в их колонну под покровом ночи затесались русские машины. Весь идиотизм ситуации состоял в том, что русские и немецкие танки следовали в одной колонне и в одном и том же направлении! Один русский водитель, сообразив, куда попал, в панике развернул грузовик и бросился наутек навстречу движению немецкой колонны. Военный корреспондент Бернд Оверхюз, двигаясь с передовыми частями, вспоминает, как услышал выстрелы. «Впереди русские танки » И тут же засвистели пули. «Что произошло? Оказывается, один советский танк и грузовик каким-то образом оказались в колонне немцев. Судя по всему, они некоторое время ехали параллельно, после чего решили открыть по нам огонь из счетверенного пулемета, усановленного в кузове. Отрывистая команда одного из офицеров восстановила порядок. И танк, и грузовик были подожжены и выведены, таким образом, из строя».

Передовые части, с которыми следовал Артур Гримм, обратив в бегство группу советских солдат, засевших на пшеничном поле, внезапно обнаружили по правую сторону

действовавший аэродром русских. «Как раз в этот момент приземлялся неприятельский самолет. Его зацепить мы не успели. Но второй тут же упал на землю, Когда мы его угостили очередью трассирующих». Легкая 20-мм зенитная пушка, смонтированная на полугусеничной машине, выехав на взлетную полосу, обстреляла стоявшие рядами самолеты. Бойцы, соскочив на землю, довершили дело при помощи ручных гранат и автоматного огня - все 23 машины были выведены из строя. Самым ценным трофеем оказалась дымившаяся полевая кухня. Содержимое отведали тут же. Прямо на земле лежали наваленные грудой буханки хлеба и сухой паек. Их собрали и побросали в танки и вездеходы. И тут же наступление продолжилось, но уже на сытый желудок.

Иногда бешеный темп наступления приводил к серьезным трагедиям. Полковник Ротенберг, знающий и смелый командир 25-го танкового полка, кавалер ордена «Pour 'e Merite» и Рыцарского креста, получил серьезные ранения вследствие взрыва боекомплекта подбитого русского танка. Его срочно требовалось эвакуировать в тыл. Но головные подразделения полка в результате стремительного марша значительно оторвались от своих. Ротенберг, сознавая опасность такого отрыва, отказался от высланного за ним командиром дивизии самолета «Физелер шторм». Не взял он для охраны и бронетранспортер, отправившись в тыл всего на двух штабных автомобилях. Эта небольшая группа наткнулась на группу советских солдат, блуждавших на участке между основными и передовыми частями немцев. В результате стычки Ротенберг и сопровождавшие его солдаты погибли. Тела их удалось забрать лишь на следующий день после проведенной контратаки. Самую большую

сложность во время стремительного наступления представляло сосредоточение ударной группировки на направлении главного удара. Лейтенант фон Хофгартен, командир 61-го мотоциклетного батальона II-й танковой дивизии, после начала операции «Барбаросса» за четыре недели после форсирования Буга продвинулся со своими бойцами на 510 км. Танки обычно шли впереди на открытой местности, но случалось, как объяснял сам Хофгартен, что требовалось и: «...более тесное взаимодействие частей, наступавших на разных флангах. Оно было необходимо в условиях сложной, малознакомой, быстро сменявшейся и непривычной местности, при преодолении водных преград, минных полей и занимаемых неприятелем деревень. От командиров рот, двигавшихся параллельно, требовалось тщательное планирование предстоящих совместных наступательных операций. Это было непросто, если учитывать наши убогие карты, на которых зачастую ничего, кроме главных дорог, не было указано».

В зависимости от того, насколько ожесточенно сопротивлялся противник, немецкая пехота выдвигалась на поле боя либо на броне танков, либо на мотоциклах, после чего вступала в боевое соприкосновение. Танки обеспечивали необходимую огневую поддержку и прикрытие. Артур Гримм, следовавший в составе 11-й танковой дивизии, вспоминает ожесточенные бои за русские села неподалеку от Дубно в первые дни кампании:

«И хотя танкисты не замечали пехоты в открытом поле, она была, советские пехотинцы прятались в пшенице, так что заметить их было крайне трудно или вовсе невозможно».

После инструктажа командиры танковых экипажей с наступлением рассвета нанесли тактический план на свои карты. В 4 часа 30 минут утра Гримм начал фотографировать мотоциклистов, которые получили задачу очистить поля от пехоты противника вблизи одного села. Поднимая пыль, колонна тронулась в путь и вскоре растаяла в предрассветной дымке.

Унтер-офицер Роберт Рупп из подразделения моторизованной пехоты описал последствия боя за одну неизвестную русскую деревушку. Танки стояли на околице в полной боевой готовности, рядом резерв - примерно половина взвода пехотинцев. Все пристально наблюдают за двумя пылающими хатами. Когда группа зачистки приступила к прочесыванию домов, жители, прихватив с собою скарб, стали уводить скот в безопасное место. В ходе операции было обнаружено около 50 русских солдат, скрывавшихся кто где - в амбарах, погребах, на чердаках домов.

«У одного из них осколком ручной гранаты расплосовало щеку. Он попросил у меня воды, я дал ему чаю, и солдат жадными глотками стал пить. Майор обратился к русским на их родном языке, желая узнать, кто из них комиссары, но оказалось, что комиссаров и след простыл. Пленные, чуть успокоившись, стали срывать с пилоток красные звезды. Раненый, дожидаясь, пока его перевяжут, долго сидел на улице. Сначала наш врач занимался своими ранеными. Один из моих товарищей, В., показал мне окровавленные руки и стал хвастаться, что прикончил нескольких русских - они открыли по нему стрельбу, как он утверждал».

Позже Руппа разбудила стрельба. Уже миновал полдень. Расстреливали двоих пленных, их тут же похоронили их товарищи. Один из них якобы выстрелил в нашего солдата пулей «ДУМ-ДУМ» (особыми пулями, наносившими страшные раны). А второй, как утверждали, попытался открыть огонь уже после того, как дал понять, что сдается. «Один, - по словам Руппа, - был еще жив, поскольку стонал даже в полузасыпанной могиле, потом из-под слоя земли показалась его рука». Четверым русским было приказано вырыть еще одну могилу. Для Кого? - не понял Рупп. Вывели того русского, которого я поил чаем, заставили улечься в могилу, после чего унтер_офицер пристрелил его - оказывается, он и был тем таинственно исчезнувшим комиссаром. Сделано это было во исполнение приказа генерала Гальдера, пресловутого «приказа о комиссарах». Но, как убежден Рупп, подобные расправы ни в коем случае нельзя было считать в порядке вещей. Вот что он сказал по этому поводу: «Мнения относительно необходимости расстреливать комиссаров диаметрально расходились. Был

случай, когда батальон мотоциклистов расстрелял жителей одной деревни, включая женщин и детей. Перед этим их заставили самих выкопать для себя могилы. Это произошло потому, что жители этого села помогли русским организовать засаду, в которой погибли несколько наших мотоциклистов».

Танкисты, конечно, не могли не замечать подобного, но темп наступления не позволял им долго задерживаться на одном месте. Разбираться с неприятелем предоставлялось пехотинцам. Танковая война исключала непосредственный контакт с противником даже в бою. Один германский офицер, служивший в танковом подразделении на участке группы армий «Центр», поделился своим мнением с военным корреспондентом Курицио Малапарте: «Он рассуждал, как солдат, избегая эпитетов и метафор, ограничиваясь лишь аргументацией, непосредственно имевшей отношение к обсуждаемым вопросам. «Мы почти не брали пленных, - рассказывал он, - потому что русские всегда дрались до последнего солдата. Они не сдавались. Их закалку с нашей не сравнить...»

Так что задача по подавлению сопротивления противника носила обезличенный характер. Вперед и только вперед, иногда короткие бои. А вот физическая усталость, та не покидала танкистов.

«Рев двигателей, вздымающееся вверх над пригорками облако желтоватой пыли... Порывы ледяного ветра, швыряющие густую пыль в лицо. Песок во рту, резь в глазах, кровоточащие веки. На календаре июль, а все, равно холодно. Сколько мы уже едем? Сколько километров позади?»

Танковый взвод лейтенанта Хорста Цобеля 6-го танкового полка из 2-й танковой группы Гудериана за 12 дней проделал 600 км, в среднем ежедневно покрывая 50 км. «Бывало, что мы круглыми сутками не вылазили из танков. Нет, нет, не подумайте, что мы действительно в течение 24 часов вели непрерывные бои, нет. Конечно, случались паузы, когда можно было полчаса прикорнуть. Спали либо в танках, там было тепло от двигателя. А иногда и вырывали окопчики под танками и укладывались туда, так было спокойнее, по крайней мере, можно было не опасаться ночных бомбардировщиков».

Танкисты делили друг с другом все. Дух товарищества был чрезвычайно силен в среде людей, которым бок о бок приходилось переживать опасность в тесном бронированном закутке на гусеницах. «Signa», роскошно-глянцевый иллюстрированный журнал рейха, поместил очерк «Пятеро из танка NQ 11». В нем подробно описывались условия, в которых приходилось действовать пятерым членам экипажа танка T-IV (тяжелого танка) 15-го танкового полка II-й танковой дивизии.

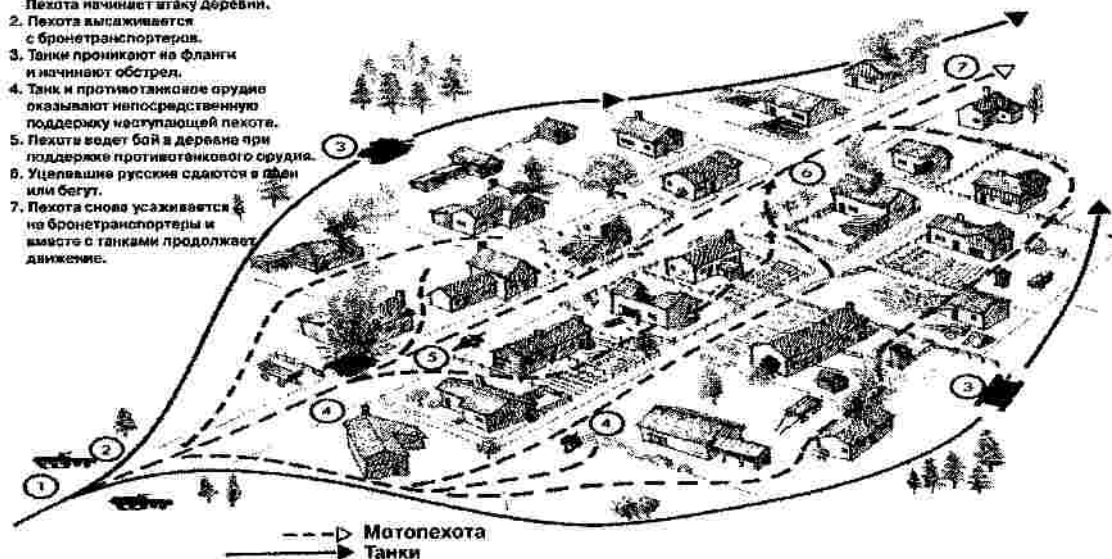
«Эти пятеро представляли собой группу совершенно разных в довоенном прошлом людей. Каждый понимает, кто он для остальных. Каждый - человек, которому присущи свои сильные и слабые стороны, ничем от нас с вами не отличающийся. Но вместе - они страшное и разящее противника оружие». Командир танка, или «Старик», - 21 -летний лейтенант

граф фон N (редакция журнала оставила за собой право не называть подлинного имени офицера) [вероятнее всего, речь идет о графе Гиацинте фон Штрахвице. _ Прим. авт.] начал службу в танковых частях накануне кампании в Югославии весной 1941 года. Его отец, выходец из дворянского рода, был командиром танкового батальона. Стрелок – унтер-офицер Арно Б., который «после каждого боя имел привычку совать в рот сигарету». Ему 25 лет, трое его братьев тоже в вермахте. Кроме них, у него еще две сестры. После войны он хочет стать коммивояжером, «лучше всего где-нибудь в Африке». В танке - его ближайший помощник заряжающий Адольф Т. Тот старше, Адольфу уже 32 года, он бывший штурмовик. Он женат, имеет двух маленьких дочерей. Его задача - вовремя вогнать снаряд в пушку. Связь и все, что к ней относится, - стихия радиста Вальтера Д., до войны железнодорожного рабочего. У того шестеро братьев, пятеро из которых призваны в армию, старший - фельдфебель. Унтер-

офицер Ганс Э., водитель, 26 лет от роду, на гражданке был автомехаником, кем и надеется вновь остаться после войны. Он женат и всегда носит при себе карточку четырехлетнего сынишки. Этот экипаж из пяти человек - микрокосмос рейха, как стремился подать «Sigpa», пропаганда превыше всего. Все получают денежное довольствие в размере 105-112 рейхсмарок в месяц. Кроме этого, предусмотрена и надбавка семье в размере 150 рейхсмарок. Большинство из этих денег танкисты посылают семье. Для сравнения - рабочие на заводах и фабриках рейха получали ежемесячно 80 рейхсмарок (мужчины) и 51,7 рейхсмарки (женщины). Неизвестно, как и чем завершилась для этой пятерки война на Восточном фронте. Но вероятность уцелеть или остаться здоровым для танкистов практически равнялась нулю.

«Первый, кому на остановке полагается спать водитель, - поясняет лейтенант Хорст Цобель из 6-го танкового полка. Его надо беречь, мы его даже в караул стараемся не ставить». Вместо него, «может пойти и командир танка, как он сам, так и любой другой член экипажа». По части выживания все друг от друга зависят. Как не устает повторять Цобель, в бою «Враг всегда стреляет первым. Он стреляет, а дело экипажа на эту стрельбу ответить». Каждый день одна и та же рутина, хозяйственные дела, боевое охранение и неразрывная связь с остальными подразделениями полка. Мы все единое целое, мы все выполняем одни и те же задачи. Типичный день в 20-й танковой дивизии, если верить рассказу одного танкиста, выглядел примерно так: «...и ты всегда наготове. Танки впереди, офицеры, поднявшись из люков, припав к окулярам биноклей, внимательно оглядывают местность. Из штаба полка является офицер с новыми приказами по батальону. Танкисты второпях прожевывают бутерброды. Кое-кто занят обсуждением утренней атаки. Другой пристроился к радиатору, чтобы написать письмо домой. Командиры заняты вопросами маскировки. Адьютанту срочно понадобилась чья-то подпись, но вместо подписи он получает такой ответ: «Летом у нас нет времени на бумажную волокиту».

1. Танки и мотопехота разделяются. Пехота начинает атаку деревни.
2. Пехота высаживается с бронетранспортеров.
3. Танки проникают на фланги и начинают обстрел.
4. Танк и противотанковые орудия оказывают непосредственную поддержку наступающей пехоте.
5. Пехота ведет бой в деревне при поддержке противотанкового орудия.
6. Уцелевшие русские сдаются в плен или бегут.
7. Пехота снова усаживается на бронетранспортеры и вместе с танками продолжает движение.

На Смоленск!

Германские войска уверенно продвигались вперед, однако это продвижение давалось нелегкой ценой. Первоначальный замысел окружения вражеской группировки на обширном участке между Белостоком и Минском вследствие отчаянного сопротивления русских сначала под Белостоком, а потом и под Волковыском закончился тем, что образовалось несколько более мелких «котлов». Генерал Гюнтер Блюментритг, начальник штаба 4-й армии, поясняет: «Поведение русских даже в первом бою разительно отличалось от поведения поляков и союзников, потерпевших поражение на Западном фронте. Даже оказавшись в кольце окружения, русские стойко оборонялись». Танковых войск для завершения операции и замыкания кольца окружения не хватало. Вынужденные отвлекаться на локальные бои, моторизованные соединения не в силах были справиться с колоннами русских, лесами пробиравшихся на восток в темное время суток. Вследствие распыленности сил немцев на участках, не занятых ими, русские чувствовали себя вольготно. Однажды полк «Великая Германия» въехал в одну деревню на захваченных у русских грузовиках и там столкнулся с русскими, которые ехали... на автомобилях, захваченных у немцев. «Была ужасная неразбериха, никто не знал, в кого стрелять, - самый настоящий хаос», - такие строки запишут потом в летопись подразделения. Самые ожесточенные контратаки советских войск, стремившихся прорвать кольцо окружения, наблюдались на восточных участках котлов.

Командование вермахта оказалось перед дилеммой. Танковые войска отрезали русских от их коммуникаций, создав оптимальные условия для продолжения наступления. Но вследствие необходимости двигаться дальше они были не в состоянии создать прочное кольцо окружения и воспрепятствовать прорыву из него советских войск. Эти несколько котлов можно было сузить и запереть лишь силами тридцати двух дивизий группы армий «Центр», В ускоренном темпе продвигавшихся вперед. Неожиданно плохие дорожные условия и ожесточенные схватки на внешних границах котлов нарушили график наступления. Отрыв пехоты от танковых частей угрожающе увеличивался. А пехота между тем представляла собой ядро боевой мощи вермахта, именно ей предстояло сокрушать врага и подавлять его волю к сопротивлению. Танковые клинья наносили мощные удары по русским, однако они не могли завершить уничтожение окруженного противника. Командующие танковыми группами делали все возможное для поддержания высоких темпов наступления.

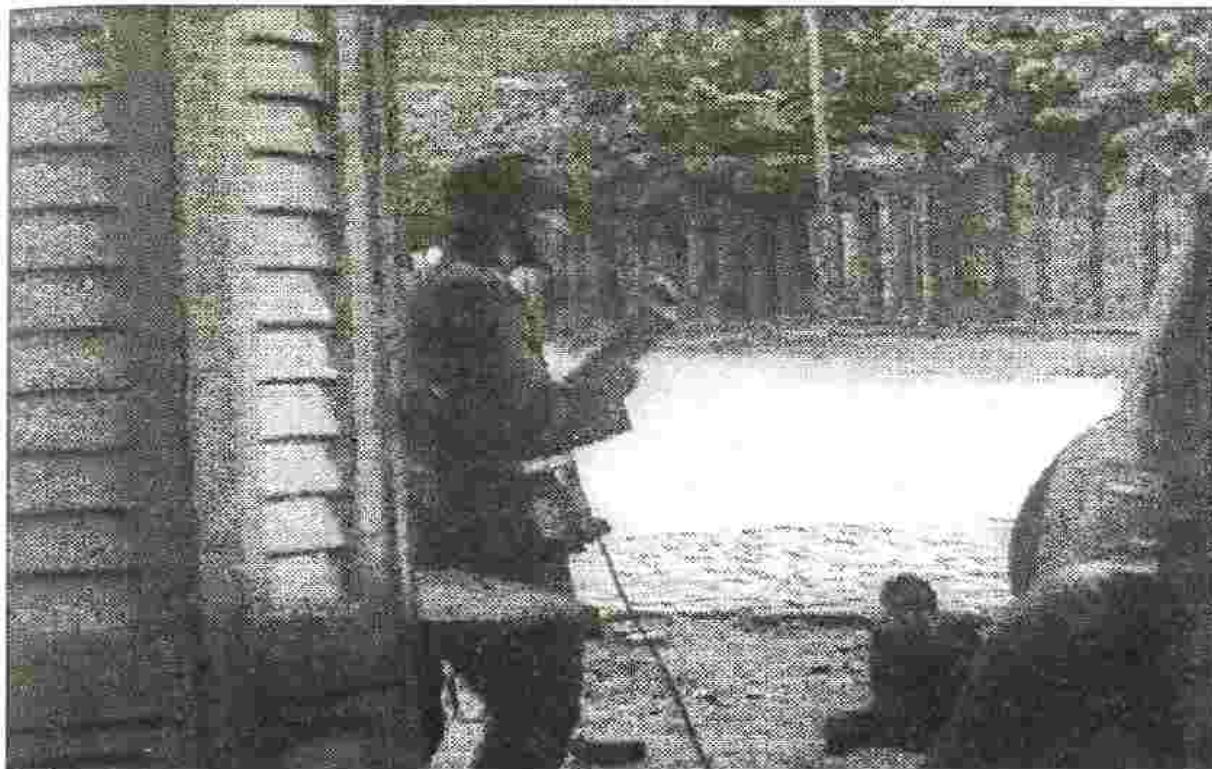
Это, по их мнению, и являлось залогом успеха. Фон Бок отчетливо сознавал явную неспособность ОКВ уяснить эту аксиому стратегии. Он пишет в своем дневнике:

«Подумывают даже о том, чтобы остановить танковые группировки. Если это произойдет, то будет означать отказ от доставшейся нам большой кровью победы в только что отгремевшей битве; это будет означать и передышку для русских, что позволит им создать на перешейке Орша-Витебск оборонительный фронт, иными словами, это будет непоправимой ошибкой! По моему мнению, мы и так слишком увлеклись выжиданием».

Становилось обезоруживающе ясно, что одними лишь переходами к более выгодным в тактическом отношении позициям врага не одолеть. Сражения на участке Белосток-Минск, начавшиеся еще 24 июня, 8 июля близились к завершению. Красной Армии они обошлись в 22 стрелковых, 7 танковых и 3 кавалерийских дивизии и 6 моторизованных бригад. В ходе сражений двум танковым группам, имевшим в составе 9 танковых и 5 моторизованных дивизий, была поставлена задача замкнуть кольцо окружения упомянутых сил противника.

К перечисленным соединениям присоединились затем еще 23 дополнительно переброшенных пехотных дивизии, и совместными усилиями огромная войсковая группировка Советов была уничтожена.

В общей сложности половина всех имевшихся в распоряжении сил группы армий «Центр», то есть 51 дивизия, занималась тем, что громила равные по численности силы противника. Удары были сокрушительны.. Опыт польской и западной кампаний подсказывал, что успех стратегии блицкрига заключается в получении преимуществ более искусным маневрированием. Даже если оставить за скобками ресурсы, боевой дух и воля к сопротивлению противника неизбежно будут сломлены под напором громадных и бессмысленных потерь. Отсюда логически вытекает массовая сдача в плен оказавшихся в окружении деморализованных солдат. В России же эти «азбучные» истины оказались

Парламентер-агитатор призывает красноармейцев «прекратить бессмысленное сопротивление»

поставлены с ног на голову отчаянным, доходившим порой до фанатизма сопротивлением русских в, казалось, безнадежнейших ситуациях. Вот поэтому половина наступательного потенциала немцев и ушла не на продвижение к поставленной цели, а на закрепление уже имевшихся успехов. А целью являлся Смоленский перешеек, не раз в истории войн служивший плацдармом для дальнейшего наступления на столицу России и Советского Союза Москву.

И хотя цель эта по-прежнему оставалась далекой для сухопутных сил, люфтваффе вполне освоилось в небе над Смоленском:

«Смоленск охвачен огнем - вот это было зрелище сегодня вечером. После двух с половиной часов полета мы вышли к цели _ издали были видны пылающие словно факелы городские здания». В результате искусных противозенитных маневров «Хейнкель-111» Ганса-Августа Фовинкеля удалось избежать и снарядов русских зениток, и не угодить в перекрестье лучей прожекторов. «В кабине было светло, как днем», - писал он позже своей супруге. Когда его самолет при возвращении на аэродром пересек Березину, Форвинкелю невольно вспомнился Наполеон. «Смоленск - ставший в свое время местом гибели великого завоевателя; Березина, где и довершился разгром. Стоило мне произнести про себя эти два названия, как я почувствовал, будто заглянул в глубины истории. Но историческим событиям того периода

не суждено повториться, их смысл и значение ныне уже совершенно другие».

Этот боевой вылет стоил немало сил - 9 с половиной часов, считая от взлета в 18.00 и возвращения домой в половине четвертого утра. Где-то далеко внизу мелькали вспышки разрывов - артиллерия. Там немецкое наступление неудержимо катилось на восток. Вернувшись домой, Форвинкель по странному стечению обстоятельств урвал время на чтение «Мира» Гельдерлина. «Все самое важное, - писал он жене, - находится там». Но на практике проверить это утверждение Форвинкель уже не имел возможности. Двумя днями позже во время боевого вылета сбитый кем-то из немцев охваченный огнем советский истребитель свалился прямо на «хейнкель» Форвинкеля. Потом его командир подразделения отписал вдове: «Весь экипаж погиб в этой нелепой катастрофе». Случай этот, кстати казать, произошел в тылу русских. В заключение командир добавил: «Не представляется возможным провести расследование этой катастрофы, и, в силу огромных площадей и расстояний, типичных для России, я не могу с определенностью утверж_дать, что обломки самолета и тела пилотов смогут быть обнаружены в обозримом будущем».

Когда 9 июля закончилось уничтожение окруженных под Минском советских частей, генерал Гюнтер фон Клюге был уже далеко впереди, занимаясь подготовкой новой операции в районе Смоленска, в ходе которой предполагалось окружить еще большие по численности силы Красной Армии. Две танковых группы, 2-я и 3-я, продолжали двигаться в восточном направлении, невзирая на все сложности, возникавшие с окруженными войсками противника. Риск был вполне оправданным. 3 июля главнокомандующий сухопутными войсками Вальтер фон Браухич слил две ударные танковые группировки, образовавшие 4-ю танковую армию под командованием фон Клюге, для прорыва в направлении Москвы(*автор ошибается. На самом деле 2-ю и 3-ю танковые группы подчинили командующему 4-й полевой армией фон Клюге и, соответственно, несколько соединений из ее состава передали во 2-ю армию Вейхса. Танковые армии в вермахте были созданы несколько позже, во время наступления на Москву. Прим. Ред).*

Пехотным дивизиям было предписано следовать за танковыми частями на максимально возможной скорости, но в некотором отдалении. Части 4-й армии были переподчинены командованию 2-й армии (барон, генерал Максимилиан фон Вейхс). 10- 11 июля 1941 года после ожесточенных боев 2-я танковая группа благополучно форсировала Днепр по обе стороны Могилева, у Старого Быхова и Шклова. Тем временем 3-й танковой группе, следовавшей вдоль течения Двины между Полоцком и Витебском, была поставлена задача прорваться к северу от Смоленска. Витебск немцы заняли 9 июля. Вот что вспоминает солдат Эрхард Шауман, свидетель взятия этого города: «Проезжая через Витебск, мы внезапно оказались в эпицентре пожарища. Горело все вокруг. Мы повернули, пытаюсь выбраться из этого моря огня, это было непросто, и нам уже стало казаться, что мы заживо Сгорим в этом пылающем городе. Машины раскалились, я думал, что мы взлетим на воздух. Но нам чудом повезло. Мы атаковали город с запада, а русские ждали нас с Юга. Вот так и был взят Витебск» .

3-я танковая группа сумела обойти силы противника на шоссе Орша-Смоленск. Преодолевая ожесточенное сопротивление противника, она к 13 июля положила начало окружению Смоленска. Два дня спустя в результате дерзкой операции город был захвачен. 17 июля на Днепровско-Двинском перешейке наметилось новое кольцо окружения. В котел угодили 25 советских дивизий, сосредоточенных между Витебском, Могилевом и Смоленском. По имевшимся данным, численность окруженной группировки врага составляла 300000 человек. Пехотные формирования фон Бока находились примерно в 320 км от передовых танковых частей, многим из которых приходилось отвлекаться на охрану кольца окружения. Танковые и моторизованные части 4-й танковой армии затянули петлю, пытались сузить границы котла и дожидались подхода пехотинцев. На 18 июля 12 советским дивизиям противостояли всего 6 немецких дивизий. Натиск советских войск усиливался с каждым

днем. Теперь все зависело от того, насколько быстро подтянется пехота. Со всей остротой вставал вопрос: где же она?

Брестский финал

Немецкие генералы уже планировали операцию по окружению советских войск под Смоленском, а 45-я пехотная дивизия вермахта никак не могла сломить сопротивление красноармейцев, окруженных в самый первый день войны. К концу июля в Бресте под напором немцев постепенно прекращали существование изолированные очаги сопротивления. Бои неоднократно переходили в рукопашные схватки, немцы несли тяжелые потери. Противники не ждали друг от друга актов милосердия. Медсестра К. Лешнева из госпиталя на Южном острове вспоминает: «Продержав нас неделю в осаде, фашисты ворвались в крепость. Все раненые, а также женщины и дети были хладнокровно расстреляны на наших глазах. Мы, медсестры, одетые в белые головные уборы и фартуки с Красным Крестом, попытались вмешаться, полагая, что к нам все же прислушаются. Но фашисты застрелили только моих 28 раненых, а еще оставшихся в живых забросали ручными гранатами». К 8 часам утра 29 июня, на восьмой день осады наконец состоялся долгожданный визит люфтваффе. Один_единственный бомбардировщик сбросил 500_килограммовую бомбу на Восточный форт. Полагали, что тем самым удастся склонить к сдаче защитников цитадели и тем самым спасти жизни немецких солдат. Но взрыв бомбы большой мощности лишь слегка повредил толстые кирпичные стены. На следующий день шла подготовка к рукопашной схватке с использованием зажигательных устройств. Бочки и бутылки заполнили бензиномасляной смесью. Их предполагалось поместить в траншеи и поджечь при помощи ручных гранат и ракетниц. Задание это пришлось явно не по душе осаждающим. Решили предоставить пилотам люфтваффе последний шанс. Все тот же бомбардировщик довольно долго кружил над крепостью, по-видимому, получая последние указания по радио. Внимание всех было сосредоточено на Восточном форте. Еще одна 500-килограммовая бомба обрушилась на стены крепости. Эффект - минимальный. Все стало понемногу напоминать дикий, сюрреалистический фарс. События решили увековечить на пленке. Вообще, зевак собралось множество - солдаты и офицеры 45-й дивизии следили за происходящим с крыш близлежащих зданий. Покружив еще немного, бомбардировщик спикировал и сбросил вторую бомбу. На сей раз 1800_килограммовую. Она рухнула на угол массивной стены у канала. Все вокруг сотряс страшной силы взрыв, в Бресте задрожали стекла в окнах домов. Высыпавшие на улицу люди увидели, как над крепостью поднялся огромный столб дыма. На сей раз бомба причинила огромные разрушения, и этот эпизод ознаменовал конец обороны Брестской крепости. Из форта потянулись советские солдаты, среди них были женщины и дети. К вечеру сдалось примерно 389 человек.

В утренние часы 30 июня Восточный форт был зачищен, из него вынесли раненых. Наконец представилась возможность предать земле разбросанные повсюду тела немецких солдат. Струи огня, сменявшиеся черным дымом, отмечали путь огнеметчиков, обшаривавших потаенные уголки цитадели в поисках тех, кто не желал сложить оружие. Похоже, вермахт наконец одержал победу. Отныне и шоссе и железнодорожный мост были открыты для беспрепятственного движения войск и грузов. В плен попали остатки двух советских дивизий, 6_й и 42_й - свыше 100 человек офицеров и 7122 солдата и сержанта. Кроме них, немцы захватили 36 гусеничных тягачей и 1500 в значительной степени поврежденных грузовиков, 14 576 винтовок, 1327 пулеметов и 103 артиллерийских орудия различных калибров. Хотя победа была полной, хотя передовые танковые соединения стояли у стен Смоленска, психологическое воздействие этой победы было минимальным.

Кинооператоры из отдела пропаганды снимали на пленку выходивших из руин Восточного форта последних его защитников. Грязные, забинтованные, они дерзко смотрели в

объективы. Чуть приободрившись, покуривали предложенные им сигареты, излучая мрачноватую уверенность, которая впоследствии не осталась не замеченной для зрительной еженедельной германской кинохроники. По свидетельству некоторых солдат и офицеров 45-й дивизии, «они ничуть не походили на людей надломленных, изголодавшихся или не имевших понятия о воинской дисциплине». Ни майора, ни комиссара, руководивших обороной, так не удалось обнаружить. Оба покончили жизнь самоубийством*(непонятно, о ком говорит автор. Обороной Восточного форта руководил командир 44-го стрелкового полка майор Л.М. Гаврилов, который попал в плен на 32-й день войны).*

45-я пехотная дивизия начала войну в России ветераном боевых действий, оставив во французской земле 462 солдата и офицера. А 450 солдат и 32 офицера были похоронены на первом дивизионном кладбище этой кампании в Бресте. Еще 30 офицеров и 1000 солдат и унтер-офицеров были ранены. Вблизи крепости были обнаружены тела примерно 2000 русских, но, по имеющимся данным, погибло свыше 3500 человек. И судьба 45-й дивизии своего рода микрокосм судьбы очень и очень многих других немецких дивизий, воевавших в России. В ходе этой первой за кампанию операции 45-я дивизия потеряла больше личного состава, чем за все время боевых действий на Западном фронте год тому назад. 3 июля 45-я дивизия вошла в состав 2-й армии и вскоре уже маршировала на восток в тылу переименованной 4-й танковой армии, в составе которой и начинала нынешнюю кампанию*(ошибка автора. 45-я дивизия не могла начинать войну в составе 4-й танковой армии, поскольку сама армия была создана значительно позже. Прим.ред).*

И даже после 30 июня и уже после вывода 45-й дивизии немецкие солдаты не чувствовали себя в полной безопасности вблизи Брестской цитадели - еще сохранялись отдельные очаги сопротивления. Раздражение против «нечестных», по мнению немцев, методов ведения войны передалось и тем, кто не принимал непосредственного участия в штурме крепости. Ефрейтор Вилли Шадт из 29-й моторизованной дивизии вспоминал, как унтер-офицер Феттенборн из его роты лично расстрелял в Бресте 15 гражданских лиц только для того, чтобы, как он объяснил, эти «красные свиньи чего-нибудь не натворили, что наверняка замышляют». И в этом случае несчастным пришлось самим отрывать для себя могилы.

Чуть спокойнее стало лишь к середине июля. Гельмут К., 19-летний водитель из Имперского трудового фронта, попавший в Россию в первые дни после германского вторжения, писал родителям о продолжавшихся в Бресте акциях сопротивления. Уже по завершении сражения за Минск он 6 июля писал, что «цитадель все еще держится», то есть очаги сопротивления сохранялись. «Русские уже дважды выбрасывали белый флаг, каждый раз после этого туда посылали роту СС, и тем там доставалось на орехи». Однажды, подогнав машину к самой крепости, Гельмут едва не погиб в результате налета пикирующих бомбардировщиков. Бомба разорвалась в каких-нибудь 300-400 метрах от него. «Я даже, признаюсь честно, наделал в штаны от испуга», - свидетельствовал Гельмут К. 11 июля прямо на городской улице Бреста был застрелен немецкий офицер. Гельмут К. на следующий день жаловался в своем письме: «Тут под землей туннели прорыты, на целых 3 километра от крепости и до казарм, и оттуда до сих пор не могут выкурить русских. А наше подразделение размещается как раз в одной из таких казарм. Здесь на дорогах полно гвоздей, они их специально разбрасывают. Уже сколько раз прокалывал шины... а наши войска уже в 300 километрах отсюда на пути в Москву».

Даже в наши дни можно прочесть нацарапанные штыками в те дни слова на стенах Брестской цитадели. «Обстанов-ка тяжелая, но мы не теряем мужества», «Умрем, но не сдадимся.20.07.41». Весь июль вспыхивали перестрелки. Последние защитники погибли в

безвестности.

ГЛАВА 8

СМОЛЕНСК

«Как нам хотелось, чтобы эти русские наконец остановились. Пусть даже, чтобы дать нам бой, лишь бы избавить нас от этой беспрестанной каждодневной маршировки». Немецкий офицер-пехотинец

Пехота

8 июля 1941 года штаб 4-й танковой армии разместился в Борисове на реке Березине. Перед войсками стояло множество проблем. В первую очередь требовалось ликвидировать увеличивавшийся с каждым днем отрыв пехотных частей от танковых, в противном случае это могло обернуться катастрофическими последствиями. Из воспоминаний генерала Гюнтера Блюментритта: «Я помню, будто это было вчера - непроглядные клубы желтой пыли, поднятые колоннами отступающих русских пехотинцев и преследующих их наших».

Окружение крупной группировки советских войск под Смоленском представлялось для немецкого командования очень заманчивой целью, поскольку позволяло уничтожить

те армии противника, которым удалось отойти из Белоруссии, а также давало возможность создать плацдарм для наступления на Москву. В Борисове многое напоминало о пребывании здесь армии Наполеона 130 лет назад. В нескольких километрах к северу от города в XIX веке русские вынудили армию Бонапарта переправляться через скованную льдом Березину. Это было зимой 1812 года. Форсирование Березины обернулось для французов страшными, невосполнимыми потерями. Впрочем, немцы предпочитали рассматривать это лишь как исторический факт, а вовсе не мрачное предзнаменование. Генерал Блюментритт, начальник штаба 4-й армии, отметил: «Когда вода прозрачная, в ней можно разглядеть остатки мостовых опор, построенных еще французами». Немцы тоже построили переправы и теперь ждали прибытия пехоты.

Где-то в тылу 22-летний пехотинец Гаральд Генри совершал пеший марш в составе полка группы армий «Центр» «по испепеляющей жаре и с привалами, на которых проваливаешься в мертвый сон». Лейтенант Генри Хаапе, врач 18-го пехотного полка, вспоминал краткие паузы для отдыха, которые еще выдавались в первые дни кампании: «Несчастливые полтора часа сна, от них больше вреда, чем пользы. Попробуйте разбудить уставшего как собака солдата. Кости ноют, мышцы костенеют, ноги распухли так, что еле сапоги снимаешь».

С начала века выкладка пехотинца менялась мало. Обувались солдаты все в те же сапоги с высокими голенищами, а в бою вели огонь из винтовки образца 1898 года. Килограммов тридцать обмундирования плюс еще паек, запасной боекомплект, оружие и части пулеметов или минометов. Гаральд Генри сетовал по этому поводу: «Точно не скажу, сколько весит выкладка, но приходилось таскать с собой еще и толстое шерстяное одеяло, ящик с патронами, уже от этого можно свихнуться. Поэтому пришлось отослать домой книги».

Солдаты на марше старались отделаться от лишней поклажи, складывая ее в полковые грузовики. Стандартная выкладка на марше весила около 14 кг. Кожаный подсумок вмещал до 60 винтовочных патронов, саперную лопатку, противогаз (его носили не все, но тем, у кого его не было, поручалось нести еще что-нибудь), фляга с водой, коробка для еды с хлебом,

мясом или колбасой, банка смальца и штык. Весившую 1,5 кг каску на марше обычно не надевали, она крепилась на ремешке к выкладке. Винтовку весом в 4 кг носили через плечо.

Германские танкисты на привале

Каждому солдату полагался алюминиевый жетон, разламывавшийся на две половинки в случае гибели военнослужащего, - одну отдавали капеллану либо в административное подразделение. Мешочки для хлеба и карманы обмундирования постоянно оттопыривались от всякого рода мелочей, без которых трудно обойтись солдату на марше. Число их в зависимости от продолжительности марша уменьшалось. «Все дороги в этой стране идут в гору, - делился впечатлениями ветеран нескольких кампаний. - Местность равнинная, но дороги независимо от направления почему-то представляют собой сплошные подъемы...»

На марше чаще всего солдата поднимали без четверти три утра, чтобы полчаса спустя, когда рассветет, выступить. Некоторые роты в день одолевали до 50 км. Один искушенный вояка даже подсчитал: если предположить, что каждый шаг равен 60 см в среднем, то 50 км означало 84 000 шагов.

Завтрак ПРОХОДИЛ второпях, он состоял из чая или эрзац- кофе, хлеба с маслом, маргарином или вареньем и консервированной колбасы из печени. После команды быть готовым к маршу иногда оставалось время, чтобы проглотить сырое яйцо. В неверном свете наступавшего дня формировались ротные колонны. В первые минуты солдаты шагали бодро.

Но уже час или два спустя, по мере того, как солнце поднималось выше, плечо начинало ныть от двух висевших винтовок. Обер-лейтенант артиллерии Зигфрид Кнаппе рассказывает: «Ноги проваливались в песок или поднимали пыль, от которой скоро было уже не продохнуть. Лошади храпели и фыркали, пытаясь избавиться от попавшей в ноздри пыли, распространяя специфический резкий запах. Им вообще трудно было передвигаться и по песку, и по жидкой грязи. Солдаты шли молча, эта пыль не давала рот раскрыть, она оседала на зубах, забивала глотку». Понемногу напоминали о себе застарелые мозоли, сапоги немилосердно натирали ноги до пузырей, вскоре превращавшихся в кровавые волдыри. Солдату в таком состоянии

было на все наплевать, из состояния апатии его мог вывести разве что огонь противника.

Лейтенант Генрих Хаапе из 18-го пехотного полка заметил на небе белые шапки разрывов -зенитки. Вскоре показались и русские самолеты. «Но солдаты, казалось, не замечали ничего, что не касалось бы непосредственно их самих. А в тот момент их касалось исключительно количество шагов, пересохшая глотка и осточертевший груз на спине. Только бы добраться до привала и сбросить его! Или уж хотя бы просто услышать приказ «стой!», когда можно будет перевести дух, - вот о чем мечтали наши бойцы. Никому и в голову не приходило затянуть песню, просто пошутить или даже перебраться словом с шедшим рядом».

Стрижка в полевых условиях. На груди парикмахера висит «смертный» идентификационный жетон, заключенный в кожаный чехол

И после нескольких часов этих мук: «...однообразный темп марша отпечатывался убийственным равнодушием на лицах солдат, их можно было различать между собой разве что по висящим в уголке рта сигаретам. Странное это было курение - не в затяжку, просто хоть чем- то отвлечься, пусть даже щипавшим глаза вонючим табачным дымом».

На привалах боль от кровавых мозолей, которые саднили от попавшего в сапоги, песка, становилась нестерпимой. Все тело гудело. Горели натертые обмундированием места.

Уже ни пить, ни есть не хотелось. Пехотинцы варились в собственном едком поту. Чесалась голова, волосы были забиты песком, каска на голове превращалась в пыточное орудие.

По словам Гаральда Генри, «пыль въедалась в обмундирование, белесой пудрой покрывала лица, волосы, от чего все враз превращались в блондинов, до ужаса напоминавших солдат Фридриха Великого в париках, лица же, напротив, были черными от грязи, как у африканских негров.

Эти знойные дни тянулись нескончаемо. И вот полдень - солдатское счастье - полевые кухни!

«Гуляшные орудия», как их окрестили военные. Эти передвижные полевые кухни на конной тяге были важнейшей и неотъемлемой частью ротного обоза. Овощи и мясо закладывали в котел емкостью 175 литров (или же два котла по 60 литров каждый), а варка происходила на

ходу. Котлы имели особое противопригарное покрытие. Этот нехитрый, но весьма удобный в эксплуатации агрегат играл огромную роль для поднятия боевого духа вермахта, служа своего рода сборным пунктом, как ничто другое' способствовавшим сплочению солдат, средством психологической разгрузки. После неудавшейся атаки или при отступлении, в случае серьезных потерь, личный состав подразделения приходилось собирать офицерам полевой жандармерии, что было отнюдь не просто. А полевые кухни, подобно некоему центру тяготения, привлекали всех отбившихся от подразделений, легко раненных и случайно уцелевших в мясорубке боя бедняг. Возле них узнавали последние новости, обменивались слухами, писали письма домой. Специфический институт полевой кухни удовлетворял потребность солдата в душевной близости, его стремление как-то защититься от враждебного окружения чужбины, от опостылевшего однообразия будней. Полуденный обед на марше, часто единственная и главная трапеза дня, служил мощным стимулом продвижения вперед, заставлял позабыть все тяготы. И еще немало- важная деталь - после обеда полагался часовой отдых.

«Все, будто по команде, проваливались в глубокий сон. И этих людей не беспокоило ничто - ни треск мотоциклов, ни гул моторов. Подушкой мога служить и подложенная под голову каска, и на ней, поверьте, солдату спалось ничуть не хуже, чем на пуховой подушке. Сон, даже под аккомпанемент оружейной канонады - одно из немногих удовольствий солдатской жизни, поскольку солдат прекрасно сознает, что впереди еще долгий день и много_много километров».

Пробудившись, народ, потягиваясь, неохотно поднимается на ноги. Сейчас очень многое зависит от личности и авторитета командира - предстоит, не мешкая, подтянуться к идущим впереди колоннам во избежание крайне опасных брешей по интервалу. Вот поэтому на командные должности предпочитали ставить людей постарше, умудренных опытом Первой мировой войны. Обер-лейтенант Кнаппе маршировал в составе своего подразделения на Минск: «Низкие холмы подымались из-за горизонта и снова исчезали за горизонтом позади. Казалось, что картина местности не меняется вовсе. Километр за километром одно и то же.

Сплошная трудноразличимая серо-зеленая масса. Совсем, как мы... И еще эти бесконечные поля подсолнухов».

В памяти офицера Потсдамского 9_го пехотного полка первые дни кампании в России запечатлелись «ежедневными пешими маршами в невыносимую жару, которым, казалось, конца не будет». Мало кто из солдат находил в себе силы воспринимать окружающую обстановку. Мало кто смотрел по сторонам - шли, опустив головы или же тупо уставившись в спину идущего впереди. И эта отрешенность от мира, погруженность в себя позволяла куда легче переносить боль и муки, заполняла собой полнейший психологический вакуум. Лейтенант Хаапе вспоминает, как «солнце медленно садилось, погружаясь в непроницаемые облака пыли, поднятой нашими сапогами и колесами машин. А мы все шагали. До самой темноты». Вражеские засады воспринимались чуть ли не с радостью - хоть какое-то отвлечение от этой серятины. Ощущение опасности насыщало адреналином кровь, отрезвляло, и потом шагать дальше на восток было куда легче. «Нам хотелось, чтобы нас обстреляли русские, черт с ними, пусть даже это закончилось бы настоящим боем, пусть, лишь бы хоть ненамного прервать это ужасающее однообразие, это безвременье ходьбы. Было уже 11 вечера когда мы наконец дотащились до какой-то огромной фермы и встали там на ночлег. В тот день мы сделали 65 километров!» Три часа сна, и снова подъем - подготовка к маршу следующего дня. А когда черкнуть письмецо домой? Некоторым приходилось стоять в карауле. Времени на отдых катастрофически не хватало. Везде, на фронтах всех трех групп армий пехотинцы старались не отстать от танкистов. К 1 июля действовавшая на участке группы армий «Север» 6-я пехотная дивизия сумела покрыть 260 км от Мемеля до Риги -10 дней по отвратительным дорогам, в условиях постоянных стычек с разрозненными частями противника.

В период с 9 по 30 июля 98_я пехотная дивизия (группа армий «Центр») ежедневно одолевала 40-50 км. Гаральд Генри писал домой: «Никому не убедить меня, что тот, кто не служил в пехоте, в состоянии представить себе, каково нам здесь приходится. Пусть попытается представить эту нечеловеческую усталость, это палящее солнце и горящие от мозолей ноги.

Измотанные длительными переходами пехотинцы засыпали при первой возможности

Причем не в конце ежедневного 45_километрового отрезка, не перед долгожданным привалом, а в начале марша. Минуют часы, пока твои ноги станут нечувствительными к боли от многочасовой ходьбы по этим песчаным или сравийным дорогам» .

Железная солдатская выдержка являлась результатом воспитания в «гитлерюгенде», на трудовой повинности - там смолоду приучали к продолжительным пешим переходам. В те времена вообще люди больше передвигались пешком. И дети, и взрослые. Транспортная революция второй половины XX столетия еще не наступила - люди были более привычными и к длительным пешим маршам, и к пешим прогулкам. Все это очень пригодилось на этой войне. Молодежь старалась не отставать от закаленных в прошлых кампаниях ветеранов. Любому понятно, что пресловутые танковые клинья входили в оборону противника не просто, как нож в масло, а иногда здорово притуплялись, если противник действительно всерьез относился к обороне. Случалось, что эти танковые клинья, истончившиеся вследствие

растягивания сил, не выдерживали натиска с флангов и обламывались. Наступавшие танковые дивизии в ходе блицкрига были крайне уязвимы, поскольку вследствие прорыва в тыл противника оголялись их фланги. Но немцы особенно не горевали по этому поводу, поскольку противник в первую очередь тревожился за собственную уязвимость и тылы. Основные потери в условиях блицкрига приходились на пехоту - именно она входила в

непосредственное боевое соприкосновение с противником, именно за ней оставалось последнее слово. Ветераны прежних кампаний, весьма болезненно воспринимавшие потери в своих рядах, справедливо полагали, что потерь куда меньше, если враг, убедившись в бесполезности сопротивления, сдается в плен. И пехотинцы твердо знают: чем мы ближе к танкам, тем меньше боев с врагом - танки возьмут на себя всю тяжесть сражений. Именно убежденность в этом и гнала пехотинца вперед. «Жуткое и неизгладимое впечатление на нас

Велосипеды существенно ускоряли продвижение пехоты вермахта

производили картины того, что осталось от многочисленных армий противника в результате наших танковых атак при поддержке «штукаса», сообщал Гаральд Генри, вместе со своим подразделением наступавший на Могилев (группа армий «Центр»):

«У огромных воронок по обочинам дорог, оставшихся после атаки наших пикирующих, всегда были ровные края, будто их вырезали в земле. От взрывов бомб самые тяжелые танки подлетали вверх, словно игрушечные, и переворачивались. После этих внезапных бомбовых атак дело довершили наши танки. Подобные картины разгрома нередко тянулись километров на 25».

«Мы маршируем, а противник тем временем продолжает пятиться на восток, - констатировал лейтенант Генрих Хаап из 18-го пехотного полка. - Начинает даже казаться, что нашему батальону так и не догнать его». Монотонность маршей притупляла все, даже страх возможных схваток с врагом. «Эта война - непрерывный марафон, кажется, что он продолжится до самого Урала, а может, и еще дальше», - уверенно заключает Хаап.

«Кажется, что эти многочасовые переходы никогда не кончатся, - заявлял Гаральд Генри, достигнув подступов к Днепру. На 25-30 км вдоль русла реки одни лишь обгоревшие обломки грузовиков, подбитые опрокинутые танки, разоренные или дотла сожженные деревни, от пристального взора этого солдата не ушли и случайно уцелевшие от огня цветы - тигровые лилии, призрачно и неуместно рдевшие на

фоне обугленных бревен. Эти марши мало напоминали помпезные военные парады, они требовали от пехотинцев максимального напряжения сил, что-бы не отстать от мчавшихся дальше на восток танков. Таким образом, платить приходилось дважды - потерями личного состава и физическим изнеможением. «Навеки я запомнил характерный смрад этой кампании - гарь пожарищ, пот и вонь от разлагавшихся лошадиных трупов». Яркий солнечный свет лишь усиливал ужас от зрелища раздувшихся на жаре конских трупов.

«Самое отвратительное [зрелище] представляли собой трупы лошадей, кошмарно раздутые или с выпущенными внутренностями и обезображенными мордами. Повсюду этот невыносимый смрад, бьющий в нос гибельный дух мертвечины, зловоние скотобойни, и тут же рядом наша колонна на марше. Еще более жуткая картина _ свинья, повизгивая, пытается отхватить шмат падали от павшей лошади. Эту зловещую символику было угадать нетрудно - и нас ждет участь этих лошадей, наступит день, когда мы, околев, будем валяться и гнить, как эти лошади».

Медленно, но неотвратно масса германской пехоты приближалась к точке смыкания с танковыми силами. «Мы готовы были хохотать от радости, петь, плясать - нам оставалось всего каких-то 30 километров, - продолжает лейтенант Хаапе. - Нашим передовым частям вместе с танкистами выпало пережить ожесточенные схватки». Битва близилась.

Соппротивление врага, закрепившегося на другом берегу Двины, крепчало не по дням, а по часам. «Наконец война добралась и до нас!» - с безудержным оптимизмом объявил Хаапе.

«Колонна бодро шагает по дороге. Теперь цель уже близка, она в нескольких километрах от нас». Близость противника, осознание того, что тебе скоро придется убивать, а может, и самому быть убитым, - это было для пехотинца уже не метафизикой, а суровой реальностью. «В бою я, как и любой солдат, - вспоминал уже после войны лейтенант Губерт Бекер, - понимал, что любой из моих товарищей может погибнуть, как и я сам - в любой момент меня могли убить». Каждый муссировал эти предбательные ужасы на свой лад. «Убить - такого мы еще не осознавали; гибель - это было нечто пока неизведанное». Но, как бы то ни было, гибель становилась реальностью, с которой приходилось считаться. «Во время атак, когда русские наседали на нас или же мы на них, нам было очень и очень не по себе. Нкогда нельзя было знать, что станет с тобой в следующую секунду». Физические нагрузки, психические... И в этом смысле пример рядового пехоты Гаральда Генри вполне можно считать самым что ни на есть типичным. Сегодня, пройдя маршем задень километров 25, он вместе со своими товарищами по подразделению проводил ночь на посту боевого охранения. Посты выставлялись на влажном заливном лугу.

Следующий день также выдался «весьма напряженным». Пара часов сна на привале в полдень, потом марш до следующего пункта назначения, что в 44 километрах. В полночь ночлег. Едва улеглись, как Враг обстрелял их. Пришлось хитрить, маневрировать в поисках нового пристанища. И так миновало еще три четверти часа. Приказ разобрать носимое имущество. Это значило, что ВОТ-ВОТ грянет бой. «Но первой пришла мысль, что лично мне придется тащить тяжеленный ящик с патронами». Последовал заурядный ночной бой, до рукопашной дело не дошло, но перенервничали не на шутку. Генри досадовал: «Сил на эту решительную атаку ушло масса, а теперь с наступлением рассвета надо было думать о следующих 44 км марша. Я был как выжатый лимон, пальцем шевельнуть не мог» .

Ничуть не меньшие трудности выпадали на долю моторизованных подразделений, шедших в авангарде танковых. Те не имели вообще ни минуты отдыха, по пути участвуя сдерживающих противника схватках, и конца этому не было. Подобного рода стычки с неприятелем, бои местного значения, всегда были чреватые неуклонно возрастающими потерями. Гауптштурмфюрер Клинтер, командир взвода 3_й моторизованной дивизии ее «Мертвая голова», действовавшей в районе Даугавпилса, вспоминал атаки русских

пехотинцев, начавшиеся в 5 часов утра после беспокойной ночи. Бесчисленные фигуры в серых гимнастерках надвигались на их позиции «лавиной - или, точнее - неукротимым потоком лавы». Артиллерийской поддержки не было и быть не могло - боеприпасы закончились, и их не успели подвезти.

«И этот серый поток подбирался все ближе и ближе. Все плотнее становился винтовочный и пулеметный осонь, пули то и дело свистели у самой головы. Плотнее становился и артиллерийский осонь противника. И вот они в 100 метрах... в 60... в 30! И тут это внушающее ужас громовое «ура!» Но тут заработали наши пулеметы, и фигурки стали падать на землю. Это было справа от моего участка... Глухо разорвалось несколько ручных гранат, и они, отпрянув, бросились назад».

Потери личного состава взвода Клинтера оказались внушительными. Погиб один из командиров отделения. «Обессиленные, мы буквально свалились в траншеи. И лежали там, как трупы, не в силах шевельнуться. Три часа спустя, едва мы успели оправиться, как началась новая массированная атака русских. Боеприпасов катастрофически не хватало, мы едва отстреливались. Прямо перед тобой эта серая волна, до нее было метров пятьдесят, не больше. Сжав в руках саперные лопатки и ручные сранаты, мы ждали рукопашной, - продолжал Клинтер. - И вдруг над нашими головами что-то засвистело. Мы завертели головами, пытаюсь понять, что это, и тут увидели, как прямо в гуще наступающих русских замелькали разрывы. Над нами со свистом продолжали проноситься снаряды, разрываясь в гуще врага. В воздух летели изувеченные тела и винтовки...» Немецкие артиллеристы, собрав по крохам последние из оставшихся снарядов и выбрав подходящий момент, поддержали своих огнем. Линию обороны удалось удержать. Клинтер вспоминает:

«Полумертвые от ужаса, без сил, мы снова свалились в траншеи. С великим трудом опомнившись, мы почувствовали голод и жажду». Враг отступил. Вскоре бойцы Клинтера получили возможность выпить. Позже, когда подвезли боеприпасы, роте снова было приказано атаковать противника. Тут уж стало не до еды. Преследование противника осуществлялось на 28-градусной жаре. Вскоре рота вынуждена была спасаться от огня, который русские открыли из-за железнодорожной насыпи. Солдаты были на грани истощения психических и физических сил. Они не сразу поняли, что окружены на клубничном поле, среди длинных грядок клубники. Сначала двое, потом за ними и вся рота поползли вдоль насыпи, срывая и жадно отправляя в рот ягоды. «И тогда КТО-ТО, не выдержав, рассмеялся, - вспоминает Клинтер, - впервые рассмеялся» .

Но на этом муки не кончились. К десяти часам вечера в завершение этого душного дня разразилась страшная гроза. «Нигде нельзя было укрыться от ливня, превратившего в кашу наш трехсуточный рацион, - рассказывал Клинтер. - Люди так и стояли во тьме под проливным дождем, даже не пытаюсь бежать. Всю ночь мы старательно окапывались в этой грязище и не закончили даже к 3 часам утра». На рассвете, Кое_КаК обсохнув, они добрались до деревни Краслава, лежавшей в 14 км. Там их дожидался транспорт. Преследование противника продолжилось уже на грузовиках. Откинувшись к бортам, истомленные бессонной ночью солдаты попытались заснуть. Офицеры и водители такой возможности не имели. Время от времени останавливались, и офицеры внимательно изучали небо, опасаясь налета вражеских самолетов, и, как оказалось, не зря. Обер-ефрейтор Йешке из 18_й танковой дивизии вспоминал, как он наблюдал с земли воздушный бой. Их танковая колонна передвигалась по автостраде. «Самолеты носились в воздухе, совершая невероятные кульбиты, и невозможно было понять, где кто». Сначала на землю стали падать бипланы русских, взрывы гремели по обе стороны от колонны на придорожных полях. Вот тогда танкисты пережили, по словам Йешке, «леденящий» ужас. Один немецкий истребитель взорвался в воздухе, а второй, объятый пламенем, рухнул на землю в нескольких метрах от пути следования колонны. «Разлившийся бензин полыхал, перекрыв дорогу, от него

загорелся наш полугусеничный бронетранспортер. Водитель и остальные выскочили наружу, сами полыхая будто факелы и стали кататься по земле. Еще один «мессершмитт» попытался совершить вынужденную посадку впереди нашей колонны, но русский на своем толстобрюхом биплане в упор расстрелял машину, едва она колесами коснулась земли!» Атаки русских с воздуха всегда отличались внезапностью. Лейтенант Губерт Бекер, офицер_артиллерист (группа армий «Север») и страстный кинолюбитель, ухитрился снять на любительскую камеру одну из таких атак. «Русские истребители-бомбардировщики доставляли нам массу хлопот, - жаловался Бекер, - внезапно налетев, они расстлывали наши позиции». Его расчет сумел сбить один из самолетов, причем из личного оружия - зенитных орудий в их распоряжении не имелось.

«И тут же раздались победные крики. Мы были вне себя от радости, подбив этого засранца...» После Бекер заснял на пленку догоравшие остатки самолета. В кадр попало и то, что осталось от пилота, - обугленные останки. Когда уже после войны Бекер показал эти кадры Кое_КОМУ из своих друзей и знакомых, те восприняли сцену с нелепым пафосом. А все было куда проще. Как считает сам Бекер: «Не скрою, мне было приятно смотреть эти кадры. Но все дело в том, что мы просто_напросто действовали так, как будто нужно было

Солдаты войск СС трогательно ухаживают за свежей могилой своего товарища. Скоро таких могил станет очень много, и в кинохронике их перестанут показывать

прихлопнуть ужалившего тебя шершня... Поймите, - безо всякой злобы или ненависти добавил Бекер, - не сделай мы этого, он бы уничтожил нас. Он уже расстрелял человек пять из наших _ поверьте, именно так все и было».

Тем временем измотанное подразделение гауптштурмфюрера Клинтера из дивизии ее «Мертвая голова» всю ночь обустроивало оборонительные позиции на заболоченном участке местности в мелколесье. Ночь выдалась беспокойной, подразделение получило приказ о подготовке к атаке, а отбивать эту атаку пришлось весь день. В конце концов с прибытием двух штурмовых орудий, расстрелявших, когда рассвело, противника, операцию можно было считать успешной. Наконец после трех суток непрерывных боев выдалась минута отдыха.

«Но, лаконично отмечает Клинтер, как это всегда бывает, если ты надумал поспать и даже нашел для себя уютное местечко, скорее всего, выспаться тебе не дадут». Именно так и произошло. Части 290-й пехотной дивизии выдвинулись вперед и заняли тот рубеж, на котором Клинтер планировал отдохнуть. И вот еще 10-километровый марш в темноте и по ужаснейшим русским дорогам. А провиантом и не пахло. После всех невзгод предыдущих дней командир эсэсовского взвода сетует: «Какой смысл считаться моторизованным соединением, если тебе почти всегда приходится передвигаться на своих двоих, в особенности тогда, когда транспорт нужен позарез?» Ветеран танковых частей не скрывал сарказма: «Моторизованный транспорт служит лишь для того, чтобы лишний раз убедить нас, несчастных рядовых мотопехоты, что нас бросают на врага почаще, чем наших собратьев обычных пехотинцев. Но до боя и после него мы вынуждены топтать, как и они, а единственное наше преимущество в том, что на нашу долю этих боев выпадает больше».

К трем часам утра они на грузовиках и бронетранспортерах добрались до места и спешили, чтобы уже пешком продолжить преследование противника в направлении Опочки. И с наступлением дня снова вступили в бой. Вымотались адски, впрочем, иного и быть не могло, если речь шла о пехотинцах на марше. Теперь им предстояла переброска в район смоленского котла.